ОЧЕРКИ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Т. Саидкулов

اُورتا اسیا خلقلاری تاریخی نینگ تاریخ شناسلیگیدن لوحلار

حضرت مولوی جامی

حضرت یوسف علیہ السلام

Т. С. САИДКУЛОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(ЧАСТЬ 1)

Рекомендовано Министерствами высшего и среднего специального и народного образования Республики Узбекистан в качестве учебного пособия

Ташкент «Укитувчи» 1992

Рецензенты:

доктор истор. наук, проф. *Ф. К. Касимов,*
доктор истор. наук, проф. *Г. И. Желтова.*

С 0502000000—109 —90—92
353 (04) 92

ISBN 5—645—01520—7

© Издательство «Укитувчи», 1992 г.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «историография» применяется в двух значениях: наука о развитии исторических знаний и о методах исторического исследования (например, современная историография); совокупность исторических исследований, относящихся к какому-либо историческому периоду, проблем (например, историография послереволюционного периода).

До начала письменности эпические сказания (греч. термин «эпос»— былины, слово, рассказ, сказание) являлись единственными произведениями исторической литературы (русские былины, «Одиссея» Гомера, «Алпамыш», «Манас», «Горогли» среднеазиатских народов и др.).

Исторические надписи, а позже — летописи, можно считать древнейшими формами письменных историй. Записанные очевидцами или современниками событий тех лет, они неоднократно переписывались или передавались устно из уст в уста сказителями и поэтами, в Средней Азии народными акынами. Исторические надписи и летописи существовали, видимо, у всех народов, имевших письменность.

Первым обширным историческим трудом, дошедшим до нас, был знаменитый труд Геродота (V в. до н. э.), происходившего из г. Галикарнаса на побережье Малой Азии, чем можно объяснить влияние Востока на его произведения. Геродота еще современники Цицерона (1 в. н. э.) называли «Отцом истории», хотя его произведение («История» греко-персидских войн была доведена до 479 г. до н. э.) осталось незаконченным, в нем нет признаков научного исследования. И, тем не менее, его труд по широте изложения событий и фактов и по художественным достоинствам был значительным шагом вперед по сравнению с трудами его предшественников. Например, Геродот называет районы сражений с указанием их расположения по соседству с Каспийским морем. Именно здесь простираются памятные равнины, где живет народ массагетов. Он первым называет это море Каспием по имени каспиев — народа, жившего на его юго-западном берегу. Автор имеет в виду древние племена, поселившиеся впоследствие на территории Западного Ирана (мидян и персов), которые вторглись, вероятно, в Иран отдельно от других иранских племен, через горные перевалы к западу от Каспийского моря. Это были

племена массагетов, саков, дахов, арахотов, эламитов, кадусийцев — древних народов государств Бактрии и Древнего Хорезма.

В источниках не сохранилось сведений о судьбе первых обитателей побережья Каспийского моря. Видимо, они исчезли во времена великих переселений народов, а те, которые не были уничтожены, оказались поглощенными своими завоевателями.

По сообщению Геродота, мидяне, например, осевшие на северо-западе Иранского нагорья, делились на шесть племен, одно из которых составляли маги — по гречески магой. По-видимому, это племя было греческим, из него происходили священнослужители, не только у мидян, но и у персов[1]. Авестийский «Гимн Митре» («Яшт» X, «Михр Яшт») дает красочную характеристику стран, «где победоносные военачальники предпринимали многочисленные атаки, где высокие горы с обильными пастбищами служат заботящемуся о скоте, где простираются глубокие озера с вздымающимися волнами, где несутся, вскипая, глубокие широкие реки к Ишкачу и Паруту (греческие названия р. Амударьи и Сырдарьи), Герату и Мерву, Согдийской Гаве и Хорезму» (перевод В. А. Лившица). До похода Александра Македонского в юго-западных и юго-восточных регионах Каспийского моря, как свидетельствует географический текст приводимых выше сообщений, существовали два объединенных племени — Большой Хорезм и Бактрия. (Геродот (1, 153). Эти государственные объединения стояли в одном ряду с такими крупнейшими государствами, как Египет или Вавилон[2].

Позднейшие греческие ученые называли труд Геродота «Историями», хотя термин или слово «история» встречается только в единственном числе. Эпиграфическое значение этого слова — «введение», «изложение» безупречно как с точки зрения соответствия действительности, так и с точки зрения источниковедческой базы, поэтому о значении этого труда и добросовестности его автора можно судить по следующему сообщению: «Я обязан передавать все, что мне рассказывали, поверить всему я не обязан, и это пусть относится к новому моему труду»[3].

Первым научным историческим трудом принято считать историю Пелопонесской войны (431-404 гг. до н. э.) Фукидида (V—IV вв. до н. э.). Доведен этот труд до 411 г. до н. э.[4] и отличается своей достоверностью и правдивостью в изложении исторических событий того времени. Этот труд по сравнению с трудами Геро-

---

[1] Бойс Мери. Зороастрийцы. Верования и обычаи.— М. 1988.— С. 60—61.

[2] Гафуров Б. Т. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.— М. 1972.— С. 52-53; 59-60.

[3] Геродот. История в девяти книгах. Русский перевод Ф. Т. Мищенина.— М. 1888. История (древнегреческий текст и русский перевод).— Л.: Наука, 1971 (серия «Памятники исторической мысли»).

[4] Жебелев С. А. (Древняя Греция. Ч. I. Эллада. Петербург, 1920) так определил значение труда Фукидида: «В нашем сознании Фукидид является, бесспорно, не только первым историком Греции, но и одним из величайших историков всех времен и всех народов».— С. 46.

дота несомненно является шагом вперед. В нем уже нет речи о вмешательстве богов в ход исторических событий. Фукидид уже придерживается норм исторической критики: сопоставляет свидетельские показания и рассказы непосредственных участников событий; он привлекает и материалы мифологии и особое внимание при этом обращает на влияние экономических факторов на историческое развитие. Работа Фукидида отличается точностью в изложении фактов и стремлением к беспристрастному отысканию истины[1].

Принципы научного изложения истории с наибольшей определенностью установлены греческим историком Поливием (II в. до н. э.) — автором «Всеобщей истории», охватывающей главным образом события 220—146 гг. до н. э. в эллинистических странах; это была первая попытка описать историю всех важнейших государств Средиземноморья в их взаимосвязи. Интересен вывод, к которому приходит автор: каждое государство, подобно живому организму, развивается согласно «порядку природы», и за ростом следует упадок и разложение. У Поливия впервые встречается термин «Прагматическая история». На основе прагматичности историк строит свою работу во второй части, выясняя, «вследствие чего, как и ради чего» произошли события, т. е. дает изложение их причин, последовательный ход и последствия.

Сочинения Фукидида и Поливия — последнее слово античной историографии. Последующие греческие историки большей частью подражали этим высоким образцам.

Римляне в историографии, как и в других отраслях науки и литературы, были только учениками греков.

Мусульманская историография непосредственно связана с основами шариата и в целом с догмами ислама. Надо было найти способ примирить догматы ислама о всемогуществе аллаха с исторической предопределенностью и законом причинности. Утверждение Корана, что человек не может ничего сделать без воли аллаха, необходимо было сочетать с анализом причин и следствий исторических событий, без чего невозможно логическое научное мышление.

Выход из создавшегося тупика был найден. Было признано, что все происходит по воле всемогущего аллаха, но на основании известных причин. Это обыкновенно является проявлением его свободной воли, и бог может все остановить или изменить, когда он признает это необходимым. Но опыт заставлял вносить разного рода поправки, например, такую, что «соизволение аллаха по Корану (С. 48, с. 23) не изменяется», «ты не найдешь перемены и растерянности у аллаха». Такая установка открыла полный простор в деятельности как натуралистов, так и историков. Однако толчком к развитию исторической науки послужил выход арабов за пределы своих стран. После принятия ислама, арабы, персы, тюркоязычные и таджикоязычные ученые создали

[1] См. Русский перевод Ф. Т. Мищенина.— Т. 1.— С. 16.

своими трудами основу для развития исторической науки мусульманского Востока.

Исламизация покоренных народов повсюду протекала очень медленно. Первая попытка изгнать немусульман была предпринята в Аравии при халифе Омаре. Мусульмане не вмешивались в культовые дела христиан. Во всяком случае, правительству не надо было беспокоиться о защите своих тылов, хотя со времени правления Османа, чьи войска в 646 г. заставили Армению признать верховную власть Медины, халифат постоянно воевал с Византией.

Исламская оккупация обширных территорий, населенных различными племенами и народами, заставила позаботиться об укреплении института управления. Арабизация административной системы узаконила Коран и сунну. А фикха объединяла и объединяет исламский закон и исламскую жизнь. Улемы решали право и полномочия муджтахидов, т. е. человека, сведущего в законах — халифа. А халиф был Муфтием — лицом, выносящим законные решения, на которые мог, например, опираться шариатский судья, кады — вакуфораспоряжатели — специалисты в области права и религии и органов управления (диван).

Глава дивана назывался везиром — первым министром. Фигура везира, как главы правительства, глубоко запечатлелась на западе. Везир был главным советником и представителем халифа. Имена везиров конца IX— начала X вв. Харун ар Рашида (786—809), Фадг ибн Сахла (813—833 гг.) и др. вошли в историю.

«Обилию народов сопутствовала красочная мешанина религий. Здесь сочетались языческий шаманизм тюрок, несторианский вариант христианства, даже буддизм в крупном храмовом центре Балхе (Бактрия). Род Бармакидов, давший вспоследствии знаменитых везиров, получил свое имя по должности пармак — глава ... буддийского монастыря Нава Вихара (Наубахар), занимаемой их предками,— и в монастыре (вихара), который дал название Бухара, не говоря уже о зороастрийцах и манихейцах, живших бок о бок с ними, по-видимому, без серьезных трений. Благосостояние страны частично зависело от плодородия оазисов, очевидно, более густо заселенных, чем сегодня, но главным образом обеспечивалось транзитной торговлей. Постоянные стычки между тюрками и иранцами, между обитателями степей и оседлыми земледельцами не оказывали на нее заметного влияния. Согдийцы не были, например, разбиты, и их культурные центры не подвергались исламизации вплоть до походов Кутейбы ибн Муслима (705—717 гг.); после этого арабские гарнизоны расположились в Хорезме, Бухаре и Самарканде, как раньше они были расквартированы в Хорасане — в Мерве, Нишапуре и Герате. Местных князьков (правителей) во многих местах на некоторое время оставили в качестве союзников или орудий косвенного управления»[1].

[1] Грюнебаум фон Г. Э. Классический ислам. Очерк истории 600-1258.— М. 1988.— С. 64.

В это же время (711—712 гг.) власть ислама распространилась на Синд. Порт Дайбул (ныне Карачи) и Нерун (ныне Хайдарабад) с находившейся там статуей Будды «высотой в сорок элов»[1] попали в руки Мухаммада Ибн ал-Касима, который, подобно Кутейбе, был послан правителем Ирака. Хотя многие поэты и ученые завоеванных стран и народов приняли в VIII веке ислам, в целом провинция не оказала сколько-нибудь заметного влияния на духовную жизнь. Но в Хорезме и Трансоксании (Мавераннахр) дела обстояли иначе. Истребление согдийской, а главное — хорезмийской элиты, последовавшие за «колонизацией», которая превратила эти территории в центры миссионерской деятельности мусульманского духовенства, привело к тому, что в Бухаре и особенно в Самарканде стала быстро развиваться мусульманская культура.

Вслед за новым вероучением арабы принесли с собою и новую письменность. Арабская письменность постепенно распространялась по всей стране, и, видимо, к середине второго века правления аббасидов (начало X в.) окончательно вытеснила из употребления существовавшую ранее среднеперсидскую (пехлевийскую). Последнее обстоятельство сыграло основную роль в том, что лишь единичные письменные экземпляры памятников домусульманского Востока сохранились до наших дней.

Хранились и считались ценными только книги, написанные арабской графикой, которой был записан Коран — священная книга мусульман. К тому же арабский алфавит, будучи сравнительно простым по сравнению с древнехорезмийским и согдийским для обучения, обладал и другими преимуществами, главное из которых заключалось в том, что он являлся звуковым.

Конечно, вряд ли удастся узнать, кто и когда впервые применил арабскую графику для записи языков народов Средней Азии. Скорее всего эта практика возникла в какой-то мере стихийно в разных частях покоренных регионов. «Можно почти с уверенностью предположить, что она была вызвана административно-хозяйственными нуждами: арабский был проще, удобнее и скорописнее. Позднее, видимо, пришли к мысли о том, что эта письменность пригодна и для написания значительных по объему персидских и тюркских текстов, как поэтико-дидактических, так и литературно-исторических трактатов»[2].

Мусульманская историография истории Средней Азии периода VIII— первой половины XIX века располагает уникальнейшими рукописными трудами, часть из которых в начале XIX в. в различных странах мира была издана литографическим и типографским способом. Совершенно очевидно, что мы никогда не составим себе сколько-нибудь полного (или приближенного) представления о всей массе созданных на мусульманском Востоке

---

[1] Грюнебаум фон Г. Э. Указ. про-е.— С. 64-65.

[2] Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга первая.— М. 1987.— С. 332-333.

рукописей о Средней Азии равно как и об их тематике, хотя бы по причине того, что какая-то, не поддающаяся учету, их часть безвозвратно утеряна[1]. Авторы предисловия к русскому переводу исторической части справочника Ч. А. Стори полагают, что «общее число, по всей видимости, (только лишь рукописей на персидском языке — *Т. С.*), достигает нескольких сот тысяч («по крайней мере не меньше двухсот тысяч)»[2].

Нашими востоковедами, историками и тюркологами в этом плане проделана большая работа. Однако учебный предмет «Историография истории народов Средней Азии» находился в забвении и только сейчас в условиях демократических преобразований занял подобающее ему место.

Попытка создания учебного пособия по историографии истории народов Средней Азии в советской исторической литературе предпринимается впервые.

Не претендуя на всестороннее освещение столь широкой и сложной проблематики автор ставит скромную цель: систематизировать достижения современной исторической науки по истории Средней Азии, определить основные этапы ее становления и развития, наметить перспективы ее дальнейшего развития.

Исходя из поставленных задач в учебном пособии кратко освещены следующие вопросы:

— историография зороастризма, его история и современное состояние; некоторые проблемы историографии борьбы Согды за свою независимость против агрессии Александра Македонского (329—327 гг. до н. э.);

— историография истории Средней Азии эпохи Мусульманского Ренессанса (труды Наршахи, Табари, Беруни, Масуди и др.);

— исторические труды о Мавераннахре эпохи монгольского нашествия и их господства в XIII—XIV вв.;

— среднеазиатская историография о Тимуре и эпохе тимуридов (XIV—XV вв.);

— исторические труды о Средней Азии XVI— первой половины XIX в.;

— из истории историографии востоковедения в России, о Средней Азии: а) предыстория русского востоковедения; б) состояние востоковедения в России; в) развитие востоковедения в Петербурге, Москве, Казани и Харькове в первой половине XIX в.;

— развитие востоковедения и изучение истории Средней Азии в России во второй половине XIX— начале XX вв.;

---

[1] Вместе с тем следует заметить, что исследования, которые развернулись в этом направлении за последние 30-40 лет во всем мире, в том числе и в республиках Средней Азии, дают основания надеяться, что при условии, если эти работы будут вестись более интенсивно и планомерно, мы получим (пусть в отдаленном будущем) относительно более полные сведения о названиях и наличии сочинений не только на арабском языке, но и на других языках среднеазиатских народов.

[2] Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор /. В трех частях.— М. 1972.— Ч. 1.— С. 42.

— состояние историографии истории Средней Азии в колониальный период (в первой пол. XIX— начале XX вв.);

— состояние историографии истории Средней Азии в период установления и упрочения советской власти (в 20-х,— нач. 30-х годов).

История отечественной историографии истории Средней Азии насчитывает не одно десятилетие. Рукописное наследие (на арабском, тюркском, староузбекском и персидско-таджидском языках), печатное наследие русского и советского среднеазиатского востоковедения — книги, брошюры, статьи, исторические оды, заметки, рецензии и т. п.— исключительно объемно, велико и исчисляется теперь уже многими тысячами названий, среди которых немало ценных рукописных работ, которые так и не были изданы.

Рукописи на арабском, персидском, таджикском и староузбекском языках сосредоточены в городах Санкт-Петербурге, Ташкенте, Самарканде, Душанбе, Баку, Казани, Тбилиси, Уфе, Махачкале, Ереване, Ашхабаде, Москве, Киеве, Одессе, Львове и др. городах. Небольшое их количество находится в малых городах и селах, а также в духовных учреждениях республик Средней Азии и Казахстана. Они хранятся в рукописных отделах научно-исследовательских институтов, библиотек, музеев, вузов, архивов, в культовых учреждениях, некоторые находятся в частном владении. Общее их количество, насколько удается определить при такой разбросанности и неполной инвентаризации и каталогизации (только рукописей — *Т. С.*), превышает 44 тыс. томов[1]. Рукописные собрания XIX—XX вв. значительны, но все еще остаются малоизученными[2].

Из-за незнания арабского языка современным исследователям, особенно молодым, становится все труднее и сложнее проникать в толщу древней литературы и источников и осуществлять со знанием дела и достаточной полнотой их подбор, изучение и научный анализ. Положение осложняется еще и отсутствием новейших сводных, капитальных указателей отечественных фондов рукописей и литературы по востоковедению, которые необходимо систематизировать, создать каталоги и указатели и соответственно к ним создать свод исторических памятников и архивных собраний государственных архивных и научно-востоковедческих учреждений.

А создание новейших свободных, капитальных историографических работ и указателей в отечественной литературе, которых ждут не только студенты, но и научные работники и педагоги, является жизненной необходимостью.

Можно надеяться, что при всех своих недостатках эта книга принесет пользу всем, кого интересуют процессы становления и развития отечественной историографии истории народов Средней Азии.

---

[1] Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция.— М. 1985.— С. 248.

[2] Там же.

ГЛАВА 1. ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ЗОРОАСТРИЗМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зороастризм — самая древняя из мировых религий. Она оказала на человечество большое влияние, т. к. ставила человека на первый план, а проблему бога рассматривала в тесном взаимодействии с действительностью. Возникнув около 3500 лет назад в азиатских степях, он стал государственной религией не только трех могущественных Иранских империй, где процветал и властвовал много столетий, но и распространился на территории многих стран Востока и в том числе и Средней Азии.

Зороастризм был уже стар, когда о нем появляются упоминания в исторических источниках.

В Европе учение зороастризма вызвало большой интерес уже в античную эпоху, когда многие греческие и римские писатели, философы и историки стали писать о Зороастре, об основах его учения. В эпоху сасанидов составлялись на средне-персидском языке тексты «Авесты»— священной книги зороастризма, его наиболее древнейшего памятника; с того момента и начинается ее историография.

Первый европейский перевод Авесты вышел в 1771 г. в авторстве Анкетилья-Дюперона. Хотя дальнейшие исследования подтвердили его довольно высокое качество, новый этап в интерпретации и переводе связан с изучением авестийского языка и сравнением его с другими известными древнейшими языками (видейским и санскритом).

Уже в раннем средневековье зороастризм в основном сменил ислам, что привело, естественно, к утрате большей части зороастрийской литературы предшествующего времени, в том числе около 3/4 свода Авесты, существовавшего при сасанидах. Все это сильно затрудняет воссоздание истории зороастрийской религии и церкви в целом, и ее историографии, в частности. Но сама тема вызывает большой интерес и имеет важное значение для изучения ряда общих историко-культурных проблем. К ним, например, известная иранистка, профессор Лондонского университета Мери Бойс причисляет процесс смены форм древних религий, тесно связанный с общим направлением политического развития стран Древнего Востока и античного мира — от небольших племенных образований и городов-государств до крупных централизованных царств и империй. Одним из великих государств древности,

«первой мировой державой явилась империя ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), объединившая под своей властью страны Ближнего и Среднего Востока, всей Средней Азии и некоторые греческие города-государства»[1].

Позже большие восточные государства с центрами в Иране и в соседних районах Средней Азии — Парфянское (III в. до н. э.—III в. н. э.) и сменившие его Сасанидское (III—VII вв.) и древне-Хорезмское (III—VII вв.) — являлись главной политической силой, противостоящей эллинистическому, затем римскому, западному и китайскому влиянию на Востоке.

Исследование различных аспектов истории народов Ирана, Афганистана и Средней Азии затруднено или невозможно без учета религиозного, часто основного для этих текстов, содержания. Сказанное в полной мере касается и Авесты, являющейся не только священной книгой зороастризма, но и основным источником по истории среднеазиатской и иранской древности, по культуре, социальному и политическому строю, общественной и экономической жизни древнейших племен и народностей Средней Азии, включая скифов Северного Причерноморья, хотя эти племена не исповедовали зороастризм. Однако имеющиеся фрагментарные свидетельства античных авторов о скифах, их языке, культуре, социальных институтах могут быть правильно поняты лишь в свете сравнительных данных востоковедения и прежде всего материалов Авесты.

Как в Советском Союзе, так и за рубежом имеется значительное количество исследований, посвященных зороастризму и религиям древнейших эпох. Из работ последних десятилетий, изданных за рубежом, можно указать на труды французского востоковеда Э. Бенвениста, бельгийского профессора Ж. Дюшен-Гюйимена, шведских иранистов Х. Нюберга и Г. Виденграна, датчанина К. Барра, немецкого ученого В. Хинца, советских ученых Б. Г. Гафурова, В. А. Лившица, И. А. Алиева, В. И. Абаева, И. М. Дьяконова, М. А. Дандамамаева и мн. др[2].

В работах советских ученых в тех или иных аспектах также рассматриваются отдельные вопросы этой темы, имеются и многочисленные статьи в энциклопедиях, прослеживающие историю зороастризма, но очерков и обобщающих исследований о значении его для истории народов нашей страны до сих пор нет.

---

[1] Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. 2-е издание, исправленное.— М. 1988.—С. 280-281.

[2] См.: статьи В. В. Струве в кн.: Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии.— Л. 1968; а также кн.: Дьяконов И. М. История Индии.— М. 1956; Алиев И. История Ирана. Баку. 1960; История таджикского народа.— Т. 1. М. 1963; Гафуров Б. Г. Таджики.— М. 1972; Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах.— М. 1963; Дандалиев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана.— М., 1980: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии.— М. 1970; История Ирана.—М. 1977; статьи В. И. Абаева по проблемам раннего зороастризма и В. А. Лившица о зороастрийском календаре и т. д. Общие вопросы истории зороастризма затрагиваются в работе Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк).— М. 1982.

Следует особо отметить большую заслугу востоковеда М. Бойс — заслуженного профессора Лондонского университета, автора многочисленных работ по истории и культуре Ирана и соседних стран. М. Бойс внесла большой вклад в изучение зороастризма, его истории в средние века и новое время. Особого внимания заслуживают ее полевые исследования в 1963—1964 гг. на севере долины Йезда в городке Шарифабаде — Ардекан в Иране, где были собраны все основные сведения о ритуалах и верованиях современных зороастрийцев.

М. Бойс подготовила и частично осуществила фундаментальное издание общей «Истории зороастризма» в 4-х томах. Вместе с тем, с нашей точки зрения, определенные возражения вызывают методологические принципы подхода автора к определению особенностей зороастризма в ранний период его развития. В ряде случаев известное по более поздним данным переносится на ранние периоды истории зороастризма. Правомерность такого подхода или его расширительного применения вызывает существенные возражения. Весьма спорным представляется и определение времени возникновения зороастризма, так как до конца V в. до н. э. о нем сообщал Ксанор Лидийский, как полагают, современник Геродота. Более поздние авторы преполагают, что Ктесий называл имя Зороастра как царя Бактрии, побежденного некогда ассирийцами[1]. Но текст Ктесия рано подвергался обработке и уже в таком виде позже и использовался другими античными авторами. Поэтому, когда речь идет о фактах, содержащихся у Ксенофонта, то вызывает удивление, что он в своих сочинениях, включая «Киропедию» и «Анабасис», ни словом не упоминает о Зороастре, хотя хорошо был знаком с обстановкой в Ахеменидской державе конца V — начала VI в., с принятыми там обычаями и ритуалами. В своей совокупности данные Геродота, Ктесия и Ксенофонта позволяют утверждать, что в тот период Зороастра еще не считали основателем господствующей в то время религии. Подобная точка зрения представлена в трудах Э. Бенвениста, А. Кристенсена, Х. Нюберга, В. В. Струве и ряда других ученых.

В целом, историография проблематики истории распространения и современного состояния зороастризма на территории Средней Азии требует дальнейших полевых исследований в этнографическом и религиозно-обрядовом плане на территории среднеазиатского региона с определением исторического места и состояния зороастризма в современных условиях.

§ 2. ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ БОРЬБЫ СОГДА ЗА СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ПРОТИВ АГРЕССИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Перейдя со своими войсками труднопреодолимый горный хребет Гиндукуш, Александр весной 329 г. до н. э. появился в Средней Азии. Эти походы были описаны сопровождающими Искан-

[1] Пьянков И. В. Ктесий о Зороастре. Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1968.— С. 55-68.

дера писателями и историками для назидания потомству. Первыми такими писателями были македонские полководцы Аристовул и Птоломей Лаг, мореплаватель Неарх. Приводимые ими сведения можно обнаружить и в дошедших до нас текстах более поздних историков (Страбон, Арриан и др.), но многие из их записей до нас не дошли.

То, что до сих пор известно о походах Александра на Восток, почерпнуто из трудов пяти историков, живших 300-400 лет спустя, но имевших еще возможность пользоваться вышеперечисленными трудами и записями современников Александра. История же похода в Среднюю Азию сохранилась только у греческого историка Арриана (II в. до н. э.) и у римского писателя Квинта Курция Руфа (I в. н. э.). Плутарх (I—II вв. н. э.) и Юстин (II в. н.э.) сохранившие много интересных сведений о деяниях Александра на Востоке, почти не упоминают о его среднеазиатских походах. В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (I в. до н. э.) главы об истории Средней Азии, к сожалению, утрачены. В 17 книгах от глав, где описывался поход Александра за Амударью, сохранились только их оглавления.

В историографической традиции принято считать, что труд Квинта Курция Руфа не заслуживает особого доверия: автор обычно характеризуется как философ-риторик, заботящийся более всего о красоте произносимых героями речей, с удовольствием записывающий всякого рода анекдоты и восполняющий своей фантазией те или иные пробелы повествования. Оценка эта не только не отвечает исторической истине, а наоборот противоречит принципам советской историографии. Ибо достоверность многих сведений Курция Руфа может быть установлена путем сопоставления их с другими историческими источниками.

В отличие от трудов Курция Руфа трактат писателя-воина Арриана, служившего в Азии, заслуженно считается достоверным отображением событий, имевших место в Средней Азии. Арриан, хотя и посвятил свой труд истории военного искусства, пользовался записками современников Александра — полководцев Аристовула и Птоломея Лага, иногда их дословно переписывая. Пропуски, имеющиеся в труде Арриана, только в небольшой мере восполняются рассказами Курция Руфа и объясняются тем, что в использованных Аррианом трудах Аристовула и Птоломея Лага имелись записи лишь тех событий, участниками или свидетелями которых они сами были[1].

Александру Македонскому и его времени посвящена богатая литература, из которой остановимся лишь на произведениях, где более или менее подробно говорится о его походе в Среднюю Азию[2].

---

[1] История народов Узбекистана с древнейших времен до начала XVI века.— Ташкент. 1950.— Т. 1.— С. 68-69.

[2] Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан.— СПб., 1881; Ковалев С. И. Александр Македонский — Л. 1937; Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976; Шифман И. Ш. Александр Македонский.— Л. 1988 и др.

Вступив на территорию Согдианы (331 г. до н. э.), греко-македонские войска натолкнулись на мощное сопротивление местного населения, известное в истории как восстание народных масс во главе со Спитаменом. Александру пришлось иметь дело с народной войной против чужеземных захватчиков. Причины этого явления следует искать в особенностях социально-экономического строя и политической жизни среднеазиатских обществ последней трети IV в. до н. э.[1].

Средняя Азия в этот период переживала эпоху формирования классового общества и городской цивилизации. Ее население, ведшее скотоводческо-земледельческое хозяйство, еще не отличалось глубоким разделением труда, как это имело место, например, в Вавилонии, и было заинтересовано в поддержании политических связей с Персией и Западной Азией. Оно сносило бремя власти Ахеменидов прежде всего как чудовищный налоговый и повинностный пресс, хотя ахеменидским царям ценой значительных политических уступок удалось, вероятно, обеспечить себе поддержку местной знати.

Задолго до похода Александра в Среднюю Азию неоднократно происходили антиахеменидские восстания, а Хорезм в IV в. до н. э. обрел политическую самостоятельность. Армия Александра несла в Бактрию и Согдиану насилие и иго, ничуть не легче предыдущего, а трагедия тех или иных племен, которых по приказу Александра стирали с лица земли поголовно (например, бранхидов), заставляла видеть в ней жестокую враждебную силу. В отличие от других завоеваний Александр в Средней Азии не смог сразу привлечь на свою сторону основную массу местной аристократии, которая надеялась, что после крушения господства ахеменидов она наконец-то получит самостоятельность и сохранит в будущем независимое положение.

Сведения, содержащиеся в наших источниках об обстоятельствах, при которых Мараканда оказался в руках македонян, не достаточно ясны. Руф (7, 6, 10)[2] говорит, что «оставив в городе гарнизон, он (Александр) соседние деревни опустошает и сжигает». Учитывая, что Мараканда, по свидетельству Руфа (там же), был окружен стеной, длину которой источник определяет (очевидно, с известным преувеличением) в 70 стадий (около 13 км), и что крепость внутри города была защищена еще одной стеной, трудно предположить, чтобы при сколько-нибудь серьезном сопротивлении местного населения город мог быть захвачен без длительной осады и кровопролитного штурма. Остается, следовательно, допустить, что жители Мараканды сдались без боя...[3].

Из Мараканды войска Александра двинулись к реке Оксарт (Сырдарья). Во время этого похода македонские фуражиры под-

---

[1] Шифман И. Ш. Александр Македонский.— Л. 1988.— С. 139.

[2] При ссылке на античные источники первая цифра означает источник, вторая — главу, третья и последующие — параграфы.

[3] Шифман И. Ш. Александр Македонский.— Л. 1988.— С. 140.

вергались нападению восставших согдийцев. Около 30 тыс. повстанцев закрепились на неприступной скале Муг, македоняне только штурмом и ценой больших потерь сумели взять ее. Сам Александр был тяжело ранен в бедро. Оборонявшиеся согдийцы понесли большие потери, они по существу были истреблены. Около 8 тыс. человек попали в плен.

Через некоторое время начинается восстание семи городов Средней Азии. По сообщениям Диодора (Содержание, 17, 23), Александр убил более 120 тыс. восставших согдийцев. Хотя цифра нам кажется преувеличенной, однако она дает представление о размахе движения[1].

Александр стал создавать новые города. Согласно его плану был создан, например, город Александрия Крайняя (позже — Ходжент). Здесь были поселены бывшие воины, ставшие не способными к ратным подвигам и трудам, и те из окрестных согдийцев, которые этого пожелали. Здесь также были размещены пленные, выкупленные у их владельцев, и они составляли какую-то часть населения города[2]. По идее Александра, такие города должны были стать главной опорой македонцев. Однако эти меры не привели к усмирению народов Средней Азии.

С 329 по 327 г. Александру пришлось трижды завоевывать каждый раз поднимавшуюся против него Согдиану. Особенно серьезную угрозу представляли действия Спитамена — национального вождя среднеазиатских племен в борьбе против агрессии македонцев. Подавление народного движения стоило Александру не только больших материальных и людских затрат, ему пришлось установить «дружеские» отношения с местной земледельческой аристократией. Он расширил ее политическое влияние и увеличил земельные владения. Местную аристократию он щедро награждал имуществом, рабами и даже вступил в родственные связи, женившись на дочери согдийского аристократа Оксиарта Роксане (Рохсианак).

Женитьба на Роксане предоставляла Александру еще больше возможностей для расширения связей в среде согдо-бактрийской аристократии и позволила привлечь на свою сторону местную знать. Эта новая политика Александра в конечном итоге привела к подчинению Средней Азии его владычеству. Хотя недовольные такой политикой внутри его войска попытались поднять восстание которое было подавлено Александром самым жестоким образом.

Переход на сторону македонцев местной аристократии позволил Александру сломать сопротивление земледельческих и скотоводческих общин Средней Азии и включить их в состав огромной македонской монархии. Став союзником македонского владыки, местная аристократия безусловно стала господствующей

---

[1] Шифман И. Ш. Александр Македонский.— Л. 1988.— С. 142.
[2] Там же.— С. 143.

политической и экономической силой во всех важнейших областях общественной жизни среднеазиатских народов. Поэтому наследники Александра и в дальнейшем вынуждены были считаться с этими исторически сложившимися факторами жизни среднеазиатских народов.

После македонского завоевания расширились торговые и экономические связи Средней Азии. В особенности большое значение имело установление прямых сношений с Индией, поскольку все течение реки Инда было пройдено войсками Александра.

Быстро росло количество городов, особенно в Согдиане и Бактрии. История знает двенадцать городских центров, основанных Александром и его полководцами[1]. Вместе с тем, как справедливо подчеркивает советский исследователь И. Ш. Шифман, кровавые расправы, учиненные Александром в Согдиане, сопоставимые только с последствиями нашествия Чингисхана, привели к опустошению страны и ее обезлюдению. Согдийцы покидали родину, согдийская колонизация охватывала обширные районы Ферганы, Семиречья и Центральной Азии[2]. Для того, чтобы оправиться от разгрома, среднеазиатским народам потребовались многие годы.

Завоевательные традиции Александра и его внутреннюю политику продолжали его преемники. Когда через 75 лет после смерти Александра бактрийский сатрап Диодот провозгласил свою независимость, то, по несколько преувеличенному заявлению Помпея Грога, под его властью оказались тысячи городов. Лишь к 255-250 гг., когда монархия селевкидов ослабела, среднеазиатские области смогли отделиться и на их территории стали создаваться независимые государства, о чем можно найти сведения в книге «Древние авторы о Средней Азии», подготовленной в 1940 г. научными сотрудниками УзНИИМЛа. Эта хрестоматия по существу является первой работой советских ученых, где собраны выдержки из древнейших письменных источников, содержащих сведения по истории, географии и природных богатствах Среднеазиатского региона в древнейшие времена, т. е. охватывающие период истории народов Средней Азии с VI в. до н. э. до III в. н. э.[3]

Для изучения отдельных периодов древней среднеазиатской истории, особенно тех, когда части Средней Азии, Индии и Китая входили в состав общих государств, приобретают большое значение индийские и китайские эпиграфические памятники и археологические находки последних десятилетий (например, записки Ханьского посла Чжан-Цяна в последней трети II в. до н. э.)

Огромен фонд археологических материалов. Сейчас основные проблемы древней истории Средней Азии освещаются на основе

---

[1] Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова.— Ташкент, 1940.— С. 8-9.

[2] Шифман И. Ш. Александр Македонский.— Л. 1988.— С. 146.

[3] Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова.— Ташкент, 1940.— С. 8-9.

исследования этого материала, который необходим не только для освещения проблем культурной жизни, но и для выяснения развития производительных сил, исторической топонимики, исторической географии, экономических связей, этногенеза и т. д.

ГЛАВА 2. ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭПОХИ МУСУЛЬМАНСКОГО РЕНЕССАНСА

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ АРАБСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ И БОРЬБЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРОТИВ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Рукописная книга Востока занимает особое место в истории цивилизации. Она стала проводником нескольких мировых религий, положила начало распространению и утверждению канонов многих религиозных и этических систем, явилась связующим звеном десятков языков, обеспечив преемственность культурных ценностей мировой цивилизации. Ее изучение позволяет современным ученым воссоздать картину исторического прошлого народов Востока, показать их огромный вклад в общечеловеческую мировую культуру. Один из исследователей рукописной книги писал, что «только радость открытия может сравниться с чувством, которое охватывает при чтении и созерцании старинных рукописей — источника знания и эстетического наслаждения, призывающего понять прошлое и задуматься о будущем»[1].

Изучение положения Средней Азии накануне и в период арабских завоеваний невозможно без знакомства с арабской, фарсиязычной литературой и древнетюркскими руническими надписями. В истории ныне известно три древнейших архива, где обнаружены интересные документы: в Нисе — парфянские (I в. до н. э.), на Топрак-Кале — хорезмские (III в. н. э.) и на горе Муг — согдийские (VII в. н. э.) и большое число эпиграфических надписей на камнях, различных изделиях и произведениях искусства. Большой фактический материал по истории Средней Азии древнего и раннего средневековья содержится в трудах Табари и его таджико-язычной переработке, проделанной Балами, а также во многих произведениях Беруни. Особое значение в этом плане имеет произведение величайшего поэта средневековья Фирдоуси «Шахнаме».

По происхождению и содержанию арабская историография самым непосредственным образом связана и с фольклорно-литературной традицией, и с богословско-кораническим комплексом. Главным предметом исторических трудов была история исламской общины, выраженная в деятельности ее политических и интеллектуальных вождей и наиболее активных деятелей.

---

[1] Киселева Л. И. О чем рассказывают средневековые рукописи (рукописная книга в Западной Европе).— Л. 1978.— С. 139.

Весь комплекс вопросов, связанных с текстом Корана и его истолкованием, можно найти в трудах по экзегезе, т. е. тавсирах, содержащих филологические, исторические и богословские комментарии ко всему тексту — слово за словом, айат за айатом, сура за сурой. Как правило, они довольно объемны. Если до середины VIII в. их было совсем немного, то с 750 по 1050 гг. к ним добавилось не менее полусотни, правда, почти половина из них не сохранилась.

Фундаментальный свод всего, что было сделано по тавсирам Корана за два с лишним столетия, представляет «Тавсир» ат-Табари (838—923 гг.). Его авторитет заслонил, очевидно, прежние труды и вытеснил их из обращения. Несмотря на громадный объем (в печатном издании 30 томов), «Тавсир» ат-Табари переписывали усердно, и потому этот труд сохранился во многих копиях [1].

Как известно, учение о пророке Мухаммаде стало важной составной частью ислама, вошло в самый символ веры, в юриспруденцию и богословие, в историографию и литературу. В обращении находилось до полутора миллионов хадисов [2]. Шесть самых знаменитых хадисов были составлены во второй половине IX в.: «Ас-Сунан» Абду-Даъуда, Ибн Маджи и ан-Насаъи, «ал-Джамъи ас-сахих» ал-Бухари, «Муслима» и ат-Тирмизи.

Из них наиболее популярен до сих пор на Востоке труд нашего соотечественника ал-Бухари «Сахих» и ал-Бухари (так его кратко называют), который почитается на втором месте после Корана. Ал-Бухари является не только всемирно-признанным хадисоведом, но и крупным историком своей эпохи. Его труд «Всеобщая история» (X в.) состоит из трех частей: Малая, Средняя и Большая история. Малая и Средняя, обнаруженные в 1974 г., хранятся в фондах восточных рукописей СамГУ им. А. Навои.

Однако эта работа почти не подвергалась исследованию.

Дополнением к солидным трудам В. В. Бартольда по истории, содержащим прекрасную историографическую характеристику, могут служить труды В. И. Беляева, Е. А. Беляева, А. А. Ромаскевича, И. Ю. Крачковского, Б. Г. Гафурова, а также труды К. Броккетманна, С. А. Стоу и др.[3]

---

[1] Халидов А. Б. Рукописная книга в арабской культуре. См.: Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга первая.— М. 1987.— С. 260.

[2] Там же.

[3] Бартольд В. В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии. Соч.— Т. II.— Ч. 2.— М. 1964; Беляев В. И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX-XIII вв. МИТТ.— Т. 1, 1939; Беляев Е. А. Мусульманское сектантство — М. 1957; Он же: Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье.— М. 1965; Ромаскевич А. А. Персидские источники по истории туркмен и Туркмении X-XV вв.— МИТТ.— Т. 1, 1939; Крачковский В. А. и Ю. И. Древнейший арабский документ из Средней Азии.—«Согдийский сборник».— М. 1934; Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.— М.— Л. 1945; Арабская географическая литература.— Избр. соч.— Т. IV.— М.-Л. Очерки по

Историографический анализ, приводимый в трудах вышеназванных средневековых историков и мыслителей, представляет интерес и в наши дни.

Ал-Табари Абу Джафар Мухаммед б. Джабир (838—923 гг.) Его исторический знаменитый труд называется «Тарих ар-расул ва-л-мулук»— «Всемирная история стран» или же «Таварих-и Табари» («История Табари»). Этот труд в обработке историка Балами в 963 г. был переведен на персидский язык. Судя по большому числу списков, переводы «Таварих-и Табари» были очень популярны. Ал-Табари при написании своей книги пользовался материалами из трудов своего предшественника — Абу-л-Хасана Али ибн Мухаммеда ал-Мадаини, умершего, по сообщению В. В. Бартольда, в 215 или 225 г. х., т.е. в 830 или 830/40 годах.

Историк ал-Мадаини, в свою очередь, заимствовал факты из других, более ранних источников. Причем в отличие от историка Абу-Михнавра и некоторых других ранних арабских авторов, ал-Мадаини обыкновенно не приводит отдельных фактов, а составляет сводный рассказ, больше похожий на произведения эпического народного творчества, чем на историческое произведение. Содержание этих рассказов вполне соответствовало характеру арабской эпохи.

Ал-Табари первый из арабских историков пытается исходить из принципа повествовательности в изложении исторических событий и отдельных эпизодов и фактов. Например, вскоре после восшествия на сасанидский престол Варахрана Бахрам Гура (420—437 гг.) в Хорасан, как сообщает Табари, вторгся каган тюрок и начал грабить страну. Сделав вид, что он ушел в Азербайджан, Бахрам Гур, соблюдая все меры предосторожности, подошел в районе Мерва к месту сосредоточения войск тюрок. В сражении каган тюрок был убит, тюрки сдались и просили установить постоянную границу. Табари сообщает, что граница была установлена, что Бахрам Гур назначил наместника Хорасана с резиденцией в Балхе, который получил титул «марзбан-и кушан», т. е. «хранитель границы с кушанами»[1].

Чтобы проверить степень достоверности исторических фактов, сообщаемых ал-Табари, обратимся к другому источнику. В сообщении армянского историка Егише Вардапета о событиях 450 г. названа «страна эфталитов». В 456 г. новая конфедерация государства эфталитов, по предложению Пероза, направляет в Китай первое свое посольство для союза в борьбе против сасанидского Ирана. А как сообщает ал-Табари, борьба с эфтали-

---

истории русской арабистики. Избр. соч.— Т. V.— М.-Л. 1958; Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. 2-е,— М. 1973; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.— М. 1972; Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция.— М. 1985; Трюнебаум Т. Э. Классический ислам. Очерк истории (600—1258 гг.).— М. 1988; Авт. коллектив. Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. I.— М. 1987.

[1] Гафуров Б. Г. Таджики... — С. 197.

тами достигла наивысшего напряжения в правление Пероза (459-484 гг.), который пришел к власти, опираясь на поддержку населения «Тохаристана и прилегающих областей». Он «усилил мощь эфталитов и в благодарность за помощь обязался не нарушать их границы».

Но «затем Пероз,— как сообщает Табари,— выступил в поход против народа, овладевшего Тохаристаном и называвшегося эфталитами». Пероз с войском дошел до башни, построенной на границе еще Бахрам Гуром. Далее Табари рассказывает едва ли не анекдотичную историю о том, как Пероз пытался сделать вид, что он не нарушил клятвы, данной им царю эфталитов Ахшунвару, соблюдать границу. Дойдя до башни, «Фирус (Пероз) приказал привязать к ней 50 слонов и 300 людей; башню тащили перед ним, а он шел за ней следом, полагая, что таким образом он не нарушает договора, заключенного с Ахшунваром». Однако в ловушку попал сам царь и его войско; они, как описывает историк, «канули в темную ночь» (видимо, попали в яму). Царь был убит камнями в этой яме, а весь его лагерь вместе с его дочерью, жрецом-мобедом, женщинами и имуществом попал в руки эфталитов.

О рве, наполненном водой, сообщает и византийский источник (Прокопий Кесарийский, 1, 4). Из сирийских, византийских и армянских источников известно, что Пероз трижды воевал с эфталитами. Первая война закончилась пленением Пероза эфталитами, правда его выкупил византийский император. Через некоторое время Пероз снова начинает войну и вновь попадает в плен. Именно тогда он, как справедливо отмечает востоковед Б. Гафуров, очевидно, дал обещание не переступать границу эфталитов и должен был уплатить им громадную контрибуцию: 30 мулов, нагруженных монетами, но истощенная казна позволяла ему выплатить лишь часть. Пароз освободился, оставив в залог сына. И третья война кончилась поражением Пероза. Как сообщает Табари, сасанидский Иран, перед которым не раз склоняли свою голову гордые римские императоры, в конце V в. сам трепетал перед грозными среднеазиатскими кочевниками эфталитами и платил им дань[1].

Весьма поучительным представляется такой исторический факт: на рубеже V—VI вв. в Иране в царствование Кувада (488—531 гг.) произошло крупное восстание народных масс против складывающихся феодальных отношений, во главе которого стоял человек, именовавший себя Маздаком[2]. Проповедь Маздака

---

[1] Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана.— Ч. I-II.— Т. I. С древнейших времен до начала XVI века.— М. 1964,— Т. II. Афганистан в новое время.— М. 1965.

[2] Ф. Альтхайм и Р. Штиль доказывают, что Маздак происходил из Хорезма или соседней с ним страны. По мнению востоковеда Б. Гафурова, точное происхождение Маздака неизвестно, более того, Маздак — это не собственное имя, а титул главы секты (Гафуров Б. Г. Таджики...— С. 212).

имела огромный успех. По словам Табари, «простой народ использовал этот удобный случай, примкнул к Маздаку, его сторонникам и сплотился вокруг них». По сообщению Беруни, «бесчисленное количество людей последовало за ним». Шах Ирана Кубад I с политическим расчетом также объявил себя сторонником учения Маздака, хотя он, конечно, не мог симпатизировать маздакитам и простому народу[1], о чем свидетельствуют исторические события 528—529 гг. Сторонники Кубада после повторного захвата власти убили Маздака и уничтожили лидеров движения, а затем стали зверски избивать их последователей.

Весьма лаконичен рассказ ал-Табари о Тюркском каганате. В VI в. далеко от границ Средней Азии, на Алтае, складывается это государственное образование (551—744 гг.) — огромная кочевая империя, охватившая пространства от Карелии до Причерноморья, включая Среднюю Азию и Китай. Перед тюркской сверхдержавой трепетали и заискивали Иран и Византия.

Как сообщает ал-Табари, «Самым сильным, отважным и мощным из тюрок был каган Синджибу, и у него было больше всего войска; это он вступил в бой с В. р. з. (имя царя эфталитов учеными не разгадано), царем эфталитов, нисколько не устрашившись их многочисленности и силы, убил их царя В. р. з. и все его войско, захватил их богатство и овладел страной, за исключением той ее части, которая ранее была завоевана Хосровом I». Когда стало очевидным намерение Тюркского каганата осуществлять власть над всей Средней Азией, эфталиты поняли, что они находятся меж двух огней — тюрками и сасанидским Ираном. Иран именно в это время, в правление Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.), консолидируется и усиливается и перестает платить эфталитам дань[2].

Каждый из соседей торопился нанести удар первым, возможно, эфталитам пришлось воевать одновременно на двух фронтах. А что касается имен, например, Синджибу из арабских источников, оно идентично Силзибулу в византийских источниках. Детально исследовавший источники Э. Шавани считает, что разгром эфталитов тюрками последовал где-то между 563 и 587 гг., по предложению А. М. Мандельштама,— ближе к началу этого промежутка времени, может быть в 563 г.; Г. Моравчик предлагает считать этой датой около 560 г.[3].

Независимо от точной хронологии, в результате этой войны, как пишет Фирдоуси, «В Чаче, Тереке (Чирчике —С. Т.), Самарканде и Согде много (мест) было разорено и стало местопре-

---

[1] По Гафурову Б. Г., известный советский историк С. П. Толстов выдвинул предположение о том, что в молодости Кубад был оставлен своим отцом Перозом заложником у эфталитов, и поэтому идеи Кубада перекликались с лозунгами маздакитского движения, и этим путем он хотел укрепить слабеющее единство сасанидской империи. См.: Толстов С. П. По следам древне-хорезмийской цивилизации.— М.-Л., 1948.— С. 216. Гафуров Б. Г. Таджики...— С. 213.

[2] Гафуров Б. Г. Таджики ... — С. 216—217.

[3] См.: Гафуров Б. Г. Там же.

бываниeм сов. Для жителей Чачаниана Бами (т. е. Бамиана), Хутлана и Балха — для всех их наступили дни черные и горькие»[1]. А по Табари, агрессивные устремления тюрков выразились прежде всего в том, что они требовали от Ирана выплатить им такую же дань, какую он когда-то платил эфталитам.

Самые южные области Средней Азии, в частности территории современного Южного Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, оказались под властью сасанидского Ирана, а их более северные области — под верховной властью Тюркского каганата. А эфталиты, продолжавшие господствовать в долине Зерафшана, тем не менее продолжали платить дань тюркам.

Хотелось бы особо отметить значение исторического труда «Тарих-и Табари» в связи с проблематикой достоверности основного содержания письма самаркандского владетеля Турека, о чем часто упоминает ал-Табари. Это письмо поступило в столицу Китая во втором месяце 719 г., т. е. в 100 г. хиджры (в 718—719 гг.).

Перевод этого письма на русский язык имеется у В. В. Бартольда: «Вот уже 35 лет, как мы беспрестанно сражаемся против разбойников даши (арабов). Каждый год мы выставляли в поле многочисленные армии солдат и всадников, но не удостоились счастья, чтобы всемилостивейший император прислал солдат нам на помощь. Шесть лет тому назад главный начальник даши, И-ми Кю-ди-бо (эмир Кутейба), во главе многочисленного войска пришел сюда; он сражался с нами, и мы нанесли нашим врагам большое поражение, но наших воинов было тоже много убитых и раненых, так как пехота и конница даши были крайне многочисленны и так как наши силы не смогли с ними бороться, я вернулся в свои укрепления; тогда даши осадили город, они поставили против стен триста стенобитных машин, в трех местах они вырыли большие траншеи, они хотели разрушить наш город и наше царство. Я смиренно прошу, чтобы всемилостивейший император, уведомленный об этом, прислал сюда некоторое количество китайских солдат, чтобы помочь мне в беде. Что касается этих даши, то им суждено быть могущественными всего в течение 100 лет; именно в этом году оканчивается этот срок. Если китайские солдаты придут сюда, то мне и моим подданным, наверное, удастся уничтожить даши»[2].

Какие исторические факты мы можем выяснить из данного письма владетеля Самарканда Турека, часто упоминаемого Табари?

Подлинность письма едва ли, как справедливо подчеркивает В. В. Бартольд, подлежит сомнению, и оно дает основание сделать вывод, что нападения арабов на Самарканд-Зарафшанскую

---

[1] Русский перевод этого отрывка см.: Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.—«Материалы и исследования по археологии СССР».— М.-Л. № 15, 1950.— С. 112.

[2] Бартольд В. В. Сочинения.— Т. II, Ч. 2.— М. 1964.— С. 381—382.

долину начались не в 712—719 гг. при Кутейбе, а значительно раньше, при наместнике Сельма ибн Зияде (681—683 гг.). Рассказ же о походе Кутейбы относится к взятию арабами Самарканда осенью 712 г.

Хотя письмо Турека излагает факты крайне односторонне, и рассказ об исторических событиях не совсем ясен и противоречив, а о вступлении Кутейбы в Самарканд нет ни слова, все-таки оно дает некоторый материал для критической проверки арабских источников, в том числе и ал-Табари. К тому же сообщения арабских источников, независимых от Табари (Мадаини, Белазури, Денавери и др.), до такой степени скудны, что не дают почти никакого материала для исторической критики[1].

Таким образом, создание трудов более широкого плана, в которых различного рода материалы, повествования и рассказы авторов объединены в связное историческое повествование, относится ко второй половине IX в. (Белазури, Денавери и Яъкуби). Ранний период арабской историографии завершает «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей») ал-Табари. Этот труд — огромный свод исторических памятников исторических рассказов, фольклорных материалов, народных устных преданий, является наиболее авторитетным трудом по истории исламского мира — народов и стран первых веков хиджри.

В арабской историографии существовали своеобразные, единичные труды по истории отдельных регионов — государств, стран, городов историческо-энциклопедического характера. Таковы, например, историческая энциклопедия Ибн Кутейбы (умер в 889 г.), «История Бухары» Наршахи, «ал-Асар ал-бакийа» («Хронология народов») и «Тахрир ма ли-л-хинд» («Индия») ал-Беруни (умер в 1048 г.), история христианских монастырей мусульманского автора аш-Шабушти (умер около 998 г.) и др.

«История Бухары», согласно сообщению Самъонийя,— автора оригинальной антологии «Китоб ул-ансоб»— принадлежит историку Наршахи, уроженцу села Наршах Бухарского вилоята Абу Бакру Мухаммаду ибн Жаъфару ибн Закариёу ибн Хаттобу ибн Шарику (899-960 гг.). Оригинал этого произведения, написанный первоначально на арабском языке, не дошел до нас или же еще не обнаружен. Но, как записано в предисловии дошедшей до нас «Истории Бухары», перевод с арабского на таджикский язык был осуществлен уроженцем г. Кувы Абу Насром Ахмадом ибн Мухаммедом ибн Нашром ал-Кубовийем в 1128 г. по просьбе его друзей. Поэтому переводчик, как он пишет, опустил ненужные, громоздкие части книги, сохранив ее основное содержание, и добавил от себя описание последующих исторических событий.

В 1178—1179 гг. эта книга вновь была подвергнута сокращению после ее перевода на персидско-таджикский язык Мухамма-

---

[1] Вяткин В. Как арабы овладели Самаркандом (Легенда); Несефи, Кандийа.— СКСО, вып. IV, 1986, отд. IV.— С. 28-30.

дом ибн Зуфаром ибн Умаром. Поэтому исторические события в книге описываются до 1220 года. Как видно из тегеранского издания этой книги в 1939 г., дополнения к «Истории Бухары» были сделаны впоследствии и другими авторами, о чем говорит иранский ученый Мухаммад Таки Бахор в своем труде «Малик уш-шуаро», изданном в 1958 г. в Тегеране. «История Бухары», как сообщают советский историк О. А. Сухарева[1] и иранский ученый Мухаммад Таки Бахор[2], комментировалась и дополнялась многими переводчиками, помимо тех, о которых упоминалось выше. Тем не менее все переводчики и комментаторы единогласно подчеркивали авторство Наршахи.

Что касается названия данного труда, то до нас не дошли сведения о том, как назвал свой труд сам Наршахи. Поэтому в советской и иностранной литературе встречаются различные названия данного труда: «Тарихи Наршахи», «Наршахий тарихи», «Тарихи Бухоро» («Бухоро тарихи»), «Тахкик ул-вилоят» («Вилоят хакикатини аниклаш»), «Ахбори Бухоро» («Бухоро хакида харлар») и многие другие[3]. В настоящее время в исторической науке закрепилось название «Тарихи Бухоро» («История Бухары»).

Высокий интерес к данному труду привел к обилию его переводов на многие языки народов мира, многочисленным изданиям и переизданиям. Так, в 1892 г. его издал французский востоковед Ч. Шефер в Париже; в 1897 г. «Историю Бухары» перевел на русский язык бывший начальник Самаркандского уезда полковник Н. Ликошин и издал в Ташкенте, а узбекский просветитель Мулла Султан со своим предисловием издал ее в 1904 г. в Бухаре; иранский ученый Мударис Ризавий в 1939 г.— в Тегеране, английский востоковед Р. Франн в 1954 г. — в Кембридже и, наконец, «Тарихи Бухоро» в 1966 г. в переводе на узбекский язык была издана в Ташкенте [4].

Следует особо подчеркнуть, что как Мухаммад ибн Жаъфар, так и его последователь Ахмад ибн Мухаммад, а затем переводчик и комментатор Мухаммад ибн Зуфар, описывая в «Истории Бухары» исторические события VIII—XII веков, исходили из принципов мусульманской историографии. Они защищали устои ислама и фикха, поэтому положение и прогрессивное движение народных масс против арабской колонизации (например, восстание народа во главе с Муканной,) осуждались ими и оправдывались действия господствующих классов против народных масс. Но, тем не менее, правдивое изложение исторических событий VIII—

---

[1] Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства.— Ташкент. 1958.

[2] Мухаммад Таки Бахор. Малик уш-шуаро.— Тегеран, 1958.— С. 318-322.

[2] Собрание восточных рукописей АН УзССР.— Т. 1.— Ташкент, 1952.— С. 46, № 92.

[3] Абу Бакр Мухаммад ибн Маъфар Наршахи. Бухоро Тарихи.— Ташкент, 1966.— С. 6-7.

XII веков делает ее ценным источником, без которого невозможно изучение социально-экономического и политического положения народов Средней Азии периода арабского господства. Научная ценность «Истории Бухары» неоспорима в современной историографии.

Великий ученый — энциклопедист и гуманист эпохи средних веков Абу Райхан Беруни (973—1048 гг.) является автором более 152 трудов по истории, философии, астрономии, минералогии и другим отраслям наук. Он родился 4 сентября 973 г. в столице Хорезма Кяте (позже Шаббаз), а ныне город Беруни Каракалпакской АССР Узбекистана.

Хорезм — древнее государство Средней Азии. Во времена Беруни хорезмийцы говорили на одном из иранских языков, близком к нынешнему осетинскому.

Во времена Беруни на территории Хорезма существовали два государства — в Кяте правил Бану Ирак, принадлежавший к иранской династии, основанной в IV в., а в Ургенче — эмир, ставленник арабов, завоевавших Среднюю Азию в VII в. Оба правителя были зависимы от Багдатского халифата. В 995 г. эмир Маъмун завоевал Кятское государство и присоединил его к своему эмирату, приняв древний титул хорезмшаха. Впоследствии, после высыхания древнего русла Амударьи был построен новый Ургенч, а старый Ургенч стали называть Куня-Ургенчем[1].

Наиболее трагичным и пагубным для древнехорезмского государства явился период арабской колонизации страны. Арабская колонизация Средней Азии ставила своей целью почти полное уничтожение культурных традиций местных народов. Но культура среднеазиатских народов выдержала гнет завоевателей и сохранилась, хотя и в сильно измененном виде. В начале IX в. крупнейший мыслитель своего времени Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми ал-Маджуси — выходец из семьи зороастрийских жрецов-магов, познакомил арабов с индийской десятиричной позиционной системой счета и стал автором одного из первых алгебраических трактатов.

Труды аль-Хорезми по математике и астрономии были переведены в XII в. на латынь, и латинская форма его нисбы Алгоритонеус превратилась сначала в название арифметики, основанной на арабских цифрах», а затем в математический термин «алгоритм», словом «алгебра» мы также обязаны арабскому слову ал-джабр —«восполнение»— в названии его алгебраической работы»[2].

В X веке в Арабском халифате происходят существенные изменения, и многие подчиненные халифату государства Средней Азии и Ирана приобретают экономическую и политическую не-

---

[1] Кедров Б. М., Розенфельд Б. А. Абу Райхан Беруни (к 1000-летию со дня рождения).— М. 1973.— С. 5.

[2] Кедров Б. М., Розенфельд Б. А. Указ. работа.— С. 6.

зависимость. Среднеазиатские ученые и мыслители работали на всей территории Багдадского халифата, в том числе и на своей родине. В частности в конце X в. в Кяте работал ученый Абу Наср Мансур ибн Ирак — автор обработки «Сферики» Минелая, являющейся комментарием «Алмагеста» А. Птоломея.

Абу Наср Мансур ибн Ирак является воспитателем и первым учителем Беруни. Сведениями о ранних годах жизни Беруни историческая литература не располагает. Его нисба Беруни — в таджикской и узбекской орфографии — происходит от слова бирун —«предместье» и означает «человек из предместья». «Клянусь Аллахом,— писал он в одном из автобиографических стихотворений,— не знаю я по правде своей родословной. Ведь я не знаю по-настоящему деда, да и как знать мне деда, раз я не знаю отца!»[1].

Родным языком для Беруни был хорезмийский. По этому поводу он писал: «Природным для меня является такой язык, что если бы увековечить на нем какую-нибудь науку, она чувствовала бы себя такой же чужой, как верблюд на дождевом стоке дома или жирафа в канаве. Зачем я перешел к **арабскому и персидскому** (подчеркнуто нами — *Т. С.*); в каждом из них я пришелец, с трудом им владеющий»[2]. Это искреннее и мужественное признание ученого-гуманиста, прославившегося энциклопедичностью своих знаний.

Сложные условия жизни и творчества Беруни нельзя рассматривать в отрыве от условий общественно-политической и экономической жизни его эпохи — периода господства феодализма в Средней Азии. Скитание было уделом энциклопедиста. В 998 году князь Тургана на южном берегу Каспийского моря Кобус ибн Вушмагир пригласил Беруни к себе. Ему ученый посвятил свой исторический труд «Хронология» («Памятники, оставшиеся от минувших поколений») — историко-хронологический трактат, имеющий исключительно ценное историческое значение[3]. Советская историческая наука не располагает трудами историографического направления об историческом мировоззрении Беруни, что придает нашему анализу особое значение.

«Хронология» среди многочисленных трудов Беруни занимает особое место. Исторический трактат состоит из введения, где содержатся размышления о том, что такое день и ночь, о делении времени на месяцы, годы и эры, о разнице в представлениях разных народов в этом вопросе, об отношении народов к царям-правителям и о царях, которых называют Зу-ль-Карнейном, о хронологических циклах, о лжепророках и обманутых ими народах, о праздниках и знаменательных датах у персов, согдийцев и жи-

---

[1] Перевод И. Ю. Крачковского цитируется по книге: Булгаков П. Т. Жизнь и труды Беруни.— Ташкент, 1972.— С. 26.

[2] Там же.— С. 339.

[3] Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений. Пер. М. А. Салье. Избранные произведения.— Т. 1.— Ташкент, 1957.

телей Хорезма, о знаменательных днях румов (греков, римлян), евреев, сирийцев и всех народов христианского вероисповедания, о постах и праздниках христиан, древних магов, сабиев, арабов, а также народов, исповедующих ислам, и о том, какие (праздники) справляли арабы в (эпоху) неведения, также о (знаменательных днях), которые отмечают люди ислама и др.

Беруни, как справедливо отмечает советский ученый С. П. Толстов, строго и последовательно придерживался критико-аналитического метода исследования источников. Критический подход к источникам осуществлялся, конечно, и его предшественниками, но у Беруни критика источников становится основным условием исследования. Естественно, Беруни не удалось полностью освободиться от той предвзятости и тенденциозности, от которой он предостерегал историков, но и в этой области он стоит выше своих предшественников и современников, в этом, пожалуй, кроется одна из главных причин исчезновения большинства исторических трудов Беруни, слишком смелых в своей критике источников, чтобы быть приемлемыми для большинства современных ему потребителей исторической литературы[1].

Беруни в «Хронике»—«Аль-Асар-аль-Бакия», в отличие от традиционной мусульманской историографии истории исламского мира, где освещалась прежде всего деятельность царей и героев, история политических событий, прежде всего освещает историю культуры народов, их обычаи и нравы. Поэтому ученые рассматривают «Хронику» и как историко-этнографическое исследование.

§ 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О МУСУЛЬМАНСКОМ РЕНЕССАНСЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

По своему происхождению арабская историография тесно связана с фольклорно-литературной традицией и богословско-кораническим комплексом. Предметом исторических трудов чаще всего являлась история исламской общины, выраженная в деятельности ее политически и интеллектуально активной части. К этому добавились народные предания доисламской Аравии, легендарная история древних пророков, персидских, среднеазиатских и других восточных царей и правителей. В целом, для средневекового арабо-мусульманского общества характерны вполне определенные формы исторического самосознания, четкое летоисчисление по лунному календарю, преемственность историографической традиции.

Ко второй половине IX в. уже формируется ранний период арабской историографии, который завершается трудом ат-Табари «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей»). Уже

[1] Толстов С. П. Беруни и его «Памятники минувших поколений». См.: Абу Райхан Беруни. 973-1048. Избранные произведения.— Т. 1.— Ташкент, 1957.— С. XV.

в это время в арабской историографии появились своеобразные труды, которые оставались единичными или имели мало повторений. К ним относятся историческая энциклопедия Ибн Кутейбы (умер в 889 г.) и история христианских монастырей мусульманского автора аш-Шабушти (умер около 998 г.)[1].

Исключительно богатый историко-топонимический материал содержится в географических сочинениях административно-географических справочниках, описаниях путешествий. Важнейшие труды в одном-двух томах относятся к IX—XI в. Эти книги составили знаменитую «Библиотеку арабских географов». К их числу относится географический труд общего типа Ибн Хордадбека (846/47) и авторская переработка (885/86 г.). Около 903 г. было составлено географическое сочинение Ибн ал-Факиха. В последующие годы закончил свои труды Ибн Русте (ок. 943 г.).

Особый интерес представляет труд географа Ибн Фадлана, побывавшего в Средней Азии в 921—922 г., Кудама (ок. 928 г.), Масуди (947—950 гг.), Истахри (ок. 941 г.), Ибн Хаукаль и Макдиси — вторая половина X в. Источниковедческой базой для современных историков служат таджикоязычные географические труды анонимного автора «Худуд ал-Алам» (982/83 гг.) и «Джахан-наме» Бекрана (нач. XIII в.).

О содержании арабской географической литературы и ее историческом значении И. Ю. Крачковский писал: «описание всех стран от Испании до Туркестана и устья Инда с обстоятельным перечислением населенных пунктов, с характеристикой культурных пространств и пустынь, с указанием сферы распространения культуры, растений, мест нахождения полезных ископаемых», а также физико-географических и климатических условий, языка, религиозных учений; сведения не ограничивались «областями Халифата и значительно выходили за пределы известного грекам мира... она дает такой комплекс материала, подобного которому в эту эпоху нигде найти нельзя»[2].

В подтверждение сказанного укажем на то, что арабская колонизация осуществлялась не только огнем и мечом, но и путем беспощадной эксплуатации народных масс, которые должны были не только платить большие налоги, но и выполнять целый ряд общественных повинностей. Так, например, правители Согда должны были ежегодно отправлять Халифу, помимо больших сумм денег и ценностей, до 30 тыс. молодых рабов. На багдадских рынках каждый из них оценивался по 200 дихремов. Кроме того существовало множество налоговых обложений. Историки Абу Юсуф Яъкуб (VIII в.) и ал-Маварди (X—XI вв.) сообщают, что наиболее распространенными видами налогов были — хирадж, зякат, ушр и др. Их размеры достигали от 25 до 50% стоимости урожая и рыночных цен стоимости товаров.

[1] Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга первая.— М. 1987.— С. 262-263.

[2] Крачковский И. Ю. Избр. соч.— Т. 4. Арабская географическая литература.— М.-Л. 1957.— С.—21-24.

О грабительском содержании политики арабов в завоеванных регионах красноречиво говорит следующий указ халифа Умара I: «Пока мы живы, подчиненные нам муслимы — наши рабы, мы их пожираем, после нас наши дети должны съедать их детей». Выше упоминавшийся автор Ибн Хордадбек, опираясь на данные второй половины IX в., сообщает, что арабы собрали дань с города Нишапура —4180,9 тыс., из Туса —740,8 тыс. дихремов. Автор более позднего времени Ибн ал Асир (XV в.) сообщает, что дань Ирана, Азербайджана, Рейна и Казвина ежегодно составляла 500 тыс. дихремов[1].

Образование большого арабского государства на обширнейшей территории от Испании до Средней Азии, Поволжья и Индии в VIII—X вв. привело к развитию и расцвету культуры этих регионов, а дальнейшее разделение труда и развитие феодальных отношений — к определенной специализации регионов халифата. В частности Мавераннахр специализировался по производству хлопка и шелка. Рост сельскохозяйственного производства способствовал развитию ремесла и торговли. Начался процесс формирования ремесленных центров — в городах Севиль, Гранада, Дения, Томдо, Сарагос, Хаэн (Испания), Фес, Тахарт, Сеута, Танжер, Кафраун (Северная Африка), Каир, Танта, Тунис (в Египте), Таза, Хайфа, Иерусалим, Набулус, Халеб, Дамаск, Химс, Хама, Антиохия (в Палестине и Сирии), Сана, Зебид, Мекка, Медис (в Аравии), Васний, Масул, Басра и Куфа (в Ираке), Шираз, Исфахан, Хамадан, Кум, Тебриз, Рей, Нишапур, Байхак (в Иране), Газна (Афганистан), ненадолго ставшая в XI в. столицей тюркского феодального государства — государства Караханидов, Мерв, Самарканд, Бухара, Гургандж в Средней Азии.

Эти города становились многоотраслевыми производственно-торгово-экономическими объектами, где и сосредотачивались очаги развивающейся материальной и духовной культуры эпохи мусульманского Ренессанса. Известный советский востоковед Е. З. Бертельс период Ренессанса и его влияние на Среднюю Азию связывает прежде всего с неустанной борьбой народных масс против арабского владычества и политической борьбы против арабского мусульманского религиозного гнета. Актуальность разработки вопросов историографии эпохи мусульманского Ренессанса в науке не вызывает сомнений. Поэтому в настоящей работе впервые делается попытка дать некоторый анализ данных проблем в историографическом плане.

Во второй половине XIX в. историк Леопольд Ранке (1795—1886 г.) разработал новые принципы исследования истории, с которыми познакомились на его семинарах несколько поколений историков. Долгие годы работая над источниками, Л. Ранке пришел к убеждению, что девизом историка должен быть лозунг

---

[1] Хайруллаев М. Уйгониш даври ва шарк мутафаккири.— Ташкент, 1971.— С. 55.

«Назад к источникам!» Появление его первого труда произвело своего рода переворот в науке. Ранке предлагал совершенно новый метод исторического анализа и новую методику научного исследования.

Естественно, Ранке, как представитель официальной немецкой исторической школы, с ее национальной ограниченностью и тяготением к «европеизму» не мог быть до конца объективным. Поэтому его ученик известный историк XIX в. Якоб Буркхард (1818—1897 гг.) выступил с критикой своего учителя и постарался доказать ограниченность изучения только политической истории, он считал, что на первый план следует выдвинуть освещение истории духовной и материальной культуры человечества. Широко известны труды Я. Буркхардта об итальянском Ренессансе, в которых он заложил основы течения в исторической науке, получившего название «ренессансизм».

Одним из наиболее видных представителей «ренессансизма» является Христиан Адам Мец (1869—1917 гг.)— крупнейший ученый-востоковед, отдавший многие годы своей жизни изучению проблем мусульманского Ренессанса. На Меца огромное влияние оказала формулировка ученика Ранке Т. Вайцеля, который утверждал: «...историк должен стремиться лишь к голой правде, лишенной всяких украшений и всяких выдумок даже в малейшем»[1]. Сам А. Мец стремился избегать субъективных суждений и, как указывает Бертельс, дает в руки востоковедов прекрасный строительный материал. «Для этого ему пришлось проделать титаническую работу: отыскать этот материал, извлечь его на поверхность, свести воедино, что само по себе совершенно несравнимая заслуга»[2]. Без обращения к труду Меца не обошлось, да и сейчас не обходится, ни одно исследование истории и культуры народов мусульманского Востока. Поэтому у нас работа А. Меца выдержала два издания, второе в 1973 году.

А. Мец умер в декабре 1917 г., не завершив своего труда. Его издателю Рекендорфу пришлось основательно поработать, чтобы подготовить его издание в 1922 г. Первым переводчиком этой книги на английский язык был индийский востоковед Салахаддин Худо Бахш. Его консультировал английский арабист проф. Д. Марголиус. Первые семь глав перевода были напечатаны в 1927 г. в Хайдарабадском журнале. Худа Бахш до конца жизни продолжал работать над переводом этой книги, но завершил его и издал лишь в 1937 г. Правда, английский перевод изобилует ошибками и опечатками, иногда искажающими основное содержание книги. Испанский перевод этой книги с предисловием вышел в свет в 1936 г. В 1939 г. над переводом книги А. Меца начал работать турецкий востоковед Джамал Кёпрюл. Свою работу он закончил в 1941 г., однако, учитывая условия своей страны,

---

[1] Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. Издание 2-е.— М. 1973.— С. 4.
[2] Там же.

дал свое заглавие каждой части перевода. Первый отрывок был назван «Учение в тюркоисламском мире» и т. д.

В 1940—1941 гг. в Египте вышел двухтомный арабский перевод книги А. Меца, выполненный Мухаммадом Абд ал-Хади Абу Риза. Появление этой книги в арабском мире стало сенсацией. Поэтому вскоре появилось ее второе издание. Как подчеркивает Д. Бертельс, «во время работы над русским переводом оба издания обнаружить в наших библиотеках не удалось»[1]. Но к 70-му году XX в. Маруф Хазнадар подарил Бертельсу второе издание арабского перевода А. Меца. Как свидетельствует автор введения арабского перевода Ахмад Амин, главное достоинство этой книги — использование большого количества источников при минимальном личном вмешательстве.

Вместе с тем Ахмад Амин указывает, что А. Мец в некоторых случаях опирается только на один источник. Это противоречит научному принципу интерпретации источников. Поэтому Амин предложил переводчику восстановить цитируемые Мецом выдержки из арабских авторов по оригиналу. Это труднейшая задача, ибо А. Мец цитировал десятки арабских рукописей из разных хранилищ Европы. Тем не менее, переводчик взял на себя этот огромный труд. Кроме того, он добавил 66 своих примечаний, призванных облегчить знакомство с арабскими рукописями.

После смерти известного французского арабиста Л. Берте (1889—1955 гг.) в его архиве была обнаружена рукопись французского перевода этой книги.

Выход в свет работы А. Меца вызвал отклики и рецензии, суждения ученых, специалистов и не специалистов, профессионалов-востоковедов и не профессионалов. В их числе можно указать рецензии И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда, К. Баккер, Р. Тартман и др.

Говоря о сочинении А. Меца, необходимо остановиться на заглавии книги. Почему автор назвал ее «Мусульманский Ренессанс»—«Ренессанс ислама»? О каком ренессансе в исламе можно говорить?. Автор не успел подготовить рукопись своего труда к печати и дать окончательное название, полностью отражающее содержание этого гениального труда. Отсутствие заглавия послужило основанием для различных его истолкований. Издатель книги А. Меца Рекендорф обращает внимание читателей на начало главы 18, где встречается термин Ренессанс (с. 230). Правда, это единственный случай употребления этого термина! Поэтому «Мусульманский Ренессанс»— нераскрытое заглавие книги — побудило всех, кто писал о книге А. Меца с момента ее выхода и до наших дней, пытаться истолковать его.

Рекендорф прав, исходя из того, что Мец описывает глубокие изменения в культурной жизни мусульманской империи в X в.,

---

[1] Крачковский И. Ю. В. В. Бартольд в истории исламоведения.— Избр. соч.— Т. V.— М. 1957.— С. 6.

преемственность которых с античностью очевидна. Наиболее верным, на наш взгляд, является мнение В. В. Бартольда, что общим признаком европейского Ренессанса и расцвета мусульманской культуры является возрождение греческой науки. По мнению В. В. Бартольда, «европейский Ренессанс» и «расцвет мусульманской культуры» являются в основном идентичными понятиями. Поэтому Бартольд считает, что книгу можно было бы назвать «Возрождение в мире ислама».

В одной из своих работ академик И. Ю. Крачковский писал: «Посмертное сочинение безвременно скончавшегося А. Меца дает общую картину IV в. хиджры (X в.), который автор с полным правом назвал веком «возрождения ислама». «Десятый век (IV в. хиджры) — эпоха окончательного распада халифата, но в то же время эпоха высшего расцвета арабской культуры —«Ренессанс ислама»,— по сбивчивому названию одного из ученых (Меца)»[1].

По мнению академика Н. И. Конрада, «Возрождение» есть процесс, характерный не только для Европы, но для всех стран и народов, это процесс, наступающий в определенный момент исторического развития народов «великих цивилизаций». Эпоха Ренессанса и возникла, как показывает опыт изучения всемирной истории, у народов с длительной, непрерывно развивающейся и продолжающейся и в наше время исторической жизнью и культурой[2]. Поэтому проблема Ренессанса на Востоке требует длительного, глубокого и самого тщательного исследования.

ГЛАВА 3. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭПОХИ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ И ИХ ГОСПОДСТВА В XIII—XIV ВВ.

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ГОСПОДСТВА КАРАХАНИДОВ (XI—XII ВВ.) В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В VIII—IX вв. тюркские племена интенсивно проникали в Ферганскую долину и в Шаш. В Фергане были сильны карлукские элементы, а в Шаше доминирующую роль играли гузские племена. По свидетельству Ибн Хавкаля (X в.), около тысячи семейств тюрков, принявших ислам, перешли с востока в район между Фарабом, Кенджидой и Шашем, т. е. к юго-западу от современного Чимкента[3]. Историк XII века Тахир Марвази в работе «Шараф-аз Заман» указывает, что «после того как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами.

---

[1] Крачковский И. Ю. Избран. соч.— Т. IV.— С. 171.

[2] Конрад Н. И. Послесловие к кн.: В. К. Чалоян. Армянский Ренессанс.— С. 161 (А. Мец.— С. 11).

[3] История народов Узбекистана.— Т. 1. Ташкент, 1950.— С. 269.

Между ними и теми гузами, которые не приняли ислам, началась вражда. Число мусульман среди гузов множилось и положение ислама у них улучшилось. Мусульмане взяли верх над неверными, вытеснили их из Хорезма в сторону поселений (кочевий) печенегов»[1].

Процесс дальнейшего взаимодействия согдийцев и тюркских племен привел к более тесному взаимодействию и взаимовлиянию. К этому времени под мощным воздействием тюркских племен согдийские колонии потеряли свою этническую обособленность, имели место семейные и брачные взаимоотношения, что привело к постепенной утрате языковых и культурно-бытовых барьеров. Поэтому ученый-лингвист XI в. Махмуд Кашгари в «Дивани-и ал-лугат ат-тюрк» («Диван тюркских диалектов») подметил этот не очень заметный естественный процесс. Он сообщает, что в его время «были люди, которые говорили по-тюркски и согдийски, были люди, которые говорили по-тюркски, но не было людей, которые говорили бы только по-согдийски»[2].

Однако трудно согласиться с автором хотя бы потому, что в конце XI в. согдийцами можно было бы считать только тех, кто говорил по согдийски. Одного этого признака мало, чтобы считать, что согдийцы теряли свою обособленность как самостоятельная формирующаяся народность Средней Азии. Разве можно согласиться с утверждением о том, что «физически они, конечно, не вымерли, но их потомки смешались с тюрками и, в известной мере ассимилировались с ними».

Еще не доказано, кто с кем ассимилировался. Махмуд Кашгарий высказывается более гуманно и интернационально. Он предполагал не ассимиляцию народов, а их объединение и содружество в борьбе против иноземцев. Ученый приветствовал объединение людей во имя справедливости и правды и призывал к борьбе против вражды, раздора и социальной несправедливости.

Таким образом, как сообщает историк первой половины XI в. Хилал ас-Саби, саманидам фактически была оставлена лишь центральная часть Мавераннахра. Когда на престол вступил Мансур ибн-Нух (997—999 гг.), бывший, по словам таджикского историка XI в. Бейхаки, умным и талантливым человеком, он пытался заручиться поддержкой народных масс. Однако народные массы, уставшие от бесконечной смены правителей, равнодушно взирали на происходящие события.

В 999 г. в Бухаре власть захватил караханид Наср. Во время захвата Насром Бухары эмиром в Газне был Махмуд, сын Себук-Тегина, известный в истории под именем Махмуда Газневи. Махмуд получил от багдадского халифа Кадира (991—1031 гг.) титул «иёмин ад-даула ва амин ал-милла» («десница державы и доверен-

[1] История народов Узбекистана.— Т. 1. Ташкент, 1950.— С. 269.

[2] Кашкари Махмуд. Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталибов. I-III томлар. Ташкент, Фан: 1960-1963.

ное лицо религиозной общины») и ярлык о монопольном управлении Харасаном. Хотя в 1001 г. между Махмудом и Насром была достигнута договоренность об определении границ управляемых ими областей по реке Амударья, вместо бывшего централизованного Самаркандского феодального государства образовалось фактически два самостоятельных государства: караханидское (Кашкар, Шаш, Фергана, Согд) и газневидское (от границ Северной Индии до южных берегов Каспийского моря, включая нынешний Афганистан и северо-восточный Иран).

За время своего царствования (998—1030 гг.) Махмуд Газневи совершил семнадцать грабительских походов на Пенджаб, Кашмир и другие области северной Индии. В один из походов он вывез из городов Канауджа 20 млн. дирхемов, 57 тыс. рабов и 370 слонов. 17 походов Махмуда разорили Индию настолько, что понадобились десятки лет на восстановление страны. Эти походы позволили Махмуду стать сильнейшим государем своего времени.

В 1025 г. в окрестностях Самарканда произошла встреча двух могущественных государей своего времени — Махмуда Газневида и Караханида илекхана Кадыра. Персидский историк XI в. Гардизи в своем труде «Зейн ал-ахбар» («Украшение известий») сообщает, что Кадыр-хан не искушен в дипломатических тонкостях и придворных любезностях, не привык к этикету встреч, наивен и неуклюж. Поэтому дальнейшее усиление власти Махмуда Газневи на территории Средней Азии явилось логическим завершением этой встречи.

История Средней Азии эпохи Саманидов изучена довольно подробно, а история караханидов изучена еще далеко не достаточно. Письменные источники содержат лишь отрывочные сведения о политических событиях и внутреннем устройстве государства караханидов. Но историки не теряли надежды на выявление исторических источников. Приведем такой пример. Во второй четверти XII в. обширнейшая империя караханидов включала территорию от Семиречья с городом Баласагуном до северо-восточных ареалов реки Енисей. По мусульманским источникам здесь жил народ, получивший название кара-китаев[1]. В 1137 г. кара-китаи разгромили караханида Махмуда около Ходжента, 9 сентября 1141 г. в Катванской степи близ Самарканда сельджукско-караханидские войска были полностью разбиты, а султан сельджукидов Санджар и газневид Махмуд отступили. Кара-китаи заняли Бухару и весь центральный Мавераннахр. Соотношение политических сил в Средней Азии изменилось. Кара-китаи, в отличие от сельджукидов, не уничтожили династию караханидов, караханиды стали вассалами кара-китаев.

После битвы в Катванской степи в Самарканде некоторое время правил родной брат бежавшего караханида Махмуда, а Ферга-

[1] О кара-китаях и их взаимоотношениях с караханидами см.: Гафуров Б. Г. Таджики.— М. 1972.— С. 404.

на находилась в руках семьи восточных караханидов. В 1150 г. Ферганская семья караханидов прочно овладела и Самаркандом. Хотя Фергана и Самарканд были объединены, все-таки Самарканд одновременно считался столицей всего государства, а удельный владетель Самарканда был номинальным главой династии.

Победа кара-китаев в 1141 г. ослабила сельджукидов. Другим решающим фактором поражения сельджукидов было возвышение Хорезма как политического центра. Первым добился независимости Хорезма от сельджукидов сын Кутб ат-Дина Мухаммада — Атсыз (1127—1156 гг.). Атсыз явился основоположником будущего великого государства хорезмшахов. Власть иранских сельджуков в Хорезме с середины XII в. была по существу номинальной. В 1156 г. султан государства сельджукидов — Санжар после трехлетнего плена вернулся в столицу Мерв. Спустя год он умер. После его смерти независимые владения возникли в Фарсе и Азербайджане. Хорасан также стал независимым. В центре халифата, в Багдаде, восстановил свою власть халиф арабского государства.

Этот процесс благоприятно сказался на дальнейшем усилении самостоятельности государства хорезмшахов. Шах Ала ад-Дин Текеш (1172—1200 гг.) отказался от уплаты дани кара-китаям. Он казнил посла кара-китаев, прибывшего в Хорезм для сбора податей. Неоднократные войны не дали результата. Лишь в 1196 г. война между Хорезмом и Багдадским халифатом закончилась победой хорезмийцев. Однако халифат пользовался поддержкой мусульманского духовенства и поэтому, хотя Текеш и усилил свое влияние на обширнейшей территории, но внутри страны, не имел прочной опоры. Описываемый период истории народов Средней Азии представляет интерес как канун монгольского нашествия.

Дошедший до нас труд личного секретаря (мунши) Текеша Мухаммада Багдади «Ат-тавассул иля-т-тарассул» («Искание доступа к деловой переписке») позволяет составить представление об обстановке того периода. Он содержит наказ хорезмшаха Текеша наместнику Сырдарьинской области Джеиду, отражающий положение различных слоев населения:

1. Сайиды (потомки пророка Махаммада) не должны знать нужды, сообразно их интересам и степени святости они должны быть обеспечены.

2. Имамы и ученые (улемы), исходя из законоположения, должны быть одарены подарками, им следует оказывать всякие блага.

3. Судьи и правители должны соблюдать закон и требовать справедливости.

4. Суфии и примыкающие к ним должны быть обеспечены, дабы заняться спокойно молитвами за наше победоносное государство.

5. Влиятельным старейшинам надо покровительствовать.

6. Группами подчиненных наместнику чиновников и военных людей необходимо строго управлять, чтобы они не занимались вымогательством у населения, для чего надо своевременно оплачивать им жалование.

7. Борцов за веру всячески поддерживать и поручить им наблюдение за населением.

Детальную характеристику этого источника в историографическом плане впервые дает советский востоковед А. А. Семенов[1]. Он анализирует некоторые документы, связанные с областью Нисы, имевшей в это время большое политическое значение в жизни южной окраины государства хорезмшахов. Ведущую роль здесь играли гузские феодалы. Хорезмшах Текеш, как свидетельствует Мухаммад Багдади в своем выше упомянутом труде, одному из ведущих гузских феодалов — Туганшаху дал жалованную грамоту, где указывалось, что Туганшаху отдаются в икта большие районы области, где ему будет принадлежать полный объем иммунитетных прав[2]. Согласно этой грамоте ему подчинялись духовенство, судьи, ученые, зажиточные люди, князья, военачальники, земледельцы и люди прочих сословий. В этом акте также имеются призывы охранять женскую честь, имущество и жизнь населения и т. д. Интересно, что за 700-летний период своего существования этот источник не подвергался детальному изучению и серьезными исследованиями его наука не располагает[3].

§ 2. КУЛЬТУРА В XI — НАЧАЛЕ XIII В.

Исторической наукой давно установлено, что в XI— начале XIII вв. в Средней Азии были очень развиты товарно-денежные отношения. В этот процесс были втянуты и самые глухие горные районы страны. Он отразился и на состоянии культуры народов Средней Азии. До нас дошло значительное количество историко-культурных памятников материальной и духовной культуры этого времени. Среди них особое место занимают памятники монументальной архитектуры.

Мусульманский Ренессанс предполагает расцвет культуры того или иного рассматриваемого региона. Если сопоставить число сохранившихся памятников материальной и духовной культуры с историческими свидетельствами о строительстве дворцов, мечетей, хонака, бань и пр., станет ясно, что рассматриваемый нами период был периодом чрезвычайно бурного развития городов, товарного производства, торговли, развития производительных сил и характеризовался общим подъемом экономики.

Этот период также характеризуется развитием градостроительной мысли, новыми конструктивно-планировочными решениями, достижениями в области прикладного декоративного искусства.

---

[1] Семенов А. А. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII в. н. э. (по актам того времени).— ИООН АН Тадж. ССР. 1952.— Т. II.— С. 17.

[2] Иммунитет — в феодальном праве привилегия феодала осуществлять в своих владениях некоторые государственные функции (например, суд, сбор налогов, полицейский надзор) без вмешательства представителей центральной власти. См.: Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е.— М. 1987.— С. 485.

[3] Семенов А. А. Указ. работа.

Хотя в монументальном строительстве преобладает мрамор и жженый кирпич, но старые стройматериалы — глина (пахса), сырцовый-формованный кирпич и ганч (ганж) используются весьма широко, особенно при строительстве крепостей, дворцов, замков. К их числу можно отнести, например, крепость Кала-и боло в Исфаринском районе Таджикистана (VI—VIII вв.).

Большого размаха в рассматриваемый период достигло дворцовое строительство. В это время были построены дворец хуттальянского правителя в Хульбуке (Южный Таджикистан), термезского правителя в Термезе, дворцы газневидских эмиров в пригороде Газны и в Лашкар-и базар.

Значительно больше дошло до нас памятников культурного назначения: мечетей, минаретов, особенно мавзолеев.

Политические изменения X— начала XIII вв. не могли не отразиться на науке и культуре народов Средней Азии.

Возникновение державы Махмуда Газневида, олицетворяющего центральную феодальную власть, создали некоторые условия для дальнейшего развития науки и литературы. При Газневидах арабский язык получил широкое распространение. Делопроизводство велось вначале на языке дари, а затем на арабском языке, что послужило условием для проникновения в таджикский язык арабских слов и выражений.

Махмуд Газневи собирал при своем дворе поэтов, писателей, историков, философов. При дворе стал развиваться жанр панегирической оды (касиды). Уроженец Балха Абд ал-Касим Хасан ибн Ахмад Унсури (род. в 60-х годах X в.—ум. в 1039 г.) считается основоположником нового стиля панегирической касиды с усложненными риторическими фигурами и рационалистическим подходом к образности. Видными придворными поэтами и писателями являлись Абу-л-Хасан Аль Фарухи (умер в 1038 г.) и Абу-л Наджи Ахмад Манучихри (умер в 1041 г.). Они продолжали и развивали литературные жанры в эпоху саманидов.

В это время в Мавераннахре жили такие талантливые поэты и литераторы, как Амака-и Бухара-и (умер в 1149 г.), Сузани Самарканди (умер в 1173 г.), Рашиди Самарканди, Асади Туси, Насир-и Хусрау, Умар Хайям, Фахр ад-Дин Гургани, Ходжа Ахмад Яссави, Анвари, Масуд Саад Сальман, Муиззи, Сабир Термези и др.

В исследуемый период наивысшего расцвета достигло учение суфизма. Его теоретиками были философ Мухаммад Газали и его брат Ахмад Газали, обосновавший особую суфийскую теорию мистической любви, а также выдающиеся поэты суфийского направления — Абдаллах Ансари Герати (1006—1077 гг.), Абу-л-Мадж Санаи (род. ок. 1050 г. ум. 1131 г.), Фарид ад-Дин Аттар (род. ок. 1142 г.— ум. ок. 1220 г.).

К этому периоду относятся также творения энциклопедистов средневековья — Абу Али ибн Сины и Абу Райхана Мухаммад ибн Ахмада Беруни (973—1051 гг.).

В XI в. развивалась и историографическая наука. К этому времени следует отнести труд Абу Насра Утби, придворного историка Махмуда Газневи —«Тарихи Ямини». Утби в панегирической форме восхваляет Махмуда Газневи, приводит многочисленные факты из жизни Себук-Тегина и дает описание исторических событий того времени.

Одним из крупнейших историков газневидского периода считается Абу Саид Гардизи. Он является автором историко-дидактического труда «Зайн ал-ахбор» («Краса сообщений»). Этот труд был написан между 1048—1052 гг. Гардизи дает историографический анализ трудов историков, своих предшественников. К их числу он относит Табари, Наршахи, Утби и др.

Выдающимся историком газневидского периода является Абу-л-Фазл Байхаки (995—1077 гг.)— автор 30-ти томной исторической летописи, составленной на таджикском языке. Из этого энциклопедического труда до нашего времени сохранилось лишь несколько разрозненных и неполных томов, повествующих о периоде царствования султана Масуда и о событиях его эпохи, известных под названием «Тарихи Масъуди» или «Тарихи Байхаки».

§ 3. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ТРУДА «ИСТОРИЯ МАСЪУДИ» («ТАРИХИ БАЙХАКИ»)

Академик В. В. Бартольд писал: «Труд Абу-л-Фазла Мухаммеда б. Хусейна Байхаки занимает совершенно особое место в мусульманской исторической литературе, по крайней мере среди дошедших до нас произведений», и историографы выдвигают этот труд на «совершенно особое место»[1]. А сам Абу-л-Фазл Байхаки (примерно 994—1079 гг.), оставаясь сыном своего времени, не мог преодолеть исстари сложившуюся в историографии традицию, но тем не менее писал: «Цель моя заключается не в том, чтобы рассказать людям нашей поры о жизни султана Масъуда, ибо они его видели и осведомлены... Моя цель состоит в том, чтобы написать достойную летопись и возвести величественное здание так, чтобы воспоминание о нем сохранилось до скончания веков»[2]. «Нелепо было бы писать что-либо похожее на неправду...» (с. 315). Нарушая привычные каноны, он вносит ряд новшеств в современную ему историографию, которые сразу же обеспечили его труду превосходство над произведениями старых хронистов. Оценивая в историографическом плане труды своих предшественников, Байхаки пишет: «В прочих историях нет такой пространности, ибо они рассуждают о событиях проще и упоминают лишь небольшую (их) часть. Я же, взявшись за

---

[1] См.: Абу-л-Фазл Байхаки. История Масъуда (1030-1041). Перевод с персидского. Введение, комментарий и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное.— М. 1969.— С. 15.

[2] См.: Там же.— М. 1969.— С. 19.

сей труд, хочу воспроизвести историю полностью и вымести прах из всех углов и закоулков, дабы ничто из происходившего не осталось скрыто» (с. 81).

Задумав написать историю династии первых газневидов, историк Байхаки решил описывать события и факты не так, как это делалось в исторических книгах до него. «С этой целью он не только расширил рамки исторического повествования и вложил в него новое содержание, но и придав ему новую форму»[1].

Цитировавшиеся выше слова Байхаки означали, что он будет писать о таких подробностях и событиях, о которых по установившемуся в историографии того времени канону писать было не принято. Поэтому у Байхаки нет сухой регистрации фактов и событий, как у его предшественников, в лице своих персонажей он видел не безжизненных манекенов, носящих известные имена, титулы и звания, а людей с присущими им слабостями, страстями и добродетелями. Байхаки прекрасно понимал значимость мелких, на первый взгляд, незначительных фактов и обстоятельств, которые в известный момент могут послужить непосредственным поводом и толчком к крупным, исторически назревшим событиям[2].

25-летняя государственная служба в канцелярии газневидов обеспечила автору допуск к многочисленным историческим документам: дипломатическим, секретным (шифрованные переписки с послами, наместниками, тайными и явными информаторами). Многие из них проходили через его руки. «Я сам переписывал набело послания к халифу, к туркестанским ханам и окрестным князьям, сам расшифровывал тайнопись»[3]. Это придало его исключительно добросовестному труду значение надежного и авторитетного источника, поэтому на него часто ссылались историки последующих веков, иногда цитируя его без указания имени автора. Обратясь к труду Абу-л-Фазла Байхаки в настоящее время, можно исправить немало ошибок и неточностей, допущенных более поздними авторами[4].

Всю жизнь Байхаки собирал копии документов и их набралось в его архивах множество. Но под конец своей служебной деятельности он оказался в опале, дом его был разграблен и личный архив изъят. Поэтому в «Истории Масъуда» он не раз с горечью напоминает читателю об этом печальном факте.[5] Позднее ему, видимо, удалось восстановить некоторые документы, и они были использованы в соответствующих главах «Истории Масъуда», что и придало этому труду особую ценность. До нас дошло только около трети этого труда, а остальное давно было утрачено. Но и уцелевшая

---

[1] См.: Абу-л-Фазл Байхаки. История Масъуда (1030-1041). Перевод с персидского. Введение, комментарий и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное.— М. 1969.— С. 47.

[2] Там же.— С. 19-20.

[3] Там же.— С. 388.

[4] Там же.— С. 21.

[5] Там же.— С. 381.

часть свидетельствует о его исключительном значении и справедливо ставится исследователями в один ряд с трудами Ала ад-Дина Ата Малика Джувайни «Тарих-и Джахан-гушай» и Фазлаллаха Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих»— знаменитых историков монгольского периода.

Абу-л-Фазл не является основоположником историографии на языке фарси и дари. На этом языке писали уже давно. К этому времени выработался стиль исторического повествования — сжатый, сухой и бесстрастный, лишенный риторических прикрас. Историография в странах Среднего Востока, даже после арабского завоевания еще долгое время ограничивалась главным образом описанием жизни монархов и рассказами о походах и сражениях. А народные движения, охватывавшие огромные территории (вспомним высказывание Наршахи о восстании Муканны), изображались в искаженном виде, с позиции господствующего класса. А что касается жизни и быта народных масс, их социально-политического положения, то оно, за весьма редким исключением, обходилось молчанием.

Байхаки совсем иначе понимал задачи историка. «В прочих историях,— замечает он, сопоставляя свой труд с аналогичными сочинениями других авторов,— нет такой пространности, ибо они смотрят на события проще и упоминают лишь небольшую их часть» (с. 80). Это означает, что существовавшая в ту пору историография не удовлетворяла Абу-л-Фазла, и он вопреки привычному канону, внес в нее ряд новшеств, принесших его труду долгую славу.

Уцелевшая часть труда Байхаки является самой полной историей периода правления Масъуда. В ней содержится много интересных сведений из истории государств саффаридов и саманидов, а также из истории периода объединения туркменских племен под властью сельджукидов. Особое значение имеет труд Байхаки для восстановления истории среднеазиатских народов. К ним относятся сообщения Абу-л-Фазла о взаимоотношениях газневидов со среднеазиатскими ханами, с Хорезмом, туркестанскими ханами, с сельджукидами и туркменскими племенами.

Жизнь трудового народа — крестьян, ремесленников, Байхаки хотя и не показывает прямо, но судить о ней можно довольно достоверно по описаниям необузданной тирании правителей и насилия налоговых чиновников. Об этих фактах автор пишет совершенно открыто. Помимо налоговых обложений и побочных поборов двору отсылалось ежегодно большое число подарков. Так, например, только из Харасана ко двору Масъуда, лично для него, в рамазане 625/1034 г. сверх установленных налогов были собраны подарки стоимостью свыше четырех миллионов динаров; такого рода подношения осуществлялись регулярно[1].

[1] См.: Абу-л-Фазл Байхаки. История Масъуда (1030-1041). Перевод с персидского. Введение, комментарий и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное.— М. 1969.— С. 22-23.

Известия о жизни Абу-л-Фазла Байхаки весьма скудны. Первоисточником служит труд его земляка Абу-л-Хасана Али Байхаки, известного в литературе под именем Ибн Фундук. В этой книге (1167—68) собраны все доступные автору сведения о своем земляке — авторе «Истории Масъуда». Но приводимые им сообщения сбивчивы и неясны. Но тем не менее из книги можно узнать, что «Аш-шайх Абу-л-Фазл Мухаммад б. ал-Хусайн ал-катиб ал-Байхаки родился в Систане примерно в 994 г. Его отец был крупным чиновником на службе у султана Махмуда и умер в месяце сафар лета четыреста семидесятого года (т. е. в августе-сентябре 1077 г.) Из предисловия к «Истории Масъуда» видно, что он был достаточно сведущ не только в истории разных народов, но и знаком с философскими основами ислама и, по-видимому, через посредство арабских переводов — с учением Аристотеля и медицинскими трудами Гиппократа.

В возрасте 25—26 лет, т. е. около 411/1021 г. он был принят на службу в государственную канцелярию в Газне под начало Абу Насра Мишкана, и вскоре становится правой рукой начальника канцелярии. После смерти Абу Насра Мишкана его новым начальником стал Абу Сахл Заузани, недоброжелательно относившийся к Байхаки. Дворцовые интриги и политические просчеты Абу-л-Фазла привели к его удалению из государственной канцелярии и даже спустя 20 лет после этого события они все еще давали о себе знать, о чем свидетельствует сам автор. В последующие годы Байхаки уже не привлекался к государственной службе.

Из биографической справки Ибн Фундука трудно узнать, какое название дал автор своему историческому трактату. Ибн Фундук называет его «Тарих-и ал-и Махмуд» («История рода Махмудова»), но это не титул книги. Публикуемая А. К. Арендсом в русском переводе часть труда Абу-л-Фазла Байхаки «Тарих-и Масъуди» («История Масъуда») больше известна среди востоковедов под названием «Тарих-и Байхаки» («История Байхаки»), что, однако, не совсем удачно, так как его часто смешивают с «Тарих-и Байхак» («История округа Байхак»), о которой речь шла выше[1].

Ибн Фундук утверждает, что труд Байхаки составлял 30 томов. Из указанного количества томов уцелел конец пятого, шестого, седьмого, восьмого, девятого и начало десятого, содержащие в себе почти всю историю правления Масъуда, по имени которого и была названа уцелевшая часть томов. Сомнительно, что такое название было дано автором, в чем справедливо сомневается А. К. Арендс[2]. О размерах труда позволяют судить следующие слова автора: «Я пишу историю пятидесяти лет, которая укладывается

---

[1] См.: Абу-л-Фазл Байхаки. История Масъуда (1030-1041). Перевод с персидского. Введение, комментарий и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное.— М. 1969.— С. 41.

[2] Там же.

на нескольких десятках листов»[1]. Речь уже идет не о 80 годах, а только о 50. И в другом месте: «Махмуд Варрак»[2] остановил свое перо в силу того, что я начал (мою «Историю») с этого (четыреста) девятого года» (с. 350).

Таким образом, Байхаки сам дает разъяснение, почему свой труд начал не от Себук-Тегина — родоначальника газневидов, а с 409 г. (1019—1020 гг.), т. е. с 21-го года правления Султана Махмуда, потому, что до него два историка, а именно Абу Наср Мухаммад ал-Утби — придворный историограф Махмуда, довел свою книгу Китоб ал-Ямини («Книга Десницы державы») тоже до событий 409—411 гг. х[3]. А другим был, вероятно, выше упомянутый Махмуд Варрак, написавший историю «нескольких тысячелетий» и остановивший свое перо на 409 г. х., т. к. с этого времени начал писать свою «Историю Абу-л-Фазл. Следовательно, начало написания «Истории Масъуда» автор относит к 10 июля 1056 г., и к апрелю 1059 г. он успел написать, по подсчетам А. К. Арендса, около 11 печатных листов в нынешнем понимании. Однако трудно судить, в каком году он завершил свой труд, хотя еще в 1063 г. он продолжал его писать.

Добросовестность автора по отношению к другим историкам можно подтвердить следующими фактами. В частности он пишет: «в преданиях о халифах дома Аббасова я читал, что...» (с. 513), или «я, Абу-л-Фазл, просмотрел множество книг, особенно преданий, и позаимствовал из них...» (с. 272), или «в исторических книгах говорится...» и т. п. Для нас весьма важным является и то, что автор указывает конкретный источник. Так, приступая к очень интересной главе о Хорезме, он пишет: «За долгое время до этого я видел книгу, написанную рукой устада Абу Райхана, а он был человек, столь сведущий в словесности и понимании сущности вещей... и он ничего не писал наобум. Я говорю столь длинно, чтобы стало ясно, сколько я был осторожен в этой «Истории...» (с. 807). Итак, «повествуя о Хорезме, я признал за лучшее начать с истории дома Маъмунова, по преемственной связи с Абу Райханом, который поведал...» (с. 807).

Весьма важным является и то, что Байхаки дает краткий проспект книги Беруни. Во всех известных списках «Истории Маъсуда» эта книга Беруни, не дошедшая до нас, называется «Машахир

---

[1] См.: Аб-л-Фазл Байхаки. История Масъуда (1030—1041). Перевод с персидского. Введение, комментарий и приложения. А. К. Арендса. Изд. 2-е дополненное.— М. 1969.— С. 277.

[2] Крачковский И. Ю. Ал-Беруни и географы в XI в. на Востоке.— Т. IV.— С. 245.

[3] Сочинение Утби было два раза издано в Индии: Шпренгером в 1847 г. в Дели и Хамид ад-Дином в 1883 г. в Лахоре. В 1286/1869 г. в Каире был опубликован текст истории Утби с комментариями Шейха Манини. В 1858 г. в Тегеране была издана литография персидского перевода Китаб ал-Ямини, исполненного в начале XIII в. Абу Шараф Насиром Джурбадакани. С персидского перевода был сделан английский перевод. Итак, книга Утби названа по титулу султана Махмуда «Десница державы» (См.: «Тарихи Масъуди».— С. 66).

Хваризм» («Знаменитые люди Хорезма»). Известна она и под другими названиями, как «Китаб Тарих айами-с-султан Махмуд ва ахбари абих» («История дней султана Махмуда и предания об отце его»), а также «Китаб ал-мусамара фи ахбар Хваризм» («Беседа относительно известий о Хорезме»).

Все эти названия относятся, безусловно, к одной и той же работе Беруни, не дошедшей до нас. Беруни написал историю Хорезма на арабском языке, и Абу-л-Фазлу Байхаки, владевшему этим языком, очень удобно было пользоваться трудом Беруни, написанным на языке арабов («я видел книгу Беруни задолго до этого...») по памяти. Он пользуется материалами, связанными с событиями периода, непосредственно предшествовавшего завоеваниям султана Махмуда, и самого завоевания, т. е. приблизительно до 1018—1020 гг. Байхаки упоминает о том, что он пользовался известными переводами Ибн Мукаффы (со среднеперсидского языка) книг: «Хватай-намаг» и «Кутуб сийар ал-мулук аджам» («Книга жизнеописаний персидских царей»).

По словам А. К. Арендса, «проследить историю авторского текста «Тарих-и Байхаки» на протяжении всего периода его существования и установить этапы его эволюции в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия необходимых данных». Видимо, недостающие тома исчезли во время монгольского нашествия, гибельно отразившегося на книжных богатствах стран, подвергшихся завоеванию. Интересно отметить, что больше всего фрагментов из не дошедших до нас частей «Истории» Байхаки сохранилось в книге Джавами ал-хикайат Мухаммада Ауфи, писателя, который бежал от монголов из Средней Азии в северо-западную Индию. По сообщению А. К. Арендса, старейшие списки, над которыми приходилось работать историкам и востоковедам в наше время, относятся к XVII в. Востоковед Ч. Рьё датирует принадлежащие Британскому музею рукописи XVI веком. Число известных списков «Тарих-и Байхаки» сравнительно невелико. Часть их хранится в библиотеках разных европейских стран, а также Ирана, Турции, Египта и Индии, часть находится в руках частных владельцев. В нашей стране три списка хранятся в Санкт-Петербурге[1].

Впервые текст «Тарих-и Байхаки» издал английский востоковед В. Морле в 1869 г. в Калькутте. Книга появилась в серии публикаций Азиатского общества Бенгала. Через 25 лет издание текста «Истории Масъуда» было повторено литографским способом в Тегеране. Ее издателем был иранский ученый Адиб Пешавери. С этого момента, и на долгие годы как будто «забыли» о книге Байхаки и лишь только В. В. Бартольд широко использует ее в своем труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

Затем опять о ней забывают, и лишь в 1319/1941 гг. литературоведом и писателем Саидом Нафаси в Тегеране был опубликован

---

[1] Рук. ПНС-125 и ПНС-126. Госбиблиотека им. Салтыкова-Щедрина.— С. 398.

первый том нового издания труда Байхаки, второй том увидел свет лишь в 1325/1947 гг., а заключительный том — в 1332/1954 гг. Хотя, как обещал Санд Нафиси, это издание должно было отличаться лучшим качеством, чем предшествующие, в его основу было положено английское издание Морлея, а в качестве вспомогательных источников использовались два экземпляра издания Пешавари. В это же время, т. е. в 1945 г. профессора Тегеранского университета Гани и Файяз издали текст «Тарих-и Байхаки». Это издание считается наиболее солидным.

За исключением трудов В. В. Бартольда, полный перевод «Тарих-и Байхаки» на европейские языки до 1962 г. не осуществлялся. Поэтому А. К. Арендс в основу перевода «Истории Масъуда» на русский язык положил текст Гани и Файяза, издания 1945 г. Второе издание отличается от первого. Добавлены некоторые сведения во введение, местами уточнен русский перевод, особенно некоторых специальных терминов, и обновлен научный аппарат. В Приложении впервые публикуется русский перевод ряда обнаруженных у других близких ко времени Байхаки авторов фрагментов из утраченных частей Тарих-и Байхаки и другого его сочинения — Макамат-и Ходжа Абу Наср-и Мишкан, имеющих прямое отношение к издаваемому труду[1].

§ 4. МАВЕРАННАХР И ХОРЕЗМ ПОД МОНГОЛЬСКИМ ИГОМ В XIII В.

Монгольское завоевание принесло народам Средней Азии неисчислимые бедствия. Города Мавераннахра превратились в груды развалин, трудовой народ был истреблен и обращен в рабство. Пришли в упадок ремесла и торговля, пришли в запустение поля и долины. К. Маркс подчеркивал, что монгольское иго «не только давило, оно оскорбляло и иссушало душу народа, ставшего его жертвой. Монголы установили режим систематического террора, причем разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами»[2]. По словам Маркса, монгольские завоеватели «обращали людей в скот, а плодородные земли и многолюдные населенные пункты — в пастбища». Например, один из древнейших центров Востока — Самарканд перед монгольским нашествием был большим и цветущим городом. По словам Чан-Чуня, китайского монаха, проехавшего к Чингисхану через Самарканд, вскоре после его разгрома монголами, в городе осталось 25 тыс. семейств — четверть прежнего населения. Следовательно, до нашествия монголов здесь жило 100 тыс. семейств, т. е. свыше 400 тыс. человек. 30 тыс. ремесленников были уведены монгольским войском и розданы своим царевичам.

---

[1] Арендс А. К. Введение ... — С. 64.

[2] Маркс К. Хронологические выписки.— В кн.: «Архив Маркса и Энгельса». — Т. V, VI,— М. 1939.

На рассказ китайского монаха Чан-Чуня из русских востоковедов первым обратил внимание В. В. Бартольд. На страницах журнала «Туркестанское востоковедение» в 1894 г. (№ 43, 44) была опубликована его статья «Туркестанский край в XIII веке (по рассказу китайского путешественника)». Из этой статьи можно узнать о маршруте путешествия: переезд через реки Чу и Талас, Сайрам, переезд через Сырдарью, Голодную степь, которая не была орошена и обработана, переезд через Зерафшан, Самарканд (декабрь 1221— конец апреля 1222 г.), Кеш, переезд через Амударью, лагерь Чингисхана. Во время обратного пути Чан-Чунь следовал за Чингисханом. Бартольд пишет, что «так как с X по XIII в. (до путешествия Чан-Чуня) мы не имели ни одного подробного описания Туркестана, то сведения, сообщенные Чан-Чунем, представляют ценность для изучения страны»[1].

Здесь следует также остановиться на историографическом труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[2]. Это его докторская диссертация. В «Предисловии» отмечается, что заглавие книги не вполне соответствует ее содержанию. Автор избрал предметом своего специального изучения наиболее важный период в истории Средней Азии — период монгольского нашествия; истории мусульманской Средней Азии прежних веков автор предполагал коснуться лишь постольку, поскольку это было бы необходимо для его цели и поскольку ему пришлось бы исправлять и дополнять выводы прежних исследователей. Однако ближайшее ознакомление с литературой по предмету показало автору, что подобных выводов, основанных на изучении первоисточников, не было сделано и что без самостоятельного исследования первоисточников невозможно дать даже приблизительный ответ на вопрос, в каком положении застали монголы Среднюю Азию.

Книга является, по словам автора, первым опытом изложения истории Средней Азии по источникам, особое внимание автор обращает на социальные и бытовые условия. Исследование состоит из введения, четырех глав и приложения. Введение — это историография вопроса, т. е. оно посвящено подробному критическому обзору и оценке источников по истории Средней Азии, начиная с арабских историков и географов и кончая историками Тимуридов. В первой части своей монографии В. В. Бартольд дает выписки и переводы исторических источников XI—XV вв. Наиболее важные из них:

1. Гардизи (XI в.), «Зайн ал-ахбар». В тексте приведены отдельные извлечения из рукописи: восстание Хариса б. Сурейджа; об Амре б. Джемиле, о Тахире б. Абдаллахе, о Якубе б. Лейсе и Амре

---

[1] Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов академика В. В. Бартольда.— М. 1976.— С. 32—41.

[2] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Ч. I. Тексты.— СПб., 1898.— С. 201; Рец.— М. 1903. ч. П. Исследование,— СПб, 1900, VII—575 с; Английское издание в 1928 г., Узбекский перевод в 1931 г. Второе издание на англ. яз. в 1958 г. Третье англ. издание в 1968 г.; Перевод на фарси-кабули главы II (по англ. изданию 1928 г.) в 1965 г.

б. Лейсе; описание смотра войска Амром; о гражданском управлении; о Саманидах и их управлении; об Ахмаде б. Сахле; о действиях Абу Али Чагани; о городах в долине Сурхана; о Симджуридах; о завоевании арабскими эмирами Гурганджа; о столкновении между Махмудом Газневидским и Караханидами; о военных действиях Махмуда в Хорезме; описание свидания Махмуда с Кадырханом Кашкарским и др.

2. «Муджамал ат-таварих ва-л-кисас» неизвестного автора XII в.Бартольд приводит легенду по которой родиной Тюрка, сына Яфета, была местность около Иссык-Куля, а также дает список титулов восточных правителей.

3. Ал-Гарнати (XII в.), «Китаб тухфат ал-албаб ва нухбат ал-аъджаб»: рассказ об открытии ложной могилы халифа Али в окрестностях Балха.

4. Инша (XII в.). Это извлечение документов из фонда учебного отделения восточных языков при МИД Российской империи без заглавий и имен авторов. Для нас, с точки зрения историографии истории народов Средней Азии, важны следующие документы, опубликованные В. В. Бартольдом: послание султана Санджара к среднеазиатским правителям; письмо Атсыза к Санджару; переписка Санджара и Атсыза; письмо хорезмшаха к визиру халифа Муктафи; послание Иль-Арслана к самаркандскому хану; о походах Атсыза из Дженда вглубь Средней Азии; письмо сельджукского правителя к багдадскому визиру; дипломатический документ султана Санджара и др. документы.

5. Ан-Несефи (XII в.), «Китаб ал-канд фи таърих-и Самарканд». Эта книга из рукописного фонда Азиатского музея. Ценнейшая и древнейшая рукопись — как источник по истории древнего Самарканда. Именно в этой рукописи указывается первоначальное расположение г. Самарканда (еще до Афрасиаба) над каналом Навводон (этот канал и поныне существует и свое начало берет от подземного источника в местности Чакар-Тошохур, Дарваза-и Ходжа Ахрор).

6. Ас-Самани (XII в.), «Китаб ал-ансаб». Из фонда Азиатского музея. В этом труде даются сведения о названиях селений Зерафшанской, Кашкадарьинской долин, Самаркандских и Бухарских тюменах, названиях кварталов и улиц в Бухаре и Самарканде, перечень духовных и других лиц.

7. Аль-Исфахани Имад ад-дин (XII в.), «Харидат ал-каср ва джаридат ал-аср». Это один из важнейших историографических трудов XII в., где можно найти подробные сведения о Баракате — авторе книги «Ламъ ат-таварих», доведенной автором до 500/1106—07 гг. Эта рукопись основательно не изучена исследователями.

8. Ал-Катиб ас-Самарканди (XII в.) «Аърад ас-сийаса фи аград ал-рийаса». Рукопись на арабском языке. Бартольд переводит изречение султана Санджара: «... надо держать в повиновении народные массы»; сообщает подробности о восстании Айяр-бека при Кылыч Тамгач-хане и о битве между ним и ханом Голодной степи;

рассказ о действиях хана против убийцы Тамгач-хана Ибрахима и против гузов, разграбивших Хорасан.

9. Ал-Багдади, Мухаммед б. Муъайяд (XII—XIII вв.), «Китаб ат-тавассул ила-тарассул». Содержит документы периода правления хорезмшаха Текеша, относящиеся к 1182—1184 гг. Среди них письмо Текеша, адресованное Гияс ад-дину Гуриду, относящееся к 1183 г.

10. Бекран, Мухаммед б. Неджиб (XIII в.) «Джахан-наме». В. В. Бартольд из этой работы использует материалы об Иссык-Куле, о горных богатствах Мавераннахра, о пустынях Средней Азии, социально-этнографические сведения о кара-китаях.

11. Ауфи (XIII в.), «Джами ал-хикайат ва ламъи ар-ривайат». Из этой работы Бартольд приводит рассказ Шекика (б. бинни) Ибрагима Балхи о его встрече в Средней Азии с буддийским жрецом; о караханидах, особенно о Тамгач-хане Ибрагиме б. Насре; о движении религиозного реформатора Мах-Афарида и подавлении этого движения с помощью Абу-Муслима; о саманидах и их столкновении с симджуридами; об осаде Гурганджа Шихаб ад-дином Гуридом; об уйгурах и других тюркских племенах и др.

12. Бутхане, «Сборник стихотворений». Здесь приводится послание суфия Сайф-ад-дина Бахарзи к министру при дворе Чагатая-Кутб ад-дину Хабаш Амаду (мусульманского вероисповедания). Автор послания очень резко выражает свое неудовольствие по поводу вмешательства светской власти в дела духовенства.

13. Джувайни (XII в.), «Тарих-и джахангиушай». Из коллекции Ханыкова. Из этой историографической работы В. В. Бартольд в своем труде использует сведения о ясе Чингисхана; о государственном устройстве владений Чингисхана. Здесь указываются границы владений сыновей Чингисхана, приводятся данные о борьбе монголов с Кучлуком; отдельные эпизоды борьбы хорезмшаха Мухаммеда с кара-китаями; рассказ о землетрясении в Хорезме в 605/1208—09 гг.; о коварных действиях противников хорезмшаха Мухаммеда в Хорезме и др.

14. Рашид ад-дин (XIII—XIV вв.), «Джамйат-таварих», где имеются некоторые сведения о событиях и главных действующих лицах Чагатайского государства в Средней Азии. Оценка трудов Рашид ад-дина заслуживает особого внимания, в историографии народов Средней Азии этот автор занимает особое место.

15. Джамол ал-Карши (XIII—XIV вв.), «Мулхакат ас-Сурах». Рассказывается о принятии караханидами ислама, прослежена генеалогия кашкарской ветви караханидов, имеются сведения о различных шейхах, уроженцах Алмалыка, о монгольских ханах и их сподвижниках (о Махмуде Ялаваче и его сыне Масъуд-беке); о Кучлуке и др.

16. Хамдаллах ал-Казвини (XIV в.), «Тарих-и Гузида». Автор приводит разговор шейха Абу Саъида Мейхени с Авиценной, сообщает некоторые сведения о шейхах Маджед-ад-дине Багдади, Наджим ад-дине Кубра-и Саъид ад-дине Хамави.

Источники с порядковыми номерами 16—21, использованные В. В. Бартольдом, на наш взгляд, носят частный характер и с точки зрения историографии не имеют существенного значения. Зато следующие из использованных им источников заслуживают особого внимания. В их числе можно указать:

22. «Шаджарат ал-атрак» или «Улус арбаъи Чингизи»— неизвестного автора (приписывается Улугбеку). Здесь излагается поэтический рассказ о том, как Чингисхану было передано известие о смерти его сына Джучи и др.

23. Ал-Исфизари (XV в.), «Китаб Раузат ал-джаннат фи аусаф мадинат Харат». Здесь имеются ценные сведения о гератских ремесленниках, уведенных в плен в Монголию.

24. Ахмед б. Мухаммад Муйъин ал-фукара (XV в.), «Китаб-и Муллазаде». В данной работе можно найти сведения о шейхах и имамах Бухары, некоторые биографические данные о них, генеалогию садров Бухары и др.

Востоковед Бартольд, крупнейший знаток восточных источников, работал вдали от книжных центров мира и собирал буквально все, что ему было доступно, что он мог найти в хранилищах Европы, Востока, России и Средней Азии. Ряд исторических и историко-литературных трудов мыслителей и историков Востока и Средней Азии в то время еще не были обнаружены, а многие из них находились в недоступных хранилищах Европейских стран. Несмотря на все эти обстоятельства труд В. В. Бартольда по источниковедческой базе, которую составили работы мыслителей Востока, имеет исключительно важное значение для становления историографии истории народов Средней Азии.

§ 5. ИСТОРИОГРАФИЯ ТРУДОВ РАШИД-АД ДИНА «ДЖАМИ АТ-ТАВАРИХ» И «ПЕРЕПИСКА»

Жизнь и творчество Рашид ад-Дина, крупного мыслителя, историка и политического деятеля конца XIII— начала XIV в., неразрывно связаны со временем монгольского владычества над странами Ближнего и Среднего Востока. Фазаллах Абул-Хайр Рашид ад-Дин Хамадани родился между 1240 и 1247 гг. в Хамадане. Происходил он из незнатной семьи ученых-табибов. В период правления Абакахана (1265—1282) Рашид ад-Дин поступил на государственную службу и при правлении Газан-хана (1295—1296 гг.) занял должность придворного врача.

Рашид ад-Дин был широкообразованным человеком, знал много языков, разбирался в тонкостях поэзии, хорошо знал исторические труды, основы медицины, математики, астрономии. Особенно он славился знанием богословия. В 1298 г. он был назначен визирем. В отличие от других визирей государства хулагидов Рашид ад-Дин проводил четкую политическую линию как ярый сторонник сильной централизованной власти.

Рашид ад-Дин, находясь 19 лет у власти, оставался верным

традициям своего класса. Он проявил себя как умный, последовательный борец за централизованную государственную власть в феодальном обществе.

Кончил он свою жизнь трагически. Политика централизации «не находила прочной опоры в тенденциях феодального развития общества»[1]. Лишившись поддержки со стороны государя, Рашид ад-Дин в 1317 г. был вынужден уйти в отставку, а через год пал жертвой составленного врагами заговора. Его обвинили в отравлении султана Олджайту и вместе с сыном Ибрагимом, кравчим государя, он был приговорен 18 июля 1318 г. к мучительной казни, а его имущество конфисковано. Построенный им квартал (где жили и трудились преимущественно ремесленники, переплетчики книг, мастера по производству инструментов каллиграфии и письма, изготовители бумаги и пр.) в Тавризе был разгромлен. Лишь случай помог ему избежать смертной казни, и спустя 10 лет Рашид ад-Дин был оправдан, семье его частично возвратили состояние, а его сын Гияс ад-Дин стал визирем и попытался продолжить в политике линию отца. А сам Рашид ад-Дин по приказу хулагида Газана занялся историей. Благодаря своим разносторонним знаниям, он смог создать труд, который сохранил его имя в веках[2].

«Джами ат-таварих» в наше время справедливо считается одним из фундаментальных первоисточников по социально-политической истории и быту монголов-кочевников, власть которых над оседлыми народами многих стран длилась столетиями. Среди персоязычных источников нет другого подобного труда. «В Джами ат-таварих» ярко, на базе богатого фактического материала, отражены различные стороны кочевого быта монголов, с присущими ему обрядами, обычаями и нравами, а также монгольского права и пр. В своде Рашид ад-Дина получило достаточно яркое освещение и положение оседлого населения со свойственным ему хозяйственно-экономическим укладом, а также существовавшие противоречия между двумя формами хозяйства — оседлым и кочевым. В «Джами ат-таварих» «приводятся весьма обширные сведения по экономической, хозяйственной и политической истории стран с преобладающим оседлым населением, оказавшихся под властью кочевых феодалов»[3].

Разбор богатых фактических материалов, содержащихся в книге Рашид ад-Дина, не входит в задачу историографической науки. Поэтому мы констатируем лишь единственный факт — все иссле-

---

[1] Рашид ад-Дин. Переписка. Перевод, введение и комментарий А. И. Фалиной.— М. 1971.— С. 18.

[2] Кроме известного исторического труда «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-дину принадлежит ряд богословских трактатов и своеобразная энциклопедия по естественным наукам и сельскому хозяйству. Указ. работа.— С. 19.

[3] Ализаде А. А. Предисловие на труд «Фазлаллах Рашид ад-дин. Джами ат-таварих».— Т. 1.— Ч. 1. Критический текст А. А. Ромаскевича, А. А. Хетагурова, А. А. Али-Заде. Издание 2-е, стереотипное.— М. 1968.— С. 3-6.

дователи-медиевисты[1] широко использовали «Джами ат-таварих в качестве основного источника.

Первым, кто в историографическом плане глубоко изучил труд Рашид ад-Дина, был русский ученый И. Н. Березин[2]. Востоковед И. Н. Березин посвятил всю свою сознательную жизнь изучению наследия Рашид ад-Дина. Ему принадлежит приоритет в издании персидского текста и перевода (с примечаниями) на русский язык части первого тома «Джами ат-таварих», той части, которая была посвящена истории тюркских и монгольских кочевых племен, включая историю правления Чингисхана.

Однако в то время, когда жил И. Н. Березин, еще не были известны лучшие экземпляры рукописи, такие как ташкентская и стамбульская, поэтому тюрко-монгольские термины, имена собственные, географические названия и другие историко-топонимические термины требовали уточнения. Изданный И. Н. Березиным персидский текст и перевод его на русский язык ныне является библиографической редкостью. Правда, его издание было отнюдь не полным. Поэтому ИВ АН СССР еще в 1936 г. начал подготовку публикации критического текста «Джами ат-таварихи» и его перевод на русский язык. Началась подготовительная работа: текст — 1—39 страниц — был подготовлен проф. А. А. Ромаскевичем, а текст 40—231 станиц — канд. фил. наук Л. А. Хетагуровым и, наконец, текст 232—567 страниц, т. е. до конца книги, был подготовлен замечательным востоковедом, профессором А. А. Али-Заде. I и II части первого тома и критический текст «Джами ат-таварихи», а также весь русский перевод этой книги еще до 1941 г. были предварительно отредактированы проф. А. А. Ромаскевичем.

Сборник летописей Рашид ад-Дина содержит огромное количество фактов, касающихся экономического и социального строя подвластных ильханам стран. В этом отношении ни одно произведение историографии XIII—XIV вв. не может идти в сравнение с ним. На основании фактов, содержащихся в историческом труде Рашид ад-Дина, можно судить о системе землевладения и землепользования в XIII в., о видах налогов и способах их взимания, о всевозможных повинностях крестьян и об общем экономическом положении страны и т. д.

---

[1] Медиевистика (от лат. medium aevum — средние века)— раздел ист. науки, изучающий историю средневековья (V-XVII вв).

[2] См.: Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского, с введением и примечаниями И. Н. Березина.— СПб. 1858,—«Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества». Т. V; (то же), персидский текст, с предисловием и примечаниями Березина И. Н.— СПб. 1961,— ТВОРАО, ч. VII; История Чингисхана до восшествия его на престол. Персидский текст с предисловием и примечаниями И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина,— СПб. 1868,— ТВОРАО, ч. XIII; История Чингисхана от восшествия его на престол до кончины. Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский перевод с примечаниями И. Н. Березина.— СПб. 1888.— ТВОРАО, VXV.

Сборник летописей Рашид ад-Дина, представляющий, по выражению В. В. Бартольда, «последнее слово» средневековой персидской историографии уже около полутораста лет привлекает внимание исследователей и вокруг этого памятника существует обширная литература. Изучением и изданием «Сборника летописей» и сегодня широко занимаются во всем мире»[1].

Наряду со «Сборником летописей» интереснейшим источником по истории стран Ближнего, Среднего Востока и Средней Азии XIII — начала XIV в. является переписка Рашид ад-Дина. Историография этого памятника значительно менее известна, чем все связанное с его капитальным историческим трудом. Дело в том, что его «Переписка» стала китобатом (переписка была собрана в один сборник) после смерти автора, между 1327 и 1336 гг. благодаря стараниям его сына Гияс ас-Дина Мухаммада Рашида. По поручению визира, бывший ученик Рашид ад-Дина Мухаммад Абаркухи стал заниматься составлением этого сборника. Письма Рашид ад-Дина получили широкое распространение на Востоке. Как свидетельствуют коллекции Э. Брауна, они переписывались как на грани XIV-XV вв., так и в последующие века. Они жили особой жизнью. Как свидетельствует известный советский историк И. П. Петрушевский, «Переписка» перекликается со «Сборником летописей», хотя ее форма повторяет обычные для деловых документов того времени формулы[2].

Для истории «Переписки» весьма важно подчеркнуть, что в конце XV в. она была известна при дворе тимуридов и поэтому ряд писем Рашид ад-Дина был включен Сайф ад-Дин ходжой ибн Низамом ал-Аъкили в его историографический труд «Асар ал-вузара», посвященный наиболее известным визирам всех времен. Этот труд был написан в 1473 г. для А. Навои — визира султана Хусейна Байкары.

В Европе о существовании «Переписки» Рашид ад-Дина стало известно в начале XIX в.; французский дипломат и востоковед Ж.-Л.Руссо (1780—1831 гг.), работавший французским генеральным консулом в Багдаде, затем в Алеппо и Триполи, вывез из Алеппо восточные рукописи и опубликовал их каталог в Париже в 1817 г. Спустя два года, т. е. в 1819 г. АН России приобрела эту коллекцию и подарила ее вновь организованному Азиатскому му-

---

[1] Начиная с 1940 г. отдельные тома «Джами ат-таварих» и его переводы были изданы в Лондоне, Париже, Москве и Ленинграде, в Лейдене, Праге, Тегеране, Исфагане, Стамбуле, Баку и, наконец, опять в Москве и Ленинграде. См.: Об изучении Рашид ад-Дина в СССР.— М. 1960,—«XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР».

[2] В свое время эта мысль была высказана И. П. Петрушевским в его статье «К вопросу о подлинности переписки Рашид ад-Дина» (с. 130) и затем повторена в его книге «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV вв». (с. 20). Публикация полного текста предисловия Мухаммада Абаркухи на страницах журнала «Даниш» подтверждает также и другое предложение И. П. Петрушевского о том, что письма Рашид ад-Дина были собраны во время визита Гияс ад-Дина по стране. См.: Переписка.— С. 21.

зею. Так называемая «Первая коллекция Руссо» содержала около 500 арабских, персидских и турецких рукописей, среди них также находилась «Переписка» Рашид ад-Дина (см.: «Муншаат-и Рашиди», рукопись бывшего Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР за № В-938 (из коллекции Руссо).

Хотя о «Переписке» много писали как в XIX, так и в XX вв., однако она почему-то не привлекла внимания И. Н. Березина, Э. Блоше и даже В. В. Бартольда. Спустя сто лет, т. е. в начале 1917 г. английский дипломат-востоковед А. Хоутум-Шиндлер приобрел на Востоке два новых экземпляра рукописей «Переписки», и в том же году передал их востоковеду Эдварду Брауну, который моментально, т. е. в октябре 1917 г. опубликовал ее описание. Эта публикация принесла «Переписке» всемирную известность.

Э. Браун считает, что принадлежащие ему рукописи являются уникальными. В 1920 г. он опубликовал книгу по истории персидской литературы времен монгольского нашествия, где были подробно описаны все 53 письма Рашид-ад-Дина. В последствии Э. Браун воспользовался не столько самой рукописью, сколько изречениями из нее, сделанными на сей раз индийским востоковедом Мухаммадом Шафи, жившим в то время в Кембридже. Хотя в те же годы М. Шафи подготовил в основном переводы «Переписки» Рашид ад-Дина, однако она не увидела света, и, как свидетельствует А. И. Фалина, эта рукопись не издана и до настоящего времени.

Следующим этапом в истории изучения «Переписки» Рашид ад-Дина является публикация нескольких его писем иранским филологом Вахидом Дастгари в середине 20-х годов на страницах издаваемого им журнала «Армаган». В этом журнале были опубликованы 5 больших писем Рашид ад-Дина, в основу которых легли две сохранившиеся в Иране рукописи. А в начале 30-х годов иранский востоковед опубликовал свой капитальный труд «Тарих-и муфассал-и Ирон» («Подробная история Ирана»), где высоко оценил историческое значение этого источника.

В 1940 г. была опубликована новая, правда небольшая, статья выщеупомянутого М. Шафи, где автор вновь говорит о ценности писем и разбирает письма Рашид ад-Дина, относящиеся к Индии. В 40-е годы появились одна за другой статьи А. А. Али-Заде, И. П. Петрушевского, направленные против довода английского ираниста Р. Леви, который в 1946 г. без основания объявил, что «Переписка» Рашид ад-Дина является индийской подделкой XV. в. Точка в этом споре была поставлена после издания главой Востоковедческого колледжа в Лахоре М. Шафи в 1947 г. текста этого исторического памятника. М. Шафи снабдил «Переписку» многочисленными примечаниями.

Почти одновременно с изданием М. Шафи в 1948 г. в Тебризе был опубликован полный текст письма № 17 и с некоторыми сокращениями текст письма № 18, посвященного Руб-и Рашиди — т. е. кварталу, выстроенному Рашид ад-Дином в Тебризе. Автором

этой публикации был Хусайн Нахджувани[1]. Эта публикация основана на рукописи из личной библиотеки известного тебризского библиофила Мухаммада Нахджувани[2]. Автору статьи неизвестно лахорское издание «Переписки», однако опубликованные тексты совпадают. В ряде случаев они повторяют разночтения между лахорским изданием М. Шафи и нашей ленинградской рукописью. Пропуски, существующие в издании М. Шафи, были дополнены в 1950 г. в результате публикации отрывка из «Переписки» Рашид ад-Дина на страницах журнала «Дониш».

60-е годы нашего столетия явились наиболее плодотворным периодом в развитии историографии «Переписки» Рашид ад-Дина в мировой иранистике. В 1956 г. появилась книга А. А. Али-Заде, статьи И. П. Петрушевского о сельском хозяйстве Ирана XIII—XIV вв., труды А. И. Фалиной и Р. К. Кикнадзе. Известный издатель «Сборника летописей» Рашид ад-Дина профессор Карл Ян в 1963 г., американский востоковед Х. Шурман в 1953 г. и др. в своих трудах широко привлекали материалы «Переписки» в части налоговой терминологии монгольского периода о положении земледельцев и крестьян средневекового Ирана и Средней Азии.

Итак, в настоящее время в мировом востоковедении имеются упоминания о 13 рукописях «Переписки» Рашид ад-Дина. Из них в той или иной мере описаны и датированы восемь[3].

Следует особо подчеркнуть, что эпоха монгольского владычества о Средней Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и в сопредельных странах очень богата источниками и их историографией. В этот период было создано много крупных исторических сочинений. Имена Вардана, Киракоса, Насави, Джузджани, Джуйвани, Ибн ал-Асира, Хамдаллаха Казвини, Вассафе — широко известны. Почти все они не только очевидцы, но и непосредственные участники описываемых событий, а потому их можно рассматривать как сочинения документальные.

Очень важной для современного исследователя является возможность сопоставить официальную историографию, создававшуюся при дворах монгольских правителей, с историографией покоренных монголами народов Средней Азии, Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь, с сочинениями среднеазиатских, армянских, арабских, сирийских историков, возможность привлечь памятники историографии, а также свидетельства европейских путешественников и послов. Каждый из этих источников сам по себе представляет большой исторический интерес, а «Джамъ ат-таварих» и «Переписка» Рашид ад-Дина по праву занимают среди них одно из первых мест. Рашид ад-Дин — врач, ботаник, историк, богослов и поэт сочетал в себе и черты государственного деятеля и политика. Выполняя повеление Газал-хана, он писал свой

---

[1] Нахджувани Х. Рубъи Рашиди. Журнал Тебризского университета по литературе, № 2-7, 1327 г. хиджры.— С. 26-39.

[2] Там же.— С. 28.

[3] См.: Рашид ад-Дин. Переписка.— М. 1971.— С. 33.

«Сборник летописей» как историк, а в «Переписке» Рашид ад-Дин уже всемогущий визир. Собранная здесь получастная, полуофициальная переписка говорит сама за себя. Из писем можно узнать, то, чего нельзя найти ни в одном официальном документе того времени. Разные по жанру тем не менее эти работы перекликаются друг с другом. «Переписка» позволяет дополнить и уточнить другие источники, раскрыть те явления социально-экономической жизни, которые лишь в самых общих чертах описаны в исторических сочинениях того времени.

ГЛАВА 4. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОСТА И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В МАВЕРАННАХРЕ В XIV—XV ВВ.

§ 1. СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ТИМУРЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

После смерти Чингисхана наибольшим авторитетом пользовался Чагатай, как старший из оставшихся в живых сыновей и как признанный знаток монгольского племенного права (Ясса). «В Ясее есть упоминание о высшем сословии, тарханах, которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз. Этот вид феодальных прав возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни»[1].

После появления ряда трудов, посвященных Чингисхану и его империи, можно считать окончательно опровергнутым прежний взгляд на монгольское завоевание как на беспорядочное, стихийное движение дикарей, подавлявших своей численностью и умевших только уничтожать непонятную им культуру. Жизнь кочевников, несмотря на всю ее несложность, существенно отличалась от первобытной жизни варваров. В степи существовали глубокие противоречия между различными социальными слоями и группами, между богатыми и бедными с вытекающей отсюда антагонистической борьбой. Существовала потребность защищать свое имущество, главным образом свои стада от внешних врагов, имела место и вооруженная борьба за пастбища, позволяющая иногда захватить большие регионы, происходили кризисы, заставлявшие народ организовать свои силы и объединиться вокруг одного лица или одного рода.

Для успешного функционирования такого государства необходимо, чтобы его правитель располагал грозной, тщательно организованной силой. В завоеванной стране кочевники, особенно правящая династия и близкая к ней знать, постепенно подчиняются

[1] Архив Маркса и Энгельса.— Т. V.— С. 220.

влиянию более высокой, культуры; но то, что они принесли с собой, исчезает не сразу и не бесследно. Завоеватели стараются соединить свободу кочевой жизни с благами культуры своих подданных; «государственная система, возникшая на прежней родине завоевателей, хотя и не без влияния представителей культуры, находит в завоеванной стране более благоприятные условия для своего развития, успешно выдерживает соперничество с политическими идеалами, существовавшими в той стране раньше, и оставляет в чужой стране более прочный след, чем на своей родине. Монгольская государственность привела к установлению более устойчивого политического порядка в Китае, в мусульманской Азии и в России, не оказав в этом отношении почти никакого влияния на историю самой Монголии»[1].

Монгольская империя выделяется среди прочих кочевых государств не только своими размерами, но и продолжительностью своего существования. Известный русский тюрколог В. В. Радлов объясняет это довольно верно тем, что к монгольскому государству «были присоединены многие значительные государства оседлых народов, и что оно распалось не на отдельные колена, которые его образовали, а на ряд культурных государств (Китай, Средняя Азия, Персия и т. д.)»[2].

О государствах Мавераннахра Семиречья и Восточного Туркестана под эгидой Чагатая и Чагатаидов (1227—1370 гг.) уже говорилось выше. Чагатай был последовательным противником ислама и настаивал на исполнении как раз тех предписаний Яссы, которые противоречили мусульманским установлениям (Шариата), например, относительно убиения животных для пищи и омовения в проточной воде и др.[3].

Удел (юрт) Чагатая по существу был основан после его смерти, его внуком Алугуем, который закрепил за собой Хорезм, Западный Туркестан и Афганистан. Муборак-шах (664/1266) первым из чагатаидов открыто принял ислам. Однако пришедший к власти в 690/1291 г. Дува и его потомки были чистыми язычниками, их владения находились большей частью на востоке, по обе стороны Тянь-Шаня. Спустя 20 лет, т. е. в 1309 г. первым в Мавераннахр вернулся Кебек (Копек), он построил себе дворец недалеко от Несефа (Карши).

Огромное значение в жизни Мавераннахра имела административная реформа, проведенная Кебеком. Из описаний ибн-Арабшаха становится ясно, что в начале политической карьеры Тимура Самарканд со всеми рустаками образовывал семь туменов; в Фергане было девять туменов. Видимо, под туменом нужно по-

---

[1] Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч.— т. II.— Часть 2.— М. 1964.— С. 27-28.

[2] Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию «Кутадгу билига»).— СПб. 1893 (прилож. к ЗИАН, т. XXII).— С. VI— С. 75.

[3] Босворт К. Э. Мусульманские династии.— М. 1971.— С. 197-198.

нимать территорию с таким количеством населения, которое может выставить тумен, т. е. 10 тысяч человек (войска, ополчения)[1].

Кебеком были проведены и другие социально-экономические реформы. Последним Чингизидом в Мавераннахрской части Чагатайского улуса был Казанхан (744/1343 г.). В 1358 г. он был убит на охоте по прямому наущению монгольского хана Токлуг-Тимура одним из его нойонов. В убийстве Казанхана принимал участие также житель Хутталяна из рода Кейхусрау[2].

После смерти Казанхана в Мавераннахре не было сильного правителя. По словам Низам ад-Дина Шами (автора «Зафарнамэ»), в Мавераннахре в 50-х годах XIV в. было несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали друг с другом. Шахрисябз (Кеш) с областью подчинялся Ходжи-Барласу. Ходжентом с его вилайетом владел Баязед, глава джалаиров. Балх и часть его вилайета находились в руках внука Казанхана, эмира Хусейна. Родство с Казанханом давало Хусейну надежду поднять свой политический авторитет. Другие области Средней Азии также были разделены на удельные владения. Низам ад-дин Шами подробно перечисляет все эти владения, замечает, что каждый из владетелей, даже если он обладал незначительными военными силами, старался держаться высокомерно и независимо, поэтому по всей стране шли раздоры и смуты. От них в первую очередь страдало крестьянство и ремесленники.

С каждым годом положение Мавераннахра ухудшалось. В конце 50-х годов XIV в. Чагатайское государство распалось примерно на полтора десятка владений, которые составляли две четко выраженные части. Поэтому более правильным, нам кажется, утверждение Бартольда, что деление на тумены было связано с назначением уделов представителям родов, пришедших в Мавераннахр с ханом. Например, арлаты поселились в северной части Афганистана, каучины — в южном Таджикистане, джалаиры — у Ходжента, барласы — в долине Кашкадарьи и т. д. Все они составляли первую часть Чагатайского государства. А вторая часть — северо-восточные области, которые, выделившись, получили название Моголистан.

Среди историков истории народов Узбекистана бытует мнение, что «в официальных источниках о детстве и молодости Тимура сведений не имеется»[3], на наш взгляд, это не совсем верно. Ибо в рукописных книгохранилищах хранится книга неизвестного автора под названием «Тимурнаме», где содержатся довольно обширные сведения о племени барласов и его предводителе Ходже

---

[1] История народов Узбекистана.— Т. I.— Ташкент, 1950.— С. 339.

[2] Кейхусрау — старинный таджикский род, населяющий нынешнюю территорию Бадахшана и Термеза.

[3] История народов Узбекистана.— Т. I. Ташкент, 1950.— С. 345.

Барласе, о детстве и молодости Тимура и о его первых шагах на пути к власти[1].

Чагатаиды, начиная с правления Кебекхана, принимая ислам (1309 г.), постепенно концентрировали вокруг себя представителей духовенства и купцов, проводили политику централизации ханской власти. Но такие централизаторские стремления встречали отчаянное сопротивление монгольских и тюркских вождей племен и родов. Поэтому в первой половине XIV в. борьба между ханами и родовой, преимущественно тюркской и отюреченной аристократией Средней Азии, чрезвычайно усилилась.

В середине XIV в. на политическую арену Мавераннахра вступает сын барласского бека Тимур. Он родился в 1336 г. в селении Ходжа Илгар, около города Кеш[2]. Его отец Тарагай был из племени барласов. Тимур возвысился как начальник конных отрядов на службе у разных князей. С 1360 г. в течение 10 лет Тимур выступал на стороне то одних, то других феодальных владетелей и одновременно объединял вокруг себя племя барласов.

В 1361 г. Тимур перешел на сторону Туглук-Тимура, за что был назначен правителем Шахрисябза и Карши. Но Тимур пошел и на союз с правителем Балха — эмиром Хусейном — врагом Туглук-Тимура. Они подняли восстание против монголов, но после поражения на время вынуждены были оставить Среднюю Азию и бежать в Систан. В Систане во время одной из своих военных авантюр Тимур был ранен в правую руку и правую ногу. После этого на всю жизнь он остался хромым и носил прозвище «Тимури-ланг» (хромой Тимур). Создатель будущего огромного государства, Тимур начал беком Шахрисябза и Карши в 1360 г., но уже в 1370 г., т. е. за 10 лет он стал правителем всего Мавераннахра.

Из сообщения Ибн-Арабшаха можно сделать вывод, что Тарагай — отец Тимура был благочестивым мусульманином, другом ученых и дервишей и особенно шейха Шемса ад-дина Кулара (Куляла), как он назван в «Зафарнаме», или же Шамс ад-дином Фахури по Ибн Арабшаху[3]. Прах этого духовного лица похоронен или же перенесен в Мавзолей Гур-Эмир (неизвестно когда и по чьему повелению) и ныне находится там.

В 1370 г., в разгар борьбы с Хусейном, Тимур приобрел нового духовного союзника и покровителя Саида Барака. Саид до конца жизни был союзником и духовным отцом Тимура и получил в удел город Андхой, остававшийся и в XV в. под властью его наследников. Саид Барака принимал активнейшее участие в коронации Тимура. При этой церемонии присутствовали саиды уделов Мавераннахра. В их числе можно указать термезских саидов братьев Абу-л Мали и Али-Акбара, самаркандского шейха Факих Абу Лайса. Но уже в 1371 г. шейх Факих Абу Лайс и термезский саид

---

[1] См. Тимурнаме. Из собраний восточных рукописей научной библиотеки СамГУ им. А. Навои.

[2] Селение Ходжа Илгар и ныне существует и находится в 13 км. от современного г. Шахрисябза.

[3] См.: Бартольд В. В. Указ. соч.— С. 40.

Абу-л Маъли совместно с другими эмирами приняли участие в заговоре против Тимура.

Тимур прекрасно знал, что без крепкой поддержки мусульманского духовенства ему не быть правителем «мира». Поэтому он отнесся к заговорщикам очень снисходительно, шейх был отпущен в Мекку, Саид изгнан из государства, но очевидно, скоро прощен, так как он принимал участие в походе на Хорезм. После Саида Барака и термезских Худованд-заде (саидов) наиболее влиятельными были самаркандские шейх ал-Ислам ходжа Абду ал-Аввал и его двоюродный племянник ходжа Исам ад-дин, кешский ходжа Афзаль и сыновья кешского шейха ал-Ислама Абд ал-Хамид и Абд ар-Рахман, самаркандский шейх ал-ислам ал-Мелик (двоюродный брат и предшественник Абд ал-Авваля).

По словам Ибн Арабшаха, Тимур считал подвижника Зайн ад-дина Абу Бакра Тайобади (из селения Тайобад близ Хорасана — глава духовенства Хорасана, 1381 г.) одним из трех своих покровителей (двое других Шемсад-дин Кулал и Саид Барака), которым он был обязан своими успехами[1].

В. В. Бартольд прав, когда подчеркивает следующее: «Историки, писавшие при Шахрухе, когда шариат получил преимущество перед законами Чингисхана, естественно, были склонны преувеличивать благочестие Тимура. Несомненно, Тимур был покровителем улемов, беседовал с ними, как равный с равными, и относился с особенным уважением к потомкам пророка. Кроме потомков самого Тимура, сейиды[2] были в его государстве, может быть, единственными людьми, жизнь которых считалась неприкосновенной. Хафиз-и Абру, кроме того, сообщает, что Тимур заботился об укреплении веры и шариата, что в его время «никто не смел заниматься философией и логикой», что он никогда не вмешивался в денежные дела вакфов[3]. Далее В. В. Бартольд пишет, что Тимур лучше всего знал историю. Эти слова Бартольда опираются на содержание беседы историка Ибн-Халдуна с Тимуром.

Дело в том, что лишь в конце XIV в. арабский историк Ибн-Халдун (1332—1406) сделал первую и единственную в мусульманском мире попытку перейти от повествования в истории к прагматическому изложению событий в их причинной связи и установить законы развития всемирной истории. Им была сделана попытка доказать диалектику связей природы и истории человечества. Поэтому в критике источников Ибн-Халдун исходит из следующего основного положения: история человеческого обще-

---

[1] Ибн Араб Шох. Китаб-и ажоиб ал-Муктаду фи ажбори Тимур таълифи Шахоб Ал-дин Ахмад бинни Мухаммад бинни Абдулло-и Дамашки ал-Ансори ал Маъруф бо бинни Араб Шох. Ал-копра, 1280 (1858-69 гг). Изд. 9.— См.: Б. В. Бартольд. Указ. соч.— С. 572.

[2] Сейиды —(*араб.*— господин), почетный титул мусульман, возводящих свою родословную к Мухаммеду (у шиитов и к Али). В домусульманской Аравии представители племенной аристократии. См.: СЭС.— М. 1987.— С. 1187.

[3] Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч.— Т. II.— Ч. 2.— М. 1964.— С. 45-46.

ства так же, как и жизнь природы, подчинена всеобщим основным законам, проявление этих законов в исторической жизни народов служит основным критерием исторической истины.

Теория Ибн-Халдуна в течение 200 лет является предметом оживленной дискуссии в востоковедении, истории и истории философии [1].

Ряд авторов, в том числе и некоторые известные западные востоковеды, вольно или невольно искажая основные идеи труда Ибн-Халдуна, пытаются представить выдающегося арабского мыслителя идейным предшественником наиболее реакционных социологических теорий XIV—XX вв., апологетом ортодоксального фанатизма или крайнего мистицизма.

Прогрессивные учения европейских, но особенно арабских стран, опираясь на объективное содержание труда Ибн-Халдуна, отмечают независимость его теории от религиозных идей, наличие в ней ряда материалистических моментов, особо подчеркивают мысли Ибн-Халдуна о закономерности исторического развития.

Историко-социологическая теория Ибн-Халдуна изложена в его труде «О природе общественной жизни людей». Этот труд принято называть «Введение» («Мукаддима»). Здесь Ибн-Халдун пишет об обязанности историка: историк «должен быть знаком с основами политики и должен знать подлинный характер всего происходящего, различия, существующие в нравах, характере, быте, идеологии и прочих явлениях социальной жизни разных народов, стран и эпох... Он должен уметь сравнивать прошлое с настоящим, устанавливать пункты их сходства и расхождения, находить причины этих сходств и различий, он должен знать происхождение государств и религии. Одним словом, должен знать причины, объяснять все происходящее в обществе».

Логически оформляя мысль о предмете истории как науки, Ибн-Халдун выделяет историю человеческого общества, политические и естественные науки. Ибн-Халдун был уверен, что, предприняв попытку установить законы развития человеческого общества, он создал «новую науку». В действительности он указал лишь путь, который мог бы привести к знанию основ этих наук и дальнейшему их развитию. Рекомендациями Ибн-Халдуна не воспользовались ни его современники, ни его последователи — мусульманские историки. Исторические источники позволяют лучше понять сложнейшую роль Тимура в истории Востока. Из них можно, например, узнать, что, оставаясь неграмотным, Тимур кроме своего родного тюркского языка владел персидским, на котором беседовал с учеными, учредил при своем дворе должность «чтеца

---

[1] Левин В. И. Ибн-Халдун — арабский социолог XIV в. «Новый вестник». — М. 1926, № 12.— С. 241-263; Беляев Е. Историко-социологическая теория Ибн-Халдуна. Историк-марксист.— М. 1940, № 4-5.— С. 78-84; Бациева С. М. Историко-философские учения Ибн-Халдуна. Советское востоковедение.— М. 1958, № 1.— С. 75-86.; Бациева С. М. Об экономических взглядах Ибн-Халдуна. Краткие сообщения Института народов Азии.— М. 1961, № 47— С. 5-10.

рассказов» («кисса-хан») и будучи очень способным слушателем мог удивить своими познаниями в истории даже историка Ибн-Халдуна.

В. В. Бартольд дает следующую характеристику Тимуру: он увлекался игрой в шахматы и достиг в ней редкого искусства; прекрасно знал основы вероучения ислама, мог следить за религиозными прениями и принимать в них участие. Все это способствовало его военным успехам. Своими познаниями в истории он пользовался для воодушевления своих воинов примерами из прошлого, религиозными доводами оправдывались избиения и грабежи, производившиеся им в покоренных областях и, конечно, доставлявшие его войску гораздо большее количество добычи, чем это было возможно при ином способе ведения войны. Поэтому огромная военная сила слепо была предана ему. Сложнее было отношение Тимура к покоренному культурному населению.

Господство Тимура создавалось и поддерживалось крайне жестокими средствами. К ним относится сооружение башни из 2 тысяч живых людей и приказ обезглавить 70 тыс. мирного населения в Исфагане, закопать живыми 4 тыс. пленных воинов после взятия Сиваса. В Индии в 1398 г. по приказу Тимура было убито 100 тыс. пленных. В 1401 г. после подавления восстания в Багдаде он приказал обезглавить 90 тыс. человек и из их голов соорудить 120 пирамид и т. д., «... политика Тимура,— пишет К. Маркс,— заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас...»[1].

Перед таким утонченным зверством мусульманского завоевателя,— писал В. В. Бартольд,— бледнеют все массовые избиения, совершенные в мусульманских странах по приказанию язычника Чингисхана. Тем не менее Тимур и для культурного населения его империи не был только чуждым завоевателем. Тимур был в одно и то же время беспощадным разрушителем и ревностным строителем; им воздвигались величественные постройки с великолепными садами (только в Самарканде их было более 20), восстанавливались города и сады, селения, дороги, сооружались оросительные системы; по свидетельству Шараф ад-дина Йазди, он не допускал, чтобы пропадали даром участки земли, где можно было что-нибудь выращивать. Созидательная деятельность его столь же поражала воображение, как и разрушительная. С именем Тимура связано создание величественных архитектурных памятников Средней Азии.

Дворцы Тимура не были укрепленными замками, крепостями, не доступными для населения. Кук-сарай (34 га) в Самаркандской цитадели (Теппа-Курган) служил казнохранилищем и государственной тюрьмой. А сады вокруг Самарканда (за исключением садов «Пяндж»—«Султания» и «Дилькушо», бывших личной рези-

[1] Архив Маркса и Энгельса.— Т. VI.— С. 185.

денцией Тимура) служили в отсутствие государя местом прогулок и отдыха жителей Самарканда и окрестностей, богатых и бедных. Самым грандиозным садом был окружен дворец Тахта-Карача (остатки его стен существуют до сих пор), давший свое имя перевалу между Самаркандом и Шахрисябзом. Этот дворец был построен в 1398 г. По указанию Тимура проводились большие оросительные работы не только в Мавераннахре, но и в покоренных странах.

В первые годы своего правления Тимур еще колебался в выборе столицы для своего государства. С 70-х годов XIV в. Самарканд становится политическим центром и здесь начинается бурное строительство. Город превращается в торгово-экономический ремесленно-производственный научно-литературный центр Востока. Лишь малая доля созданных при Тимуре и тимуридах сооружений сохранилась до наших дней. Многие исчезли, не выдержав испытания временем, многие были уничтожены, руины некоторых еще можно видеть.

Так, например, в черте Самаркандской крепости — Каълы (Теппа-Курган) в 1371/72 гг. был возведен мавзолей почитавшегося тогда суфия Нуриддин-Басира Кутби Чахор-дахум. Этот памятник прекрасно сохранился до мая 1868 г. После взятия Самарканда царской армией по приказу Кауфмана в июле того же года этот памятник был взорван и снесен с лица земли. От этого архитектурного шедевра XIV в. остался лишь старинный чертеж — обмер и топография, сделанные художником В. В. Верещагиным. Этот старинный обмер и топография были обнародованы лишь в 1915 г., но и тогда об этом узнали лишь в небольшом кругу русской туркестанской интеллигенции.

По чертежам и размерам можно судить, что мавзолей Кибла-и Чахор-дахум представлял собой здание кубовидного основного объема с переходом в восьмигранник, которое венчал цилиндрический барабан и тяжеловесный стрельчатый купол. Декоративное оформление его было представлено геометрическими и эпиграфическими выкладками из глазурованных кирпичей, мозаичной надписью на фризе и голубыми облицовками на купольной скуфье.

Можно привести и другой пример. Все знают, что медресе Улугбека имеет 3 минарета вместо 4-х. От разрушения и гибели они были сохранены лишь при советской власти. Но мало кто знает, что один из минаретов, а именно, тот, что находился при выезде из нынешней улицы Регистанской у южного портала медресе был также разрушен по приказу Кауфана выстрелом из пушек крепости Каъла-и-тепа в мае 1868 г. во время подавления восстания (в медресе находился штаб повстанцев) народных масс Самарканда, начавшегося еще в апреле против эмира Музаффара, а затем продолжавшегося уже против царской администрации. Некоторые из уничтоженных (и даже при советской власти) памятников можно было спасти, как свидетельства эпохи, величия замыслов их творцов и строителей.

Из сообщений историков, писателей и поэтов XV-XIV вв. по фактам, приводимым в дипломатической переписке и в дневниках иностранных послов, посетивших Среднюю Азию, дипломатическим материалом и археологическим находкам можно установить уровень производства, культуры и науки того времени.

Особое место среди источников начала XVI в. занимает «Михман-наме-йи Бухара» («Книга бухарского гостя») Фазл-аллаха ибн Рузбехана, известного под именем Ходжа Маулана Исфахани. Автор сообщает о развитии хлопководства и производства хлопчатобумажных и шелковых тканей и подчеркивает, что Самарканд специализируется по производству и выделке отдельных тканей из хлопка и шелка (алачи, корбаса-ситца, дока-марме, парчи-атласа, карвоса, чусупчи и бархата различных сортов, цветов и оттенков).

Автор ее суннит, выходец из Ирана, бежавший оттуда из-за преследований шиитов к узбекам в Среднюю Азию. Нашел приют у шейбанидов и по поручению своего правителя составил этот труд. Приводимые в нем сведения о походе Шейбанихана против казахов, разрешении вопроса о земельных фондах покоренного Мавераннахра и юридических моментах этого вопроса не встречаются в других источниках[1].

Известный историк-мемуарист Зайниддин Васифи, повествуя о событиях конца XV в., сообщает, что Абдурахман Джами очень любил и с удовольствием одевался в одежды только из самаркандских тканей. А его биограф Абдулваси писал, что Джами хотя одевался скромно и просто, все-таки ежегодно тратил по 100 тыс. кебекских динаров.

В письменных документах и архивных источниках можно почерпнуть данные не только о расцвете ремесел, но и имена мастеров-ремесленников, строителей, мухандисов и архитекторов. Так, например, в коллекции Государственного Эрмитажа до 1989 г. находились огромный бронзовый котел и светильник с именем Тимура. Бронзовый котел, дар Тимура, возвращен в г. Туркестан и установлен под куполом главного зала Мавзолея средневекового поэта и мыслителя Ходжи Ахмада Ясави — крупнейшего в Средней Азии и Казахстане архитектурного комплекса, построенного по приказу Тимура в 1389 г.

Двухтонный туй-казан (свадебный котел) — ритуальный котел изготовлен около шести веков назад из сплава семи благородных металлов, украшен вязью арабских слов из Корана и изящным орнаментом, верхний диаметр этого туй-казана составляет два с половиной метра. В нем можно готовить плов на 1000 едоков[2].

Ценным историческим свидетельством является и светильник. У основания светильника имеется имя мастера: Изза-дин ибн-Тад-

---

[1] См. об этом более подробно: Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве. Ташкент, 1966.— С. 12-13.

[2] См.: Газета «Известия», 1989 г. 28 октября. № 301.

жиддин Исфахани (1397 г.). Историк Ибн Арабшах и испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо упоминают о золотых и серебряных люстрах, установленных в Гур-Эмире, изготавливаемых самаркандскими мастерами.

Перечисляя просвещенных людей Самарканда, Васифи называет мавлоно Мухаммеда — стеклодува, Хасана Сангтароша — камнетеса. В документах XV в. упоминаются такие названия улиц: Сангтарошон (камнетесов), Шишасозон (стекольщиков), Сузангарон (игольщиков), Заргарон (ювелиров) и др.

В годы правления Тимура ремесленное население Самарканда пополнялось за счет мастеров, вывезенных из завоеванных стран. Завоевывая города, Тимур уводил с собой мастеров и расселял их в городах Мавераннахра, главным образом в Самарканде. Из завоеванных стран по приказу Тимура в Самарканд направлялись стройматериалы и ремесленные атрибуты и даже разобранные строительные материалы из дворца и крепостей.

Подобные сведения можно найти у Низам ад-Динна Шоми, автора «Зафарнаме», изгнанного из империи Тимура после неудавшегося государственного переворота 1371 г. За участие в заговоре против Тимура в 1371 г. Низам ад-Дин Шами был выдворен из империи и в течении 30 лет скитался по странам Востока, затем переселился в Прагу и там завершил свой труд «Зафарнаме». Автор сообщает, что ониксовый дворец (дворец из белого мрамора) в 1480 г. был разобран по приказу Шахруха и перевезен в Гират, а затем по приказу Тимура в 1401 г. из Гирата был отправлен в Самарканд. Остатки ониксового дворца и поныне украшают внутреннюю часть главного купола Мавзолея Гур-Эмир и решетчатое ограждение верхней части усыпальницы ониксового дворца.

По Шарафуддину Али Йазди, Тимур приказал вывезти в Самарканд всех, кто мог быть полезным в развитии ремесла, архитектуры, науки и т. д. «Особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам»,— писал Клавихо. По сообщению А. Ю. Якубовского, Тимур в принудительном порядке переселяет ремесленников из Золотой Орды, Хорасана, Азербайджана, Армении, Фарса, Месопотамии и других областей. Историки отмечают пестрый этнический состав населения Самарканда в XV веке.

Ремесленники входили в круги, составляющие культурную прослойку населения городов Мавераннахра, куда кроме них входили поэты, певцы, музыканты, историки. Например, среди самаркандских мыслителей XV-XVI вв.— старшина цеха мыловаров поэт Джавхари, портной Мавлоно Хавари, среди ткачей — Мавлоно Мир Аргун Хамадуз, Мавлоно Қобули Газфуруш — торговец пряжей, Мавлоно Толеъ-и Қамардуз — шьющий ремни, Бисати Самарканди — мастер по изготовлению циновок — буйробоф и др.

Накопив огромные богатства, захваченные в грабительских военных походах, Тимур тратил большие средства на украшение своей столицы, строительство новых дорог и торговых сооружений. По словам Ибн Арабшаха, он считал, что мир «благоустроен бла-

годаря купцам», старался обеспечить развитие не только внутренней, но и внешней торговли, не только со странами Ближнего и Среднего Востока, но и со многими странами мира, в том числе с Испанией, Францией и Англией. В этой связи интересно осветить в историографическом плане вопрос о внешнеполитических связях Самарканда с государствами Западной Европы.

Фигура Тимура приковывает к себе внимание современников и позднейших исследователей. Все отмечают его военный талант, но заслуживает внимания и изучение его деятельности как дипломата. Историки располагают значительным материалом о дипломатической переписке Тимура с правителями государств Западной Европы. И хотя о жизни и деятельности Тимура написано немало, проблемы социально-экономических, политических и культурных отношений империи Тимура со странами Востока и Запада остаются малоизученными. Особенно это относится к самому началу XV в., к периоду так называемого «семилетнего» похода Тимура на Запад (1399—1404) против Османской империи.

В конце XIV в. быстро растет военная мощь Турции. Турция, начиная с 1389 г., предпринимает агрессивные походы против народов Балканского полуострова и Европы. Она захватила Сербию, Болгарию, угрожала Венгрии, нанесла полное поражение рыцарям Западной Европы в 1396 г. и теперь упорно готовилась к взятию Константинополя. Поэтому император Византии Мануил Палеолог начал свой дипломатический вояж по дворам Европы с просьбой о помощи.

Это был сложный момент в истории Европы. Одни страны стремились заключить мирный договор с турками и обезопасить себя, другие думали о создании коалиции под главенством папы для борьбы с Турцией. Но вскоре обстановка изменилась.

В ареале Малой Азии столкнулись интересы двух крупнейших завоевателей — Тимура и Баязида. Международная обстановка положительно складывалась в пользу Тимура, низложенные Баязидом малоазиатские эмиры находили приют у Тимура и готовились взять реванш. А христианские государи Запада: регент Византии и генуэзского правителя Галаты, французский король Карл VI, католические миссионеры г. Султании (сев. Иран) просили Тимура о помощи. Тимур благосклонно относился к этим просьбам, т. к. был заинтересован в использовании морских сил Венеции и Константинополя против Османской империи.

Наместник императора Мануила в Константинополе — Иоанн Палеолог получил письмо Тимура, где он говорит об этом. Это письмо (1402 г.) доставленное из Константинополя в Венецию, дошло до нас в несколько искаженном итальянском переводе, его приводит итальянский историк Марино Санудо (XV—XVI вв.) в своей книге «Жизнь дожей Венеции». Впервые русский перевод этого уникального документа был осуществлен известным востоковедом СамГУ И. И. Умняковым. Полный перевод текста он опубликовал в первом томе «Истории Самарканда» в 1969 г.

Имеющиеся документы позволяют судить о дипломатических

способностях Тимура. Обмениваясь посольствами с султаном Баязидом, Тимур одновременно зондировал почву для союза против Баязида с французским королем Карлом VI (1380—1422) и английским королем Генрихом IV (1399—1413). Из содержания дипломатической переписки Тимура с правителями Европейских стран видно, что в этот период их интересы совпадали. Они готовы были объединиться для борьбы с могущественной Османской империей.

Перепиской Тимура с Карлом VI впервые занялся видный французский востоковед начала XIX в. Сильвестер де Саси. После него в течение 100 с лишним лет не появлялось специальных работ по этому вопросу.

В 1928 г. в Бомбее был издан сборник статей иранского востоковеда Мирзы Мухаммеджана Казвини, среди которых одна статья специально была посвящена этому письму и в ней дан перевод его на язык фарси-дари.

Подлинность письма не вызывает сомнения уже потому, что в двух местах (в середине и конце письма) поставлена небольшая миндалевидная печать Тимура.

В национальной библиотеке Парижа сохранилось второе письмо Тимура Карлу VI, дошедшее до нас в латинском переводе. Это письмо датировано, как и первое, августом 1402 г. В нем говорится о победе Тимура над Баязидом в битве при Анкаре. О существовании оригинала второго письма в архивах Франции сведений нет. В заголовке документа имеется надпись, которая в русском переводе гласит: «Это есть копия, или изложение письма достославного повелителя Темурбея, которое он прислал светлейшему королю Франции, переведенное с персидского на латинский язык».

По мнению И. И. Умнякова, не исключено, что таджикского текста этого письма вообще не существовало. Письмо могло быть составлено на латинском языке от имени Тимура архиепископом Иоанном и привезено им во Францию в 1403 г. Для перевода с персидского на латинский язык основанием якобы послужило прибытие в мае 1403 г. посла Тимура в Париж в составе посольства Иоанна, где он в торжественной обстановке изложил цели своего приезда, а именно: 1) известить о победе Тимура над Турцией, взятии в плен султана и освобождении христиан, взятых в плен Баязидом, и о намерении Тимура предоставить свободу всем христианам; 2) желание увидеть величие трона Франции и поведать о блеске державы Тимура.

Из «Повременной записки деяний франков» можно узнать, что у посла было две миссии: во-первых, обеспечить свободу торговых сношений для купцов обеих стран (вспомним главный тезис Тимура—«мир благодаря купцам благоустроен»), и, во-вторых, если король и герцоги согласятся, эту свободу торговли можно закрепить соответствующим соглашением или договором. В этой же хронике говорится, что католический пастор рассказал многим лицам о жизни Тимура и о том, что он написал о Тимуре небольшое

произведение на французском языке. Так появились в Европе воспоминания о Тимуре.

Историография ныне располагает также переводом письма французского короля Карла VI Тимуру, где есть мысль, не утратившая своего значения и поныне: «... ни закону, ни вере не противоречит и даже не противно разуму, но скорее должно почитаться полезным, чтобы короли и временные правители, даже если они различаются верованием и языком, связались бы друг с другом по доброй воле узами уважения и дружбы, поскольку главным образом благодаря этому к (их) подданным нисходит мир и спокойствие...»

Письмо интересно и тем, что является единственно сохранившимся письмом Карла VI Тимуру, более ранняя переписка до нас не дошла. Копия этого письма хранится в Национальной библиотеке Парижа.

У Карла VI были все основания благодарить Тимура за разгром Турции при Анкаре.

Два письма Тимура имеют даты: 1 августа 1402 г. и 15 июня 1403 г.

По мнению востоковедов, связи Англии с Востоком весьма слабо изучены, так как англичане в средние века не принимали участия в исследовании Востока за исключением сообщения английского рыцаря Джона Мандевиля в 1332—1372 гг. о фантастических богатствах Востока. Только лишь при Тимуре англичане делают первую безуспешную попытку установить дипломатические связи с его государством. Они были весьма заинтересованы в этом, т. к. заключенное между Англией и Францией в 1396 г. (или 1386 г.) хрупкое перемирие в 1404 г. было нарушено и между ними вновь возобновились военные действия. Поэтому, как Англия, так и Франция, стремились использовать в своих интересах силу и мощь государства Тимура.

Представитель Ватикана — архиепископ Султании Иоанн не менее активно содействовал сближению Англии с Мираншахом — сыном Тимура, правителем западных областей его обширной империи. Бывшее «царство Хулагу», т. е. государство монголов, включало Северный Иран с Багдадом, Закавказье с Тебризом и Султанией. Как старший из оставшихся в живых сыновей Тимура, Мираншах стал объектом внимания западных правителей и вельмож, «покровителем католической религии». Он открыто стремился сблизиться с Западом — благосклонно относился к христианским купцам и миссионерам, выражал готовность заключить договор с королем Англии Генрихом IV, о чем можно узнать из ответного послания Генриха IV Мираншаху.

В Национальной библиотеке Парижа сохранился документ, составленный от имени Мираншаха на латинском языке. Из анализа этого документа профессор И. И. Умняков делает следующие выводы:

1. Редактором перевода текста с персидского на латинский язык был архиепископ Иоанн, поэтому оригинал письма мог со-

храниться в его архиве. Иоанн, как переводчик, вполне вероятно внес в него изменения и дополнения по своему усмотрению.

2. Вопрос о датировке остается спорным. Иоанн считает, между 22 мая и 21 июня 1403 г., Сильвестер де Саси — июнь 1402 г. По мнению И. И. Умнякова, здесь имеется в виду разгром турок под Анкарой. Затруднение в датировке вызывает и ссора Тимура с Мираншахом. Только из сочинения Шарафутдина Али Йазди мы узнаем, что поход 1399 г. против Османской Турции был вызван главным образом действиями Мираншаха.

Победа Тимура над египетским султаном, а затем разгром могущественной Османской империи в битве при Анкаре в 1402 г. по существу спасли Западную Европу от порабощения, что и вызвало интерес Запада к Востоку. Отправляя своих послов на далекий Восток, Запад преследовал свою постоянную цель: посланники должны были везде наблюдать, собирать сведения о положении дел, о всех государствах и народах, состоянии торговли, земледелия и ремесла, искать выгоды для своей страны, и т. д. Они вели дневники, а после возвращения, безусловно, писали подробный отчет.

Ярким примером может служить дневник посла Испании Клавихо при дворе Тимура (1403 г.). Записки Клавихо впервые были изданы в Севилье в 1582 г. под названием «Жизнь и деятельность великого Тамерлана». Повторно они были изданы в Мадриде в 1782 г. В основу издания Срезневского было положено издание 1582 г. По инициативе английского востоковеда Г. Стрэнджа «Записки» были переведены на английский язык и изданы в 1928 г. В основу английского перевода легло издание Срезневского. В 1943 г. новое мадридское издание дневника Клавихо осуществил Ф. Лопез Эстрада. В основу своего издания он положил рукописи XV в., но издатель подверг их тщательному литературно-научному исследованию и снабдил дневник обстоятельной исторической справкой о посольстве Клавихо в государство Тимура.

§ 2. ТРУД ШАРАФ АД-ДИНА АЛИ ЙАЗДИ «ЗАФАРНАМЕ» — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Выше уже отмечалось, что деятельности и личности Тимура посвящено и посвящается много исторических сочинений, написанных как его современниками, так и современными историками и литераторами. В В. Бартольд отмечал, что исследователь эпохи Тимура «испытывает затруднение не от недостатка, но от обилия материала, разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего критического издания»[1]. Эта мысль В. В. Бартольда остается верной и в современных условиях.

Первым сочинением о Тимуре была официальная история Низам ад-Дина Шами под названием «Зафарнаме» (Книга побед),

[1] Бартольд В. В. Мир Али Шир и политическая жизнь. Соч.— Т. II.— Ч. 2.— М. 1964.— С. 199.

составленная при жизни Тимура [1]. Этот труд, хотя и является официальной историей правления Тимура, все же написан Низам ад-Дином вдали от дворца и, на наш взгляд, автор довольно объективен в изложении фактов и исторических процессов. Хотя работа Низам ад-Дина Шами, как и работа Шараф ад-Дина Али Йазди, являются самостоятельными и независимыми друг от друга историческими сочинениями, они дополняют друг друга и дают возможность исследователю в историографическом аспекте провести более глубокий анализ событий истории народов Средней Азии конца XIV— начала XV вв.

Труд Низам ад-Дина Шами издавался в 1937 и 1956 гг. Коллективу востоковедов и историков Узбекистана стоило больших усилий переиздать «Зафарнаме» в 1972 г. На этот раз книга была издана по решению организационного комитета ЮНЕСКО по проведению международного симпозиума по проблеме истории искусства эпохи Тимуридов.

Основоположник узбекской классической литературы Алишер Навои о Шараф ад-Дине Али Йазди писал, что совершенство его произведений признано людьми всего мира[2]. Время его рождения не известно. Шараф ад-Дин Али Йазди родился в г. Тафте (Иран), недалеко от Йазда. В 1415—1416—1435 годах находился на службе у сына Шахруха, брата Улугбека Ибрагима Султана. Ибрагим Султан оказал большое влияние на Шараф ад-Дина, по его настоятельным советам он начал работать над «Зафарнаме». После смерти Ибрагима Султана (838 г.х.—1435 г.) автор «Зафарнаме» был приглашен ко двору внука Шахруха — Мирзы Султана Мухаммада (1442—1443 гг.), ставшего правителем Султании, Казвина, Рея и Кума, как сообщает Абдураззак Самарканди[3].

По сообщению Абдураззака Самарканди в 1445—1446 гг. сын Шахруха — Мухаммад Султан поднимает восстание против своего отца и пытается захватить власть. В числе его активных сторонников были Шараф ад-Дин Али Йазди и старший сын Мирзы Улугбека — Абдулатиф. После неудачного мятежа союзник Мухаммад Султана, внук Шахруха взял Шараф ад-Дина Али Йазди под свое покровительство и отправил его в Герат[4]. Видимо, покровительство историку оказывал и прославленный поэт А. Джами. Биограф А. Джами Камал ад-Дин Абд ас-Васи ан-Низами писал, что когда Шараф ад-Дин Али прибыл в Герат, на берегу канала Инджил состоялась его встреча с Джами.

---

[1] Издание этой работы в Европе впервые осуществлено чешским востоковедом Ф. Гауэром в Праге. Первый том издан в 1937 г., второй — в 1956 г.

[2] Навои А. Маджалис ан-нафасс. Критический текст подготовлен С. Ганиевой.— Ташкент, 1961.— С. 34-35.

[3] Об Абдул ар-Раззаке Самарканди более подробно см. главу V.

[4] См.: Шараф ад-Дин Али Язди. Зафарнаме.— Ташкент, 1972.— С. XXIII-XXIV; В литературе существует мнение, что Абдулатифом он был отправлен в Самарканд и там встретился с А. Джами. Это суждение, на наш взгляд, более соответствует исторической действительности, так как в 1445-1446—1451-1452 гг. А. Джами жил в Самарканде и работал главным муддарисом медресе Улугбека.

А. Джами, как и Шараф ад-Дин Али, считал себя учеником виднейшего мыслителя и духовного отца суфизма Мухаммади Порсо. Из сообщения ас-Васи можно сделать вывод, что Джами хотел выяснить философские взгляды историка. Спустя несколько лет в 1451—1452 гг. А. Джами, будучи главным муддарисом медресе Улугбека в Самарканде, пишет «Муаммо-и Қабир». Обнаруженный нами автограф труда А. Джами состоит из 2-х самостоятельных работ: первая посвящена главным постулатам суфизма, которые проповедовал Мухаммад Порсо. Вторая —«Муаммо-и Қабир» является как бы ответом на труд Шараф ад-Дина Али Йазди под названием «Муаммо-и Қабир». Жанр Муаммо был новым в литературно-историческом творчестве. Он стал как бы дипломатическим языком правителей и мыслителей XV—XVI вв. Шарафаддин Али Йазди первый стал пользоваться этим жанром. В числе тех, кто следом за ним развивал и совершенствовал этот жанр, А. Джами и А. Навои.

Таким образом, видимо, лишь после смерти Шахруха (850 г.х.-1447 г.), а скорее всего, после возвращения А. Джами в Герат, (в 1452 г.) могла произойти предполагаемая их встреча, о чем пишет биограф А. Джами Камаладдин Абдал Васи ан Низами[1].

При спорах об отдельных обстоятельствах его жизни и времени возвращения на родину в г. Йазд Тафт (Тафт-и Йазд) можно обратиться к источникам, свидетельствующим, что он поселился в ханаке и жил там до конца своей жизни, о чем свидетельствует Абдураззак Самарканди. В месяце раджабе 856 (август 1452 г.) проездом из Ирака в Хорасан Абдураззак Самарканди побывал в Тафт-и Йазде, встречался там с Шарафад-Дином Али и долго беседовал с ним в его ханаке[2]. Это сообщение Самарканди также подтверждает великий узбекский поэт Алишер Навои[3].

Шараф ад-Дин Али Йазди умер в 858/1454 г. и похоронен в той же хонаке, где он жил в г. Тафт-и Йазде.

Редчайший памятник культуры народов Средней Азии «Зафарнаме» является образцом историографии не только Средней Азии, но и всего Востока, поэтому он с давних пор привлекал и сейчас привлекает к себе внимание исследователей-востоковедов и благодаря оригинальности и достоверности собранных в ней фактических материалов занимает особое место среди источников указанной эпохи[4]. «Зафарнаме» делится на две части: введение (мукаддима), посвященное родословной Тимура, где в общих чертах излагается история тюркских племен и четырех улусов Чингисхана, о которых более подробно говорится в вышеуказанных

---

[1] Макомот-и Мавлави Жомий. Рк. ИВ АН УзССР, № 1354, лл. 45б, 46а-б.

[2] Самарканди А. Путевые записи Абдураззака о его поездке в Индию. — Тегеран, 1959.— С. 1041.

[3] См.: Навоий А. Маджалис ан-нафаис. Указ. соч.— С. 34-35.

[4] Муминов И. Роль и место Амир Тимура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников.— Ташкент, 1968.— С. 7.

нами сочинениях, таких, как Джами ат-Тарих Рашид ал-Дина, Тарих-и джохангуши Джувейни и др., и основную часть — собственно историю Тимура.

Из сообщений автора ясно, что идея создания этого исторического сочинения принадлежит сыну Шахруха Ибрахиму Султану, при дворе которого служил Шараф ад-Дин Али. Правитель задумал создать книгу о своем могущественном деде и в 822 (1419—1420 гг.) отдал распоряжение о сборе материалов о Тимуре. «В «Мукаддиме» этот процесс освещен довольно подробно. Собранные сведения сопоставляли с устными рассказами очевидцев, а затем Шараф ад-Дину Али было предложено познакомиться с материалами и сказать свое мнение Ибрахиму Султану, после чего автор приступил к написанию книги»[1].

Собранные источники автор делит на три группы: записи рассказов очевидцев, свидетельства знатоков тюркских и персидских источников. При написании работы все сведения о датах, местностях и географических названиях согласно приказу Ибрахима Султана тщательно проверялись и лишь после этого передавались Шарафад-Дину Али. По высочайшему повелению автор должен был написать книгу ярким, образным, понятным языком и в то же время он обязан был строго соблюдать документальность, не отступать от первоначальных источников и ничего не приукрашивать. Так была создана очень большая по объему, тенденциозная официальная история Тимура.

Несколько слов об исторической хронологии написания «Зафарнаме». Хотя имеются точные сведения о времени начала составления труда (832/1419) и окончания его (828/1424—1425 гг.), приведенные самим Шараф ад-Дином Али и его современниками, спор идет о том, продолжал ли автор дальше работать над сочинением, так как он дожил до 1454 года. Да, автор продолжал дорабатывать свой исторический труд, о чем имеется следующее свидетельство:

«Заканчивалась Мукаддима к Зафарнаме его величества обитателя рая сахиб-кирана в понедельник 21-го числа благословенного месяца рамазана 1038 г. в богоохранном городе Самарканде, да сбережет его Аллах от несчастий и бед!». Здесь речь идет о Мукаддиме к «Зафарнаме», ныне хранящейся у нас в республике в фондах ИВ АН.

В настоящее время в историографии Востока известно несколько рукописей «Зафарнаме» с датой переписки 840—1436—1437 гг., которая означает, что в 840 г.х. уже существовало несколько списков «Зафарнаме» и опубликованное в 1972 г. в Ташкенте факсимиле этого труда является одним из этих списков, о чем будет идти речь позднее.

Имеются сведения о дальнейшей работе Шараф ад-Дина Али над «Зафарнаме» в последующие годы. Например, Абдураззак Самар-

[1] Шарафаддин Али Йазди. Зафарнаме.— Ташкент. 1972.— С. XXV. В последующем: Шарафаддин Али Йазди. Указ. соч.

канди, хорошо знавший автора, пишет, что «Зафарнаме» была завершена в 828 г.х. (1424—1425 гг.), но автор однако не прекращал собирать материалы для продолжения «Зафарнаме» и после 831 (1427—1428). Опираясь на это высказывание, узбекский востоковед А. Урунбаев, подготовивший к печати издание 1972 г., выдвигает гипотезу о написании Шараф ад-Дином Али Йазди второй (история Шахруха) и третьей (история Ибрахима Султана) частей (макала) «Зафарнаме», о которых шла речь в предисловии к этому труду. Однако, констатирует А. Урунбаев, эти две части «Зафарнаме» не обнаружены. А дополнение к «Зафарнаме», охватывающее историю Шахруха и его сына Улугбека, написал Тадж Салмани[1].

Интересна история находки списка «Зафарнаме», изданного в 1972 г. В данном списке есть запись научного сотрудника ИВ АН Уз ССР А. Насырова о том, что настоящий список «Зафарнаме» находился в библиотеке последнего кокандского хана Худайара (1261/1845—1282/1866). После завоевания Кокандского ханства Россией эта рукопись, видимо, перешла в собственность частного лица, и оказалась у казия Сибзарской части г. Ташкента — Мухийаддина Хаджи.

В 1897 г. Российская империя впервые приняла участие во Всемирной выставке в Париже. Экспонаты для оформления выставочных залов собирались с национальных окраин обширнейшего российского государства. Один из залов выставки посвящался истории, этнографии и природно-географическим условиям жизни народов Средней Азии. Здесь впервые был выставлен большой, прекрасно выполненный макет знаменитого Самаркандского ансамбля «Регистан», изготовленный нашим земляком Мирзой Баратом. В среднеазиатском зале также экспонировался и список «Зафарнаме» из коллекции Мухийаддина Хаджи.

Первое сообщение об этой рукописи и ее художественных достоинствах (оформление, каллиграфический почерк, великолепные унваны, художественно исполненные золотом и красками, 12 оригинальных миниатюр) было сделано в 1899 г. на заседании Туркестанского кружка любителей археологии действительным членом кружка Н. Г. Маллицким. Его сообщение прежде всего заинтересовало В. В. Бартольда, который в 1902 г. приехал в Туркестан с целью «осмотра имеющихся в крае рукописей», а в 1904 г. в своем отчете о командировке сообщает, что эта рукопись принадлежит покойному Мухийаддину Ходжи. Тогда же с этой рукописью познакомился проф. А. А. Семенов, о чем он с гордостью сообщает в 1956 г. в своей работе «Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафарнаме» Шараф ад-Дина Йазди».

После смерти Мухийаддина Ходжи (1902 г.) судьба этого исторического памятника долго оставалась неизвестной. Одна-

---

[1] Шарафаддин Али Йазди. Указ. работа.— С. 32.

ко следует заметить, что востоковед А. Насиров, сделавший краткую запись для описи «Зафарнаме», допустил серьезную ошибку с указанием времени, когда была вновь обнаружена «Зафарнаме» и приобретена в фонд Государственной публичной библиотеки (г. Ташкент) им. А. Навои.

В конце 30-х годов директором Государственной публичной библиотеки работал проф. А. А. Семенов, а его заместителем — А. Пулати[1]. По свидетельству А. Пулати, зимой 1942 г. на колхозном рынке старого города Ташкента (Эски Джува), случайно, на руках у женщины под паранджой он увидел книгу. Она вынесла ее, как сообщает Пулати, для продажи, т. к. ей нечем было кормить свою семью. С помощью А. Пулати эта рукопись была представлена для оценки ее стоимости профессору А. А. Семенову, который заявил, что этот памятник не имеет цены. Таким образом, рукопись была приобретена библиотекой, а после образования на базе отдела восточных рукописей Государственной публичной библиотеки Института по изучению восточных рукописей АН Узбекистана в 1943 г. стала его собственностью. Научное описание «Зафарнаме» вошло в VIII том Каталога «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР» (1967).

В историографическом плане сочинение Шарафад-Дина Йазди «Зафарнаме», несмотря на официальную окраску, довольно правдиво отражает деятельность Тимура и его противоречивую личность — жестокий завоеватель и крупный государственный деятель, создатель централизованного феодального государства в Мавераннахре.

Сочинение Шараф ад-Дина Али получило довольно широкое распространение в рукописях потому, что оно служило первоисточником для его современников и историков последующих веков. Стиль и метод изложения исторических фактов и их интерпретация в историографическом плане у Шараф ад-Дина Али Йазди, надолго оставались образцом для других источниковедов, историков и историографов. Например, знаменитые историки XVI в. Мирхонд в «Раузат ас-сафо» и Хондамир в «Хабиб ас-сийар» и др. широко использовали при написании своих трудов «Зафарнаме».

Еще в XV и XVI вв. тематика «Зафарнаме» и ее содержание послужили основой для ее переложения на стихи. На узбекском языке ее изложил прославленный поэт Лутфи (умер в Герате в 897/1492 г.) и на таджикско-персидском поэт Хатифи (умер в 927/1521 г.) — ученик и племянник знаменитого поэта Абдурахмана Джами. Хатифи назвал свой труд «Тимурнаме». Повторный перевод уже не в стихах, а в прозе был осуществлен на узбекском языке среднеазиатским мыслителем, энциклопедистом XVI в.—

---

[1] А. Пулати — ныне завотделом восточных рукописей научной фундаментальной библиотеки, Заслуженный работник культуры УзССР, которому 4 февраля 1990 г. исполнилось 90 лет.

Мухаммадом Али ибн Дарвишом Али-Бухари, по поручению одного из первых Шейбанидов Кучкунджихана (916/1510—936/1530). А в 1822—1823 гг. хивинским поэтом Худайберди ибн Куш-Мухаммадом Суфи ал-Хаваки был осуществлен сокращенный узбекский перевод «Зафарнаме». В литературе имеются сведения о том, что в 1842 г. Хафиз Мухаммад ибн Ахмад ал-Аджами перевел «Зафарнаме» на турецкий язык.

«Зафарнаме» в сокращенном виде была переведена и издана на французском и английском языках в 1723 г. Русский ориенталист А. Крымский сообщает об интересном факте: итальянский востоковед Брадутти осуществил перевод «Зафарнаме» на итальянский язык, попутно упоминая о наличие русского перевода отрывков из «Зафарнаме», относящихся к походу Тимура против Золотой Орды. Эти же отрывки были изданы Шармуа в 1936 г. в персидском оригинале и переводе на французский язык. Некоторые события похода Тимура в Индию дважды были переведены в XIX в. И наконец, перевод больших отрывков, относящихся к истории Туркмении и Золотой Орды, с персидского оригинала на русский язык был осуществлен в нашей стране в 1939 г.[1]

Жемчужина среднеазиатской историографии —«Зафарнаме» продолжала и продолжает быть предметом изучения историков мира. В частности, в 1887—1888 гг. по инициативе индийского востоковеда Маулави Илахдадма в Калькутте было осуществлено двухтомное издание «Зафарнаме» на основе имеющихся шести списков.

В 1958 г. в Тегеране появилось новое издание оригинала в двух томах, подготовленное Мухаммадом Аббаси на основе трех рукописей и упомянутого калькутского издания. Две из использованных им рукописей являются списками, сделанными при жизни автора, один — собственность Мухаммада Аббаси, без даты; другой — из Библиотеки Меджлиса (№ 36782), дата переписки —840 г. х. (1436—1437); третий список — из той же Библиотеки Меджлиса, № 36773, переписан в 1037/1627 — 1628 гг.

Справедливо утверждение А. Урунбаева, что указанные французский и английские переводы, являющиеся в настоящее время библиографической редкостью, не включают в себя Мукаддиму, составляющую почти пятую часть труда. Ее также нет и в калькутском и тегеранском изданиях[2]. Поэтому издаваемая в факсимиле «Зафарнаме» с предисловием, примечанием и указателями, подготовленными А. Урунбаевым, отражает все известные варианты текста в указанных рукописях Мукаддимы и тегеранского издания «Зафарнаме». Она несомненно окажет существенную помощь при всестороннем изучении историографии истории народов Средней Азии XIV— начала XV вв.

---

[1] См.: Шарафаддин Али Йазди. Указ. работа.— С. XXVI.
[2] Там же.— С. XXVII.

ГЛАВА 5. СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХУ УЛУГБЕКА

§ 1. СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЛУГБЕКА

Культурная жизнь народов Средней Азии в рассматриваемый период проходила в очень сложных условиях. Непрерывные междоусобные войны, частые опустошительные нашествия иноземных завоевателей превращали порою великие творения народа — ценности духовной и материальной культуры, создававшиеся на протяжении веков,— в груду развалин и пепелища, и лишь отдельные сохранившиеся семена разума вновь давали ростки культуры. Бескорыстные сыны и дочери народа любовно выращивали их, готовили учеников и последователей и продолжали традиции своих великих предшественников.

После смерти Тимура его огромное феодальное государство, державшееся мечом и щитом, распалось. Началась жестокая борьба за власть, и через четыре года победителем вышел сын Тимура Шахрух. Он разделил империю отца на две части: Хорасанское государство с центром в Герате, где правил сам, и Мавераннахрское — с центром в Самарканде, где правителем посадил своего сына Улугбека.

Внук Тимура, старший сын Шахруха, родился 22 марта 1394 г. (19 джумада 1796)[1] в г. Султания. Семнадцатилетняя жена Шахруха, Гаухар-Шад-ага была дочерью одного из представителей чагатайской знати Гиясаддина Тархана, предок которого Кышлык спас жизнь Чингисхану. После смерти Тимура, она играла видную роль в многочисленных дворцовых интригах[2]. Новорожденному были даны имена Мухаммед-Тарагай, но еще при жизни Тимура они были совершенно вытеснены именем Улугбек[3].

Осенью 1404 г. после возвращения из «семилетнего похода» Тимур устроил большое празднование по поводу своих побед, а также свадеб пяти своих внуков, которым было тогда от 9 до 17 лет. В их числе был и десятилетний Улугбек, невестой которого стала его двоюродная сестра дочь Мухаммада Султана (в честь которого был построен мавзолей Гур-Эмир) Огэ бегим, которая впоследствии была похоронена в одной из келей мавзолея Гур-Эмир. В 1409 г. отец назначил Улугбека правителем Мавераннахра, а спустя два года, в 1411 г. семнадцатилетний Улугбек сделался полновластным правителем области, простиравшейся от Амударьи до Саганака на северо-запад, до Ашпары на

---

[1] Дата у Шараф-ад-Дина Иязди.— С. 679.

[2] Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч.— Т. II.—ч. 2.— М. 1964.— С. 63-64.

[3] Там же.

северо-восток[1]. Хотя верховная власть оставалась в руках Шахруха, современники не считали Улугбека удельным князем или наместником.

Военная деятельность Улугбека отличалась тем, что она была непродолжительной и предпринималась в случае крайней необходимости, когда надвигалась опасность со стороны воинственных соседей. Так, в 1414 г. Улугбек осуществил успешное военное действие против правителя Ферганы царевича Ахмада. Фергана, а затем Кашгар были присоединены к Мавераннахру.

Большое беспокойство причиняли Улугбеку усилившиеся ханы Моголистана. Вначале ему удалось добиться их подчинения, но вскоре они перестали ему повиноваться.

Во время похода в Моголистан в ноябре 1423 г. Улугбек достиг реки Чу и весной 1425 г. при битве у Кетмен-тепе его войска разгромили хана Шир-Мухаммеда. Среди многих ценностей победителям достались и два куска нефрита. Они были настолько тяжелыми, что для их отправки в Самарканд пришлось изготовить специальную повозку. Впоследствие по приказу Улугбека из них был изготовлен надгробный камень Тимуру.

В память о победоносном походе 1425 г. Улугбек приказал высечь надпись на скале недалеко от Джизака в Джалалутинском ущелье, сохранившуюся до нашего времени.

В своей внутренней политике Улугбек подражал своему деду. Его отец Шахрух отличался исключительной набожностью, его называли мусульманским царем. Самого же Улугбека религиозные мракобесы считали слишком образованным, вольнодумцем и всячески препятствовали введению разумных форм правления.

Составленная в начале XV в. «Рашахат айн ал-хайат»— история среднеазиатского дервишества полна рассказов, свидетельствующих о враждебном отношении дервишей к Улугбеку. Даже глава Бухарских дервишей шейх Мухаммад Порса, бывший союзником Улугбека в первые годы его правления, не пользовался расположением государя в последующие годы.

В. В. Бартольд, изучавший историю Средней Азии эпохи Улугбека, приводит следующий эпизод. В Самарканд для проверки толкования хадисов прибыл Шемс ад-дин Мухаммед ибн Мухаммед ал-Джезери (умер 2 декабря 1429 г. в Ширазе). Для участия в дискуссии с ним Улугбек пригласил Мухаммада Порса и предложил рассказать, от чьего имени он истолковывает хадис. Испытание проходило в присутствии шейха ал-ислама Исам ад-Дина и других ученых — знатоков фикха и хадисов.

Когда некоторые из иснадов, приведенных Мухаммадом Порса, подверглись сомнению со стороны присутствующих, Мухаммад Порса попросил принести из библиотеки шейх ал-ислама том одного из достоверных, по признанию самого Шемса ад-Дина, авторов Иснадов, причем он указал, на какой полке находит-

---

[1] Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч.— Т. II.— Ч. 2.— М. 1964.— С. 65.

ся книга и на какой странице находится этот хадис с соответствующими иснадами, хотя раньше в библиотеке шейх ал-ислама он никогда не бывал[1]. Своим знанием Мухаммад Порса поразил всех без исключения.

В исторической литературе весьма спорным также является вопрос о взаимоотношениях Улугбека с Ходжой Ахраром. Ходжа Ахрар прибыл в Самарканд в 1426 г. в возрасте 22 лет. Улугбеку тогда уже исполнилось 32 года, т. е. Ходжа Ахрар был моложе Улугбека на 10 лет. Из автобиографического труда Ходжи Ахрара «Убайдулланаме» узнаем, что он учился в медресе Улугбека, слушал его лекции, а после окончания медресе был оставлен муддарисом.

Как свидетельствует автор уникального историко-философского и дидактического труда «Мусамос» Абдурахман Ншапури (старший зять Ходжи Ахрара), между Улугбеком и Ходжой Ахраром в дни торжеств и церемониалов в медресе происходили острые споры по различным вопросам истории, философии и основ религии. Эти споры происходили публично и, как пишет Абдурахман Ншапури, свидетельствовали о расхождениях во взглядах Улугбека и Ходжи Ахрара. Улугбек в рамках шариата выдвигал смелые идеи о роли науки в просвещении масс, о необходимости распространения просветительских идей, а Ходжа Ахрар настаивал на безукоснительном соблюдении законов ислама, проповедовал фикх и каноны хадисов. В этих спорах нередко принимали участие и другие ученые, поэты, мударрисы и студенты медресе.

Но научные споры Ходжи Ахрара и Улугбека еще не дают основания утверждать, что в убийстве Улугбека главную роль играли представители духовенства. Мы далеки от мысли отправдывать реакционную роль отдельных представителей ортодоксального мусульманства. Справедливости ради следует подчеркнуть, что и Улугбек как глава феодального государства был далек от атеизма и соблюдения принципов социальной справедливости. Как и его великий дед, он был сторонником и союзником мусульманской аристократии. Как свидетельствуют источники, особыми привилегиями при Улугбеке пользовались шейхи — Ходжа Хасан Аттар, Низам ад-Дин Хомуш — один из главных учителей Ходжи Ахрара. Шейх Яъкуб Чархи пользовался особым доверием Улугбека. Улугбек прекрасно сознавал, что без поддержки духовенства ему не править страной.

Бухара — являвшаяся политическим центром суфизма и дервишества, пользовалась особым вниманием Улугбека. Он старался приобрести ее расположение. Одной из первых построек, осуществленной правителем, было Бухарское медресе, завершен-

---

[1] Рашахат. Рукопись. Перепись 1812 г. Из личной библиотеки автора, л. 37-38. По сообщению В. В. Бартольда, приезд Мухаммада Порса в Самарканд возможно был в первые годы правления Улугбека. В 822/1419 г. он отправился в Мекку и умер в Мадине 11 января 1420 г. Указ. работа.— С. 122.

ное в 1419 г. Посетив Бухару, Улугбек остановился в этом здании, им были розданы подарки студентам и другим «достойным людям».

Для своих самаркандских построек Улугбек избрал базарную площадь, носящую название «Регистан». По сообщению Абдурраззака Самарканди, постройка медресе на самаркандской базарной площади была начата в 820 г. (1417) и окончена в 823 (1420) г. Хотя В. В. Бартольд пишет, что неизвестно, кто был архитектором этого великолепного здания, она отличается богатым художественным оформлением и прочностью. Исследованиями узбекских ученых было установлено, что главным архитектором медресе был Камоладдин Мухандис, ученик Казы-заде Руми. Здание состояло из двух этажей и четырех минаретов по углам, высотой 38 м каждый, келья (комната) была разделена на два отделения, для двух студентов[1].

Медресе, построенные Улугбеком в Бухаре и Самарканде, оказались долговечными, тогда как все остальные медресе, существовавшие в XV в. в обоих городах, уже в XIX в., по свидетельству Н. Ханыкова, посетившего Среднюю Азию в 1842—1843 гг., были разрушены. По свидетельству В. Л. Вяткина, Самаркандские медресе как учебные заведения действовали до 1927 г. Н. Ханыков сообщает, что Бухарское медресе Улугбека состоит из 80 комнат, студенты получали по 312 тилли в год[2]. На дверях здания сохранилась надпись: «Толиби илими фариз аст ба муслим ва мусулмонон» («Стремление к знанию обязательно для каждого мусульманина и мусульманки»). О деятельности улугбековых медресе сообщают историки XVI—XIX вв. Мирхоид и Хондамир, Давлатшо-и Самарканди, Саид Роким, Возъе Рахматулло, Абу Тохир ходжа Самарканди и др. Из этих среднеазиатских историографических источников узнаем, что сам Улугбек преподавал студентам астрономию.

К сожалению, официальная историография не располагает прямыми сведениями относительно образования Улугбека. Первой воспитательницей Улугбека была его бабушка — Сарай-Мульк-ханым. С 1405 по 1411 г. он находился под опекой эмира Шах-Малика. Из «Рашахата»[3] узнаем, что главным строителем медресе в Самарканде был его опекун — эмир Шах-Малик.

В 1397—1398 гг. Улугбек учился в медресе Садр Кутб ад-Дина у шейха Арифа Азари — замечательного сказителя, поэта и известного ученого, автора целого ряда философско-этических трудов. Ариф-Азари был воспитателем Улугбека в течение нескольких лет. В годы военных походов Тимура в Иран и переднеазиатские области в 1399—1404 гг. Улугбек посетил развалины обсерватории Насир ад-Дина ат-Туси. Его, видимо, сопровождал

---

[1] Тарих-и Саид Рокими. Рукопись из личной библиотеки автора. Л. 53, а-б.

[2] Ханыков Н. Описание Бухарского ханства.— СПб. 1843.— С. 86.

[3] Рашахат, лл. 141 а. Из личной библиотеки автора.

Казы-заде ар-Руми, который вместе с астрономом Мавляном Ахмадом находился в ставке Тимура. С этого момента Казы-заде становится постоянным воспитателем и наставником царевича.

Свой труд по основам математики Казы-Заде Руми посвящает молодому царевичу[1]. Эта работа Казы-Заде Руми служила настольной книгой студентов в течение XV—XIX веков.

Среднеазиатская историография свидетельствует, что Улугбек не только был мударрисом медресе, но и занимался подбором преподавателей для медресе из числа лучших ученых. Первым преподавателем медресе был философ и знаток фикха Мухаммед Хавафи. В день открытия медресе он выступил перед слушателями с публичной лекцией. Знаменитый «Афлотуни замон» («Платон своей эпохи») Казы-Заде являлся ведущим муддарисом медресе по естественным наукам[2].

По словам Васифи, когда завершалось строительство медресе, спросили Улугбека: «Кто будет назначен главным муддарисом (ректором) медресе?» Улугбек ответил, что им будет человек признанный, сведущий во всех науках. Слова Улугбека услышал Мавляна Мухаммед, сидевший тут же в грязной одежде «среди куч кирпича», среди строителей медресе, который заявил о своем праве на эту должность. Мавляна Мухаммед принимал участие в постройке медресе в качестве чернорабочего (Абу Тарих Ходжа Самарканди). Улугбек начал говорить с ним и убедился в его познаниях. В день открытия медресе ему было предоставлено право первым выступить с лекцией в качестве Муддариса. На открытии присутствовало более 90 ученых, но содержание лекции Мухаммеда Хавфи было доступно лишь Улугбеку и Казы-Заде.

Большой известностью пользовался крупный астроном и математик школы Улугбека Гиясаддин Джамшид бин-Масъуд. Он является автором трактата об астрономических инструментах и одним из ведущих научных сотрудников обсерватории Улугбека. Учеником и последователем Улугбека и Казы-Заде был самаркандец — Аладдин ибн Мухаммед Кушчи «Птолемей своей эпохи». Наконец, заслуживает внимания, как представитель школы Улугбека, комментатор его трудов, внук Казы-Заде — Мерием Челеби.

Широтой знаний Улугбек превзошел своего учителя Казы-Заде. Ученый на троне, он был окружен образованнейшими людьми своей эпохи — историками, литературоведами, поэтами, искусствоведами и знатоками естественных наук. Математики и астрономы занимали самое почетное место. При непосредственном

---

[1] Автограф настоящего труда хранится в библиотеке профессора СамГУ Э. Хатипова. Более поздний экземпляр (переписан в 1822 г. в Самарканде) имеется в личной библиотеке автора.

[2] Казы-Задэ похоронен в Самарканде. Над его могилой, по распоряжению Улугбека, воздвигнут мавзолей, находящийся вблизи группы Мавзолеев Шахи-Зинда.

участии Улугбека в медресе успешно развивалась научная работа. О предпочтении в медресе Улугбека, которое отдавалось естественным наукам, свидетельствует такой эпизод. В биографических сведениях о Ходже Ахраре говорится, что один из его учеников, а именно Абу Саид Аубахи (Убехи по Бартольду), ранее учившийся в медресе Улугбека, разочаровавшись в книжной науке и познакомившись с Ходжой Ахраром, известил своих товарищей, что он оставляет медресе и перебирается к ишану для изучения богословия, а свое имущество, в том числе и свои книги, дарит друзьям[1].

По словам автора «Тарихи жахонгири» («История завоевания мира») Давлатшах-и Самарканди (нач. XVI в.), в медресе Улугбека училось более ста студентов. Среди студентов этого медресе были А. Джами, А. Навои, Хусейн Байкара, Мутриби Самарканди, историк Саид Роким и многие другие, впоследствии ставшие знаменитыми. Автор «Абдулланаме» сообщает, что в XVI в. число студентов резко увеличилось, поэтому одних лишь муддарисов было десять человек[2]. Главный муддарис считался главой всех самаркандских ученых. В середине XV в. главным муддарисом медресе Улугбека был Абдурахман Джами.

Улугбек был сыном своего класса и своего времени. Теологическое мировоззрение было господствовавшим в средневековой Средней Азии. Все явления природы и все отношения в обществе рассматривались как проявление божественной воли. Всякое учение, противоречащее исламу, считалось ересью и сурово преследовалось.

Несомненно, Улугбеку были известны высказывания среднеазиатского энциклопедиста Беруни о гелиоцентрической системе. Беруни высказывался весьма робко и осторожно. Эта робость и осторожность присущи и астрономической школе Улугбека. В основе трудов представителей этой школы в основном лежит геоцентрическая система мира, хотя гелиоцентризм не был им чужд. Так, вышеназванный Мерием Челеби писал: «Точкой, наиболее удобной для того, чтобы можно было отнести к ней сложное движение, является не Земля, как центр мира, однако обычно его относят именно к этому центру»,— а это и есть не что иное, как осторожный намек на гелиоцентрическую систему мира[3].

То обстоятельство, что школа Улугбека формально придерживалась геоцентрической системы мира,— явление закономерное для своей эпохи. Это нисколько не умаляет подлинных научных достижений школы Улугбека, религиозная окраска была в них лишь данью времени. Вместе с тем, Среднеазиатская историогра-

---

[1] Рашахат ... Л. 191 а.

[2] Хафиз Таныш-ибн Мир Мухаммад Бухори. Абдулланамэ.—Т. II.— Ташкент, 1969.— С. 73; Также рукопись «Шариф-нома и Шохий» (Абдулланаме) переписана в 1820 г. в Самарканде. Из личной библиотеки автора. Л. 137. а, б.

[3] Кары-Ниязов Т. Н. Астрономическая школа Улугбека.— М.— Л., 1950.— С. 57.

фия эпохи Улугбека допускает возможность, что в отношении религии Улугбек принадлежит к числу тех, кто мыслил не столь ортодоксально. Представители шариата не считали Улугбека своим непримиримым врагом. С мусульманской точки зрения, Улугбек, правда, не был идеальным правителем, все решения которого определяются установками религии, но и не был, по словам академика Бартольда, также и тираном, ставящим свою волю выше предписаний бога и пророка.

С этой точки зрения интересен эпизод, описанный историком Хондамиром. В столице государства Шахруха — Герате проживал известный мистик, шейх Қасим-и Анвар. А Улугбек был мюридом Қасим-и Анвара (умер в 1433/34 гг.). Шейх был выходцем из Азербайджана, в молодости весьма близким к крайним мусульманским еретикам-хуруфитам. Суфи Қасим-и Анвар считался одним из учителей Абдурахмана Джами. Из касыды автобиографического характера, которую Джами написал в 1487 г., можно заключить, что он прекрасно знал поэтику, грамматику, логику, греческую и восточную философию, естествознание, математику, астрономию и историю.

Автор антологии «Зеркало мысли» Шихран Луди сообщает, что Джами написал 99 книг, которые все одобрены учеными людьми в Иране, Турции и Индии, и никто не мог положить пальца возражения на ту или иную из них. Из вышеназванной касыды, которую приводит в своем труде историк Хондамир, узнаем, что когда Джами учился в Самарканде, там еще хорошо помнили Улугбека. Поэтому достоверно выглядит сообщение, что ученики Улугбека производили впечатление отступников от ислама и ни во что не ставили шариат[1].

§ 2. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЭПОХИ УЛУГБЕКА

XV в. для Средней Азии является периодом ожесточенной борьбы двух мировоззрений; представителем одного из них, ориентированного на разумное соотношение религиозных установок и требований жизни, был внук Тимура — Улугбек, сорок лет правивший в бывшей столице Тимура Самарканде; представителем другого, фанатически бескомпромиссного был «его младший современник, дервиш из ордена Накшбандиев — Ходжа Ахрар, через два года после смерти Улугбека воспользовавшийся своим религиозным авторитетом для захвата политической власти и в течение сорока лет также правивший страной через подставных лиц из действительных или мнимых потомков Тимура»[2].

---

[1] Хондамир. Ахбоб-и аль-асир.— Т. III.— Ч. 3.— Тегеран, 1854.— С. 199-200; Джами. Нафохат ул-унс.— Калькутга, 1858.— С. 690.

[2] Бартольд В. В. Улугбек и Ходжа Ахрар. «Записки Восточного отделения Русск. археол. об-ва».— Т. XXIII.— СПб. 1916.— С. VII.

Среди научных дисциплин, которыми интересовался Улугбек, особое место принадлежало астрономии. Поэтому спустя четыре года после окончания строительства медресе, было начато строительство обсерватории, т. к. последняя мусульманская обсерватория, построенная в 1259 г. в Мераге по инициативе Насира ад-Дина Туси, уже в первой половине XIV в. лежала в развалинах.

Абу Тахир Ходжа Самарканди так описывает это событие: «Через четыре года после основания медресе Мирза Улугбек, посоветовавшись с Казы-Заде Руми, Мавляном Гиясаддином Джемшидом и Мавляном Муинаддином Каши, воздвиг у подошвы Кухака, на берегу арыка Аб-и Рахмат здание обсерватории, вокруг которой построил высокие худжры, а у подошвы холма разбил прекрасный сад, где и проводил большую часть своего времени»[1]. Тоже и у Бабура: «У подошвы Кухака Мирза Улугбек воздвиг огромной высоты трехэтажное здание обсерватории для составления астрономических таблиц».

Как говорил Алишер Навои, «все сородичи Улугбека ушли в небытие. Кто о них вспоминает в наше время? Но Улугбек протянул руку к наукам и добился многого».

Главным результатом научной работы Улугбека и его соратников являются «Новые астрономические таблицы», завершенные в основном в 1437 г., но работа над ними продолжалась до последних дней жизни Улугбека.

Работа состоит из обширного введения (теории) и собственно таблиц. Первая часть посвящена истории летосчисления у различных восточных народов, а вторая — вопросам практической астрономии; третья — изложению теории планет и небольшая четвертая часть — астрологии.

Возникновению «Новых астрономических таблиц» предшествуют следующие события.

Первый по времени каталог звезд был составлен Гиппархом. Он содержит сведения о положении 1022 звезд и помещен в Птолемеевом Альмагесте. Эти каталоги имеют громадную научную ценность и являются прекрасным источником для изучения движения небесных тел.

«По существу, после Гиппарха, вторым астрономом, составившим фундаментальный каталог звезд, был Улугбек. Его каталог имеет гораздо большую ценность, ибо он основан на положении звезд, действительно определенных в Самаркандской обсерватории. Он представляет по существу второй серьезный каталог за 16 столетий. Только два астронома поняли до XV в. важность звездных каталогов — Гиппарх и Улугбек»[2].

Со смертью Улугбека обсерватория прекратила свое сущест-

---

[1] Абу Тахир Ходжа. Самария. Перевод В. Л. Вяткина. СКСО на 1898 г.— Самарканд, 1899.— С. 170.

[2] См.: Кары-Ниязов Т. Н. Указ. работа.— С. 277-278.

вование. Ее здание и инструменты были уничтожены и растащены по частям. Коллектив ученых вынужден был бежать из Самарканда в другие страны Востока. Еще в XV— начале XVII вв. остов здания возвышался на холме Кухак[1]. Усилиями Али-Кушчи, который после смерти Казы-Заде Руми в 1437 г. стал помощником Улугбека, в 1437 г. работа над Зиджом была в основном завершена, о чем выше сообщалось, хотя и продолжалась вплоть до 1449 г. Это объясняется необходимостью выполнения намеченной ранее астрономической школой Улугбека 30-летней научной программы. С согласия Улугбека дальнейшую работу по этой программе в 1437—1449 гг. ведет его ученик Али-Кушчи. Именно в этот период проявляется организаторский талант Али-Кушчи. Его обширные познания в области астрономии и математики впоследствии были признаны современниками.

Безвременная смерть его учителя вынудила Али-Кушчи эмигрировать в Турцию. Благодаря Али-Кушчи «Зидж-и Гурагони» и ряд других ценных рукописных книг оказались сохраненными и ныне стали достоянием мировой культуры.

Несмотря на то, что среднеазиатская историография эпохи Улугбека весьма богата, к сожалению, многие труды самаркандской научной школы XV в. до нас не дошли: часть из них утеряна, часть в свое время была уничтожена, лишь небольшая их часть является украшением немногих крупных библиотек мира. К ним относится труд Али-Кушчи «Трактат по арифметике».

Эта работа написана на таджикском языке и состоит из 3-х частей. Она посвящена истории математики Индии и охватывает отдельные проблемы средневековой астрономии[2]. Хранится в Лейденской библиотеке, а также в ИВ АН УзССР. «Трактат по астрономии» хранится в ИВ АН Узбекистана, в 1975 г. был издан в Ташкенте с переводом на узбекский язык. После переселения в Стамбул Али-Кушчи перевел с таджикского на арабский язык свой «Трактат по астрономии» и преподнес султану Турции Мухаммеду II. Им также была написана «Фатхия», которая хранится в библиотеках Софии, Парижа и Стамбула. Умер Али-Кушчи в 1474 г. в Стамбуле.

В начале XVII в. труды Улугбека и ученых самаркандской школы стали проникать и в Европу.

Первым исследователем Зиджи Улугбека был профессор Оксфордского (Англия) университета Джон Гривс (1602—1652 гг.) Гривс был крупным ученым-исследователем, знал много языков (латинский, арабский, фарси-дари). Он много путешествовал и в 1638 г. побывал в Стамбуле, где приобрел «Зидж-и Гурагони» и на ее основании в 1643 г. составил свой каталог звезд и одновременно в 1650 г. издал первую часть Зиджи Улугбека — хронологию.

---

[1] Кухак — название холма, где сейчас стоит обсерватория и монументальный памятник Улугбеку в г. Самарканде.

[2] Карыев Т. Н. Астрономическая школа Улугбека.— М. 1950.— С. 95.

Каталог звезд Улугбека впервые полностью был переведен востоковедом того же университета Томасом Хайдом и издан в 1665 г. в Оксфорде. Труд Томаса Хайда заложил основу для дальнейшего научного исследования «Зидж-и Гурагони» в Европе. Например, издание Яна Гевелия в 1690 г. «Вестник астрономии» также опирается на труд Томаса Хайда. Научный сотрудник астрономии Гринвич (Англия) Д. Флемсгид (1646—1715 гг.) подготовил к изданию новую редакцию «Зиджи» Улугбека. Книга была издана в 1725 г. после смерти ученого.

В 1767 г. был повторно переиздан труд Т. Хайда, а в 1843 г. в третий раз его переиздал востоковед Ф. Бейли (1774—1844 г.).

В 1839 г. французский востоковед Л. А. Седийо (1808—1876) издал сначала частично, а потом в 1847—1853 гг.— ее «Введение» с переводом на французский язык. Американский востоковед Э. Б. Нобл в 1917 г. в США издал ее под названием «Зижи жадиди сулгони»[1].

Улугбеку принадлежат составленные им астрономические таблицы, которые вместе с таблицами Насир ад-Дина ас-Туси были впервые изданы в 1652 г. в Лондоне. Вышеизложенное дает основание утверждать, что как ученый Мирзо Улугбек опередил свое время. Ученые Западной Европы познакомились с научным наследием Улугбека благодаря вышеназванным публикациям Дж. Гривса (1648), Т. Хайда (1665), Я. Гевелия (1690), лишь в XVII в. К этому времени Самаркандская обсерватория уже исчезла с лица земли[2].

Улугбек вошел в историю как просвещенный правитель, астроном и дипломат. Однако, мало кто знает, что Мирзо Улугбек (см. исследования известного узбекского востоковеда Бури Ахмедова) был достаточно эрудированным историком своего времени. Его исторический труд «Тарих-и арбаъ-и улус» («Турт улус тарихи»— «История 4-х улусов») занимает важное место в культурном наследии народов Средней Азии и Востока. К сожалению, этот труд полностью не сохранился, но отдельные части дошли до наших дней и хранятся сейчас: два экземпляра в Оксфордской и Бодлеянской библиотеках Англии, третий экземпляр в библиотеке г. Банкинур (Индия) и четвертый экземпляр хранится в библиотеке Гарвардского университета (США). В «Истории четырех улусов» сжато, но четко дается предыстория тюрко-монгольских племен и деятельности их легендарного правителя Угизхана, а затем излагаются основные исторические события, связанные с жизнью 4-х улусов империи Чингисхана после его смерти в 1227 г. Они занимали следующие ареалы: великий улус (Монголия и Северный Китай), улус Джучиев (тер. от о. Балхаш до Среднего Поволжья и Западной Сибири), улус Чагатая (Се-

---

[1] Ахмедов Бурибай. Улугбек. Эссе.— Ташкент, 1989.— С. 230—233.

[2] Булатов М. С. Обсерватория Улугбека в Самарканде. Историко-астрономические исследования.— М. 1986.— С. 200.

миречье, Кашгария, Мавераннахр и северные территории современного Афганистана) и наконец улус ильханцев (Иран, Ирак, Азербайджан).

В XV в. в Средней Азии получила широкое развитие и историческая мысль. Здесь жили и творили историки: Хафиз-и Абру, Абдураззак Самарканди, Мирхонд, Хондамир, Исфизари, Давлат-шах и многие другие. Их труды являются ценнейшими источниками Среднеазиатской историографии XV в. Например, в «Зубдатат таварих» («Сливки летописей») Хафиза Абру исторические события доводятся до 1427 г. Его как бы непосредственно продолжил Абдураззак Самарканди (умер в 1482 г.), написавший «Матла ас-саадийн ва маджма ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых созвездий и место слияния двух морей»), изложение событий в котором завершается 1471 годом.

В этой книге описываются исторические события от рождения хулагида Абу Саида до Абу Саида тимурида, т. е. с 1304 по 1469 гг. Труды Мирхонда (ум. в 1498 г.) «Раузат ас-сафа» («Сад чистоты») и его внука — Хондамира «Хабиб-ас-сийяр» посвящены истории царствования султана Хусейна. Исфизари в 1491 г. написал историю Герата, а Давлат-шах-и Самарканди посвятил свой труд «Тазкират аш-шуара» Алишеру Навои (1441—1501 гг.). В «Тазкират аш-шуара» содержатся сведения более чем о ста поэтах[1].

Говоря об историографии народов Средней Азии конца XIV—XV вв., следует отметить, что остатки обсерватории и замечательные архитектурные памятники Самарканда и Бухары привлекали и привлекают внимание ученых всего мира. В связи с этим, в историографическом плане нам хотелось бы ознакомить читателей с наиболее важными, на наш взгляд, историографическими трудами В. Л. Вяткина, В. В. Бартольда, Т. Н. Кары-Ниязова и др., посвященных эпохе Улугбека.

В 1908 г. В. Л. Вяткин при разборе одного вакуфного документа середины XVII в. обнаружил точные границы «тал-и-расад», известные в настоящее время под названием арыка Аб-и Рахмат и местность Накш-и джахан. «Документ этот давал настолько точные и вполне определенные указания на место расположения обсерватории, что отыскать в натуре холм, упоминаемый в документе, трудности не представляло»[2]. Отчеты о раскопках обсерватории Улугбека в 1908 и 1909 гг. были доложены В. Л. Вяткиным на заседании Русского комитета для изучения Средней Азии и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

Раскопки, начатые в 1908 г., в первые же дни позволили Вят-

---

[1] См.: История Узбекской ССР.— Ташкент, 1974.— С. 101—102.

[2] Отчет Вяткина В. Л. См.: «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях». С. П, № 1.— СПб. 1912.— С. 76.

кину обнаружить круговую стенку толщиной в один кирпич, высотой около двух метров и три параллельно расположенные лестницы, разделенные двумя кирпичными барьерами, круто уходящими вниз, в траншею, вырубленную в скальном основании сооружения. Постепенно очищая лестницу, археолог достиг части гигантского квадранта — главного астрономического инструмента обсерватории. Дальнейшими исследованиями было установлено, что здание обсерватории было круглым с диаметром более 48 м, а радиус меридианной дуги составил 40, 212 м[1].

Открытие В. Л. Вяткина, безусловно имело всемирное значение. Личность самого Улугбека и его роль в трудах Самаркандской обсерватории привлекали внимание академика Бартольда как ориенталиста-востоковеда, и он первый создал монографию об эпохе Улугбека. Монография «Улугбек и его время» была написана к началу 1915 г. и опубликована в 1918 г. Эта работа является как бы продолжением работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

Содержание этой работы хронологически шире ее названия: в первой и второй главах В. В. Бартольд дает сжатую характеристику чагатайского государства и государства Тимура. Зная о недостаточности материалов о детстве и отрочестве Улугбека, В. В. Бартольд в третьей главе ссылается почти на все доступные ему источники, характеризующие этот период жизни будущего правителя Средней Азии и всемирно-известного ученого. Четвертая и пятая главы монографии посвящены внешней и внутренней политике правителя Мавераннахра, шестая глава посвящена ученым занятиям и личной жизни Улугбека, а седьмая глава — концу жизни правителя и началу новой эпохи в жизни Средней Азии.

Одной из лучших страниц в книге является характеристика Ходжи Ахрара, «деревенского шейха», возглавившего силы реакции в последние годы жизни Улугбека, а затем стоявшего в центре политической жизни Средней Азии в течение почти 40 лет. Следует отметить, что вне сферы внимания автора остались некоторые важнейшие стороны социально-экономической жизни.

«Улугбек и его время» является одной из тех работ В. В. Бартольда, которые почти не устарели и по сей день, хотя автор позднее сам признавал, что «материал, составляющий предмет этой монографии, исчерпан в ней не вполне; один из пробелов, потом замеченных и отчасти исправленных мною»[2], продолжали исследовать другие. В частности, после большого перерыва исследователь истории Самаркандской обсерватории В. П. Щеглов, основываясь на европейских источниках, пишет работу, в которой рассказывает об Улугбеке, как о выдающемся ученом, внес-

---

[1] Вороновский Д. Г. Астрономы Средней Азии от Мухаммеда ал-Хаваразми до Улугбека.— Ташкент, 1965.

[2] Бартольд В. В. Указ. работа.— С. 199.

шем большой вклад в мировую науку[1]. В следующем году издается брошюра М. Е. Массона «Обсерватория Улугбека», где автор увлекательно рассказывает о развитии астрономической науки Среднего Востока.

В изучение научного наследия Улугбека и его школы большой вклад сделал Г. Д. Джалалов, впервые выдвинувший гипотезу о научной программе самаркандских ученых во главе с Улугбеком[2].

Научный поиск, позволивший определить место и роль ученых средневековой Средней Азии в развитии астрономии дооптической эпохи, завершает в послевоенный период труд академика Т. Н. Кары-Ниязова, выдержавший несколько изданий на русском и узбекском языках.[3] «Астрономическая школа Улугбека» Т. Н. Кары-Ниязова, получившая Государственную премию СССР, является уникальным историографическим трудом об эпохе Улугбека. Из этой работы узнаем, что в 1914 г. В. Л. Вяткин вновь возобновил раскопки обсерватории Улугбека, но за неимением средств работы были прекращены. В 1941 г., в связи с изучением эпохи Навои, Комитет Навои (М. Е. Массон, Н. А. Сухарев) продолжал раскопки обсерватории, но с началом Великой Отечественной войны работы были приостановлены и начаты лишь в 1948 г. Институтом истории и археологии, во главе с В. А. Шишкиным.

В связи с 500-летием со дня рождения А. Навои в июне 1941 г. под руководством Т. Н. Кары-Ниязова была организована экспедиция для изучения погребений тимуридов в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде. Комиссия осуществила вскрытие могил 18 июня 1941 г. Как сообщает Кары-Ниязов, на надгробной плите имеется следующая надпись, дешифрованная проф. А. А. Семеновым: «Эта светоносная могила, это славное место мученичества, этот благоухающий сад, эта недосягаемая гробница есть место (последнего) успокоения государя, нисхождением которого услаждены сады рая, осчастливлен цветник райских обитателей,— он же,— просвещенный султан, образованный Халиф, помогающий миру и вере, Улугбек-султан,— да озарит Аллах его могилу!— счастливое рождение которого совершилось в месяцы 796 г. в Султанийе; в м-ц же зул-хидже 810 г. в «городе Безопасности», в Самарканде, он стал полновластным в наместническом достоинстве; подчиняясь приказанию Аллаха,— «каждый плывет до назначенного ему срока», когда время его жизни достигло положенного предела, а предназначенный ему судьбою срок дошел до грани, указанной неумолимым роком,— его сын

---

[1] Щеглов В. П. Астроном Улугбек. Правда Востока, 1940. № 278.

[2] Джалалов Г. Д. Обсерватория Улугбека в свете новых данных.— Науч. сессия АН УзССР 9—14. VI, 1947 г.— Ташкент, 1947; Он же. Гиясуддин Джамшид Чусти (Каши)— крупнейший астроном и математик XV в. Ученые записки ТашГПИ.— Ташкент, 1959, Вып. 7.

[3] Кары-Ниязов Т. Н. Астрономическая школа Улугбека.— М.— Л. 1950.

совершил в отношении его беззаконие и поразил отца острием меча (буквально — кинжала), вследствие чего тот принял мученическую смерть, направившись к дому милосердия своего всепрощающего господа. 10 числа м-ца рамазана 853 г. пророческой хиджри».

Комиссия также установила действительную причину смерти Улугбека. О последних минутах жизни Улугбека имелся подробный рассказ у историка Мирхонда, записанный со слов ходжи Мухаммада Хисрова, с которым Улугбек, согласно разрешению его сына Абдуллатифа, отправился в Мекку. Как пишет Мирхонд, в конце октября 1449 г. Улугбек верхом выехал из Самарканда с небольшой свитой в сопровождении названного ходжи. Не успели они утомить на первом перегоне своих лошадей,— пишет Мирхонд,— как их догнал какой-то чагатай и передал предписание — заехать в соседнее селение для снаряжения Улугбека в дальнее странствие.

Приехав в селение, Улугбек и его спутники расположились в одном из домов. Был холодный вечер. В пути до перевала Улугбек был весел и разговаривал обо всем. Но когда искра от разведенного костра попала на его плащ и плащ загорелся, Улугбек, посмотрев на огонь, сказал по-тюркски: Сен хем билдингми? (И ты тоже узнал?). После этого мысли Улугбека приняли мрачное направление. Ходжа Мухаммед Хисров пытался его успокоить. В это время в дом вошел Аббас[1] в сопровождении какого-то человека. Улугбек, увидев Аббаса, бросился на него и ударил его кулаком в грудь. Спутник Аббаса удержал Улугбека, а за это время Аббас успел принести веревку, связал Улугбека и велел ему помолиться перед смертью. Все спутники Улугбека попрятались по углам; Аббас посадил Улугбека у горевшего фонаря и одним ударом меча покончил с ним; ходжа и нукеры вернулись в Самарканд. Так на 52-м году жизни 27 октября 1449 г. Улугбек был убит.

Как свидетельствует Т. Н. Кары-Ниязов, при вскрытии останков Улугбека было действительно установлено, что его голова была смещена к западной стороне и повернута основанием вверх, причем в естественной связи с черепом оказались три шейных позвонка. Последний из них носил явный след среза острым рубящим орудием. Большая часть костей оказалась прикрытой в несколько рядов остатками ткани. По мнению Кары-Ниязова, эта ткань является остатком покрывала. На наш взгляд, это остатки одежды Улугбека, которая была на нем в момент убийства.

Возникает вопрос, взяли ли ходжа Мухаммад Хисров и другие сопровождавшие Улугбека лица его тело; где, когда и кем

---

[1] Подробный рассказ о смерти Улугбека составил средневековый историк Мирхонд. Согласно этому рассказу Аббас является сыном Саид Ошика — видного представителя мусульманского духовенства Самарканда. Саид Ошик по приказу Улугбека был казнен в начале 40-х годов XIV в. См.: Мирхонд. Китоб-и таърих. Равзат аль-сафо. Бомбей, 1244 г. х. (1849 г.), лл. 365 б—366 а.

было совершено первое погребение? Это пока неизвестно. По свидетельству Давлат-шаха Самарканди Улугбек был убит на берегу речки (или канала) (сувх по-арабски, а по-фарски — дарий-сихоб — черная вода) 8 рамазана 853 г. (25 октября)[1].

Убив своего отца, Абдуллатиф затем умертвил своего брата, чтобы устранить возможного претендента на тимуридский трон, который он уже давно стремился занять. Его поддерживали представители мусульманского духовенства и руководители дервишских обществ, которые ненавидели Улугбека, считая, что он недостаточно фанатично соблюдает установки ислама. Однако, междоусобная борьба за власть и активное вмешательство мусульманского духовенства в жизнь страны привели к новому заговору. В пятницу 8 мая 1450 г. и Абдуллатиф был убит и на престол был возведен один из тимуридов — Мирза Абдулла.

Согласно данным среднеазиатской историографии, после сурового правления Абдуллатифа для самаркандцев в правлении Мирзы Абдуллы вернулись времена сравнительно мягкого правления Улугбека. Поэтому академик Бартольд считает, что при Абдулле, вероятно, и произошло перенесение останков тела Улугбека в Гур-Эмир и по его приказу составлена вышеназванная надгробная надпись, где с явным осуждением упоминается отцеубийца Абдуллатиф.

В 50—60 годах XV столетия наблюдается усиление религиозного фанатизма и влияния реакционного духовенства и дервишества. Не только Самарканд и Бухара, но и вся Средняя Азия стала терять свое значение экономического и научного центра стран Востока. Можно с уверенностью сказать, что сорокалетнее правление ученого на троне — Улугбека, много внимания уделявшего развитию науки и культуры, сменилось сорокалетним господством крупнейшего феодала Ходжи Ахрара, одной из спорных и противоречивых фигур в истории Средней Азии XV века. Для примера можно привести следующие факты:

1. Наиболее влиятельными шейхами во времена Улугбека были Мухаммад Порса (духовный наставник А. Джами) в Бухаре; Хасан Аттар[2] в Самарканде, Якуб Чархи в Бадахшане и Чаганиане. Последние два считались наставниками Убайдуллы Ходжи Ахрара, сыгравшего значительную роль в культурной жизни Средней Азии в годы царствования Абу-Саида (1451/1469 гг.) и его сына Султана Ахмеда (1469—1494 гг.);

2. По словам А. Джами, у Ходжи Ахрара было до 1300 земельных владений, причем некоторые из них равнялись 3000 джуфтигару (работа 2-х быков за день), в разных областях Сред-

---

[1] Из надгробной надписи нижнего этажа мавзолея Гур-Эмир. В верхней части могилы Улугбека, в отличие от других, нет надгробного камня, что послужило предметом острой дискуссии на страницах печати, телевидения УзССР в 1981-1982 гг., в которой активное участие принимал и автор этой работы.

[2] Хасан Аттар предпочел уйти от Улугбека в Герат к Шахруху, а потом в Шираз.

ней Азии. Подразумевались не мелкие участки, а целые земельные массивы. Ушр (рента — налог в размере 0,1 урожая) с участков одной Самаркандской области, который вносил Ходжа Ахрар в казну, равнялся 80 тыс. самаркандских манов, т. е. 1600 тоннам зерна, из расчета 20 кг за ман. Это значит, что основная часть доходов принадлежала Ходже Ахрару. С этих 1300 участков каждый управляющий собирал по 10—30 тыс. батманов, т. е. с каждого из 1300 земельных участков собиралось от 200 до 800 тонн зерна[1].

По сведениям из малоизученного источника «Мусаммос», у Ходжи Ахрара однажды собрались с отчетом все управители и выяснилось, что со всех уделов собирали не менее 10000 манов дохода[2]. Купцы, находившиеся в зависимости от Ходжи Ахрара, поддерживали торговые отношения с Восточным Туркестаном, Хорасаном и странами Ближнего Востока. За финансовой поддержкой к нему обращались правители Мавераннахра, даже правители такого крупного масштаба, как Абу-Саид. Ходжа Ахрар был очень сильной личностью, умел подавить волю своего собеседника, подчинить его своему влиянию[3].

Автор «Рашахат-и-айн-и-л-хайят» описывает следующий эпизод. Однажды Али-Кушчи в сопровождении девяти своих учеников явился к Ходже Ахрару, а тот, увидев их, сказал: «Вот идет собака с девятью щенятами». После чего Али-Кушчи вынужден был уехать вначале в Азербайджан, а затем в Стамбул. Он увез с собой немало рукописных книг, в том числе и «Предисловие» к астрономическим таблицам Улугбека.

Работа Т. Н. Кары-Ниязова, как завершающая послевоенный этап научных поисков наших ученых, получила признание общественности.

ГЛАВА 6. СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVI — первой половины XIX вв.

§ 1. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ О СРЕДНЕЙ АЗИИ XVI—конца XVIII вв.

Советская историография сделала немало по изучению истории Средней Азии средних веков. Но «по сей день мы не имеем специальных исследований по источникам древнего периода истории Средней Азии, а об историографических исследованиях не приходится и говорить»,— справедливо отмечает советский востоковед Б. Ахмедов в своем капитальном труде «Историко-

---

[1] Гафуров Б. Таджики.— М.: Наука, 1972.— С. 493-494.
[2] История народов Узбекистана.— Т. I.— С. 387.
[3] Там же.— С. 393.

географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники)», изданного в 1985 г. в Ташкенте.

Историографическая неразработанность среднеазиатской истории объясняется не отсутствием источников, скорее наоборот, их многообразием. Тем не менее, история среднеазиатских народов с XVI в. до середины XIX в. является одним из наименее разработанных разделов истории нашей страны. В дореволюционной историографии Средней Азии данному вопросу уделялось относительно мало внимания. Дореволюционные востоковеды России сосредоточили основное внимание на изучении более ранних периодов (после Тимура и тимуридов). В советское время, только в последние 20—30 лет появились ряд ценных исследований, но достаточно подробного и систематизированного обзора истории среднеазиатских народов XVI—XIX вв., который основывался бы на многочисленных первоисточниках, немного. К ним можно отнести труды Б. А. Ахмедова, Б. Г. Гафурова, Е. А. Давидович, Х. З. Зияева, Р. Г. Мукминовой, А. М. Мухтарова, О. Д. Чехович и др.[1]

Важным подспорьем для изучающих историографию истории среднеазиатских народов могут служить книги из серии «История Узбекистана в источниках», первая из которых (древняя история Средней Азии) увидела свет в 1984 г. В 1988 г. из этой серии изданы «Известия путешественников, географов и ученых XVI—первой половины XIX в.,» составленные знатоком среднеазиатской истории Б. В. Луниным[2]. Во «Введении» автор отмечает, что во все века Самарканд и Бухара пользовались международной известностью. С древних времен через Среднюю Азию проходили важнейшие торговые пути из стран Дальнего Востока в Переднюю Азию и в Европу. Открытие в XV в. Америки и морского пути из Европы в Индию изменило основные направления мировой торговли, и Средняя Азия постепенно удалялась от основных и крупных торговых операций и международных культурных связей[3]. Этому также способствовал насаждавшийся исламом религиоз-

---

[1] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XV-XVIII вв. (Письменные памятники).— Ташкент, 1985; История Балха (XVII—XVIII вв.).— Ташкент, 1982; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.— М. 1972; Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.— М. 1970; Зияев Х. З. Ўрта Осиё ва Волга бўйлари (XVI—XIX асрлар).— Ташкент. 1965; Мукминова Р. М. К истории аграрных отношений в Узбекистане в XVI в. По материалам «Вакф-наме».— Ташкент, 1966; Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в.— Ташкент, 1976; Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV — начало XVI в.— Ташкент, 1985; Мухтаров А. М. Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII-XVIII вв.— М. 1963; Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве.— Ташкент, 1954; Самаркандские документы XV—XVI вв.— М. 1974.

[2] Лунин Б. В. История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI— первой половины XIX в.— Ташкент. 1988.

[3] Лунин Б. В. Указ. работа.— С. 4. (см. стр. 157, пункт 2. Лунин Б. В. и т. д.)

ный фанатизм, считавший всякие связи с иноверцами величайшим преступлением[1].

«Так или иначе, но остается фактом,— пишет Б. В. Лунин,— что в силу сложившихся обстоятельств еще в XVI—XVIII вв. и даже несколько позже запас достоверных и разносторонних знаний о Средней Азии в Западной Европе и России, а о них — в Средней Азии, оставлял желать лучшего, хотя тенденция к росту таких знаний начинала проявляться со все большей силой»[2].

Источники по истории народов Средней Азии XVI—XIX вв. многочисленны и разнообразны. Нашу работу во многом облегчил востоковед Б. А. Ахмедов, который в своем труде рассматривает более пятидесяти ценных восточных рукописей XVI— начала XX в. исторического, геокосмографического, мемуарного и биографического содержания, богатых разнообразными сведениями по истории Средней Азии XVI— первой половины XVIII вв.[4] Во втором разделе своей работы Б. А. Ахмедов приводит сведения русских и иностранных послов о Средней Азии — Антония Дженкинсона, И. Д. Хохлова, братьев Пазухиных, Флория Беневени и Хрисанфа — митрополита Новопатрасского[4], содержащие ценнейшие материалы о русско-среднеазиатских взаимоотношениях в XVI—XVIII вв. Эти данные позволили сопоставить персидско-тюркско-арабоязычные источники для уточнения имеющихся исторических сведений.

Б. А. Ахмедов стремился выявить факты и события, облегчающие задачу исследователей при работе над первоисточниками, а такая работа, как известно, весьма трудоемкая и ответственная, делает его источниковедческую работу вдвойне ценной. Он старался соблюдать важное условие историографической науки — сопоставить и дать возможность тщательно проверить имеющиеся факты, для чего в свой обзор включил несколько сочинений, касающихся одного и того же отрезка времени. К ним относятся, например, «Таварих-и гузиде, нусрат-наме», «Фатх-наме», «Шайбани-наме», Мехман-наме-йи Бухара», «Зубдат ал-асар», «Бадаи ал-вакаи» и др.

Автор поступил правильно, включив в данную работу некоторые историографические очерки по уже изданным источникам.

---

[1] Бартольд В. В. Памяти В. В. Радлова. 1887—1918 // Бартольд В. В. Сочинения.— Т. IX.— С. 683.

[2] Лунин Б. В. Указ. работа.— С. 14.

[3] Ахмедов Б. А. Указ. работа.— С. 5.

[4] Хрисанф, митрополит Новопатрасский по национальности грек, из венецианских дворян; был митрополитом Новых Патр, расположенных неподалеку от Афин. В 1784 г. он был уволен с должности после чего отправился в Сирию, чтобы обозреть Ливонские монастыри. Оттуда Хрисанф направился в Алеппо (Халаб) и, присоединившись к английским купцам, поплыл по Евфрату, а затем прибыл в индийский порт Сурат. Дальнейший его путь лежал в Среднюю Азию, куда он прибыл через Индию, Кашмир, Кабул и Балх. Побывал он в Самарканде и Бухаре, а оттуда прибыл в Хиву, где был задержан и прожил целый год. После разрешения хивинского хана он уехал в 1792 г. в Астрахань на купеческом судне.

К их числу относятся «Таварих-и гузиде, нусрат-наме» (факсимильное издание), «Михман-наме-йи Бухара», «Дастур ал-мулук», «Тарих-и Муким-хани», «Убайдаллах-наме» и «Тарих-и Абул-Файз-хан». Вместе с тем, автор не ставил перед собой специальную задачу сравнить и сопоставить сведения источников по одному и тому же событию. Такая работа является задачей особого исследования. К тому же в данной работе не охвачены все письменные памятники по рассматриваемому периоду истории Средней Азии, предпочтение отдавалось более полным, достоверным и ценным сочинениям, отражающим наиболее яркие периоды истории народов Средней Азии.

В то же время «проведение такого рода исследований и по другим периодам истории Средней Азии,— справедливо пишет Б. А. Ахмедов,— например, по периоду арабского владычества (VIII—IX вв.), по периоду развитого феодализма (X—XV вв.), по новому и новейшему периодам (XIX— первая четверть XX в.) явилось бы значительным вкладом в науку и способствовало бы скорейшему введению в научный обиход бесценных письменных памятников, хранящихся в собраниях рукописей СССР и зарубежных стран».

Кратко проанализируем некоторые из этих работ, которые более или менее доступны широкому читателю, например, «Таварих-и Гузиде, Нусрат-наме» (избранная история, книга побед).

Во второй половине XV в. в Дашт-и кипчаке[1] шла острая борьба между кочевой феодальной знатью и верховной властью. После смерти Абдулхайр-хана (1428—1468) кровопролитные междоусобные войны особенно усилились. Только с приходом к власти его внука — Абдулхайр-Шейбани (1488—1510) феодальные смуты прекратились. Он первым выступил на борьбу с тимуридами. Передвижение кочевых узбеков вглубь культурных районов Средней Азии в конце XV— начале XVI было сложным. Для понимания степени сложности исторической обстановки того времени, причин роста недовольства народных масс Мавераннахра, восстаний в Самарканде, Бухаре, Оше, Аксы, Андижане, Карши, Кеше, Каракуле и многих других городах и регионах Средней Азии находим интересные факты в «Нусрат-наме». Например, данных о каракульском восстании народных масс нет ни в одном источнике XVI в.

Ученые, занимающиеся этногенезом узбекского народа, этническим составом населения Средней Азии XV—XVI вв. также могут почерпнуть интересные сведения из этой книги.

---

[1] Дашт-и кипчак — кипчакская степь; кипчаками называется у мусульманских писателей народ, известный в русских летописях под именем половцев. Среди тюркских племен есть племя или род кипчак. Кипчаки впоследствии вошли в состав узбеков, казахов, каракалпаков и киргизов. Об этом более подробно см. статью В. В. Бартольда «Вместо ответа г-ну Лапину». Бартольд В. В. Сочинения.— Том. II,— Часть 2.— М. 1964.— С. 306-309.

Династическая история, начиная от легендарного предка всех тюрков и монголов Огуз-хана и его потомков занимает первую часть «Таварих-и Гузиде». А вторая часть охватывает историю Чингисхана и чингизидов, историю Шейбани-хана от его рождения до утверждения на самаркандском престоле. Покорение шейбанидами всей территории Мавераннахра до 909/1503—1504 гг. описано в третьей части этого источника.

Книга создавалась между 1502—1505 гг. Написана она на староузбекском языке, как говорит, автор на языке тюрки, но сам он остается анонимным, что является предметом спора многих исследователей. П. И. Лерх считает автором Султана Валада, сына небезызвестного Джалаладдина Руми[1]. Это мнение далеко от истины. Р. Г. Мукминова, А. А. Семенов и В. П. Юдин полагают, что автором является сам Шейбани-хан[2]. А по мнению исследователя А. М. Акрамова, подготовившего комментарии, аннотированное оглавление и т. д., благодаря чему «Таварих-и гузиде, Нусрат-наме» в факсимиле была издана в 1967 г. в Ташкенте, автором был Мухаммед Солих[3]. Б. А. Ахмедов, доводы А. М. Акрамова считает не убедительными[4].

«Таварих-и Гузиде, Нусрат-наме» пока обнаружена в двух списках: первая рукопись находится в фондах ЛО ИВ АН России (В—745; 147 л.), а вторая — в Британском музее (OP. 32226; 148 л.). Оба списка в неудовлетворительном состоянии — с лакунами и пропусками. А. М. Акрамов в своем издании пытался исправить эти недостатки, но все-таки в нем оказались перепутаны отдельные листы, а иногда повторяются одни и те же факты и события.

Полного перевода «Нусрат-наме» на русский язык до настоящего времени нет. Переводы отрывков осуществлены С. К. Ибрагимовым и В. П. Юдиным. «Таварих-и Гузиде, Нусрат-наме» довольно полно исследованы В. В. Бартольдом, А. А. Семеновым, С. К. Ибрагимовым, Р. Г. Мукминовой, С. А. Азимджановой, К. И. Петровым, Б. А. Ахмедовым и А. М. Акрамовым в их научных исследованиях.

В будущем создание научно комментированного текста путем перекрестного сопоставительного анализа, его перевода на русский язык сделает этот источник более доступным широкому читателю.

---

[1] Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г.— СПб. 1870.— С. 11.

[2] Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме».— Ташкент, 1966.— С. 62; Семенов А. А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр.— МИТУ ТИИАЭТ.— Т. XII.— Сталинабад, 1964,— С. 113; Таварих-и Гузиде, Нусрат-наме. Перев. В. П. Юдина. В. кн.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969.— С. 10-12.

[3] «Таварих-и Гузиде, Нусрат-наме» как источник по истории Узбекистана XV— начала XVI вв.— ОНУ, 1964. № 5.— С. 48—51.

[4] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. Письменные памятники.— Ташкент, 1985.— С. 12-15.

Шейбани-наме (книга о Шейбани)

Рукопись «Шейбани-наме» посвящена истории Шейбани-хана. Ее авторство приписывается известному поэту и историку XVI в. Камаладдину Бинаи. Ценнейший экземпляр этой рукописи хранится в фондах ИВ АН Узбекистана. Многие ученые считают, что большая часть этой работы собственноручно переписана самим Шейбани-ханом.

Согласно сообщению востоковеда А. Мирзоева, Бинаи (полное его имя Али ибн ал-Мухаммад ал-Харави) родился в Герате в 857/1453 г. в семье миъмара — архитектора устада Мухаммад-хана Сабза[1]. О детстве и школьных годах Бинаи почти ничего неизвестно. В 900/1495 г. семья Бинаи поселяется в Самарканде. Современники Бинаи — Навои, Бабур, Хондамир и др., очень высоко отзываются о его творческих способностях[1]. Псевдоним Бинаи указывает на профессию поэта, историка Мухандиса — специалиста в области строительства и архитектуры. Балхский ученый XII в. Мухаммад Тахир сообщает, что Бинаи с отцом в 866 г. (1481 г.) работали над сооружением мавзолея-надгробия Али ибн Абу Талиба в Балхе[3]. Продолжая свой рассказ, автор с восхищением пишет, что «над этой священной гробницей работал со своим отцом господин глава архитекторов, мавлана Бинаи, который был славным в науке, особенно в науке возведения зданий. С тех пор прошло 170 лет, а к этому зданию не пристала никакая порча»[4].

Проживая в Самарканде, Бинаи невольно был свидетелем исторических событий 1496—1500 г. Борьба за власть между Бабуром и Шейбани-ханом переплеталась с борьбой за передовые умы своего времени. К их числу можно отнести Махдуми Аъзама Косони (Дахбеди).

Прибыв в Самарканд, Бинаи вначале служил у Шейбани-хана, а в период 100-дневного правления Бабура в Самарканде перешел на службу к нему. После поражения Бабура в феврале-марте 1498 г. он ушел с его отрядом. Затем Бинаи вновь поступает на службу к кочевым узбекам. Но Бабур продолжает борьбу, и Бинаи снова становится его союзником. Битва в июле 1501 г. окончательно решила судьбу Бинаи и Махдуми Аъзама

---

[1] Мирзоев А. Бинои. Сталинабад, 1957,— С. 104.

[2] Навои А. Маджалис ан-нафаъис. Соч. в 15-ти томах.— Т. 12 Ташкент, 1966;— С. 74; Бабур-наме, изд. М. А. Салье.— Ташкент, 1958.— С. 103. 212; Хондамир. Хабиб ас-сияр. Бомбей, 1273/1857.— Т. Ш.— Ч. 3.— С. 343.

[3] Али ибн Абу Талиб (656—661 гг.)— четвертый правоверный халиф. После смерти пророка Мухаммада в Медине в 632 г. его преемниками в руководстве мусульманской общиной (уммат ал-ислам) стали последовательно четыре его сподвижника. Все они были связаны с ним либо узами кровного родства, либо через браки: Абу Бакр (632 г.), Умар ибн ал-Хаттаб (634 г.), Усман ибн Аъффан (644 г.) и Али ибн Абу Талиб (656—661 гг.). Всех их называют в истории омейядскими халифами.

[3] Ахмедов Б. А. Указ. работа.— С. 18

Дахбеди. Они остались жить на своей Родине. Бинаи утверждается хронистом двора Шейбани-хана и получает специальное задание — составить историю правления Шейбани-хана и его победоносных войн. Бинаи успешно справился с этой задачей. Но продолжение междоусобных и феодальных войн привело к гибели не только Шейбани-хана, но и Бинаи. Он погиб в 918/1512 г. при вторжении в город иранцев и войск Бабура, которые поголовно истребили все население. По сообщению историка Махмуда ибн Вали (первая половина XVII в.), Бинаи похоронен за оградой соборной мечети в г. Карши[1].

«Шейбани-наме» Бинаи широко и уже давно используется исследователями (Э. Г. Броун, К. Г. Залеман, А. Н. Самойлович, М. А. Салье, А. А. Семенов, А. Н. Болдырев, Р. Г. Мукминова, А. М. Мирзоев, С. К. Ибрагимов, Б. А. Ахмедов и др.). Этот ценный труд, за исключением отдельных извлечений в переводе на русский язык, выполненным С. К. Ибрагимовым и К. А. Пищулиной, также еще не издан.

По сообщению Бинаи, еще в 1494—1500 годах обсерватория Улугбека была целой и величественно возвышалась у подножия Кухака[2]. Эти сведения Бинаи совпадают с сообщением Бабура о том, что он видел постройку мирзы Улугбека — обсерваторию у подножия холма Кухак, где находится инструмент для составления звездных таблиц. Это означает, что на рубеже XVI в. обсерватория Улугбека с ее инструментами еще сохранилась. Поэтому ошибочное мнение о разрушении и разграблении обсерватории после убийства Улугбека (8 рамазана 853/25 октября 1449 г.) противоречит историческим источникам.

Несколько слов следует также сказать об авторе другого сочинения «Шейбани-наме» Мухаммаде Салихе. Из исторических источников выясняется, что Мухаммад Салих является внуком Шахмалика — одного из всесильных эмиров Тимура, а затем Шахруха, наставника Улугбека в первые годы его правления. Отец Мухаммада Салиха — Нур Саид-бек, находящийся долгие годы на службе у Улугбека, как и многие чагатайские беки, отказался повиноваться отцеубийце Абдуллатифу, а затем султану — тимуриду Абу Саиду (855/1451/52—873/1468/69 гг.), ушел в горы Нур, откуда осуществлял систематические набеги на окрестности Бухары и Самарканда.

Абдурраззак Самарканди сообщает о миротворческой роли Ходжи Ахрара, который неоднократно просил Нур Саид-бека и его союзника внука Улугбека-Мухаммада Джуки сложить оружие. В 1462 г. 5 октября после сдачи Мухаммад Джуки был заточен в зиндан, а Нур Саид-бек назначен правителем Хорезма, где прежде был правителем его отец. Но он правил недолго. Спустя четыре года, т. е. в 871/1466/67— Султан Хусейн вторгся

[1] Махмуд ибн Вали. Моретайн. Перевод, введение, примечания и указатели Б. А. Ахмедова.— Ташкент. 1977.— С. 79.

[2] Ахмедов Б. А. Указ. работа.— С. 21.

в Хорезм, а Нур Сайид-бек, не сумевший организовать ему отпор, был объявлен трусом, отозван в Герат и казнен[1].

Шамсиддин Сами, автор энциклопедического словаря «Камус ал-аълам» указывает что Мухаммад Салих был одним из прилежных учеников Абдуррахмана Джами[2].

Выше говорилось о приезде Бинаи в Самарканд —900/1494—1495 гг. Из «Бабур-наме» мы также знаем, что Бинаи и Мухаммад Салих служили у сына Ходжи Ахрара — Ходжи Яхъя. Это означает, что Бинаи и Мухаммад Салих оставили Герат в один и тот же год, т. е. до 901/1496 г. Но служба их у Мухаммада Яхъи была недолгой.

После смерти Ходжи Ахрара Яхъя стал единовластным обладателем всех его несметных богатств. Мухаммад Яхъя был последовательным единомышленником девятнадцатилетнего султана Бабура и хотел видеть его правителем Мавераннахра. Однако битва в апреле 1501 г. под Самаркандом завершилась победой Шейбани-хана и Бабур в том же году был вынужден окончательно покинуть Самарканд.

Войска Шейбани-хана вторично, теперь уже беспрепятственно, овладели Самаркандом. Еще при первом взятии Самарканда Шейбани-хан арестовал всех организаторов обороны города, в том числе и Мухаммада Яхъя. Узбекские эмиры требовали его казни. Но считаясь с авторитетом покойного Ходжи Ахрара (умер в 1494 г.), Шейбани-хан предложил Мухаммаду Яхъя отправиться на хадж в Мекку. Но по дороге группа заговорщиков из числа эмиров Шейбани-хана, якобы помимо его воли, убили Ходжу. На самом деле Шейбани-хан, зная о несметных богатствах семейства Ходжи Ахрара, был заинтересован в них, о чем свидетельствуют документы, отражающие раздел земель и уделов Ходжи эмирами. Львиная доля этих богатств досталась самому хану.

С 1501 г. до конца своей жизни Мухаммад Салих служил династии шейбанидов и умер в Бухаре в 941 (1534—1535 гг.). А стихотворная хроника Мухаммада Салиха, видимо, была написана в 911/1505 г. и по своему содержанию идентична с вышеупомянутым сочинением Камаладдина Бинаи.

По сообщению Б. А. Ахмедова, новое в сочинении Мухаммада Салиха по сравнению с «Шейбани-наме» Бинаи в основном заключалось в том, что он приводит сведения о выступлениях против Шейбани-хана в Каракуле, Карши и Гузаре (главы XX—XXIII); походе шейбанидов в Шахрухию, Ура-Тюбе, Фергану, Термез и т. д.; походах шейбанидов против Хорезма в 1503—1505 гг.

Представляет определенный интерес и обширный материал о бесчинствах кочевых узбекских феодалов и их воинов в Средней

---

[1] Ахмедов Б. А. Указ. работа.— С. 22-23.
[2] Камус ал-аълам.— Т. IV, Истамбул, 1311/1899—1894.— С. 2928.

Азии, и о тяжелом положении народных масс, завоеванных шейбанидами территорий.

Работа Мухаммада Салиха «Шейбани-наме» сохранилась в очень немногочисленных списках. Два ее списка хранятся в Венской библиотеке и в восточном отделе научной библиотеки Петербургского университета. Два основные издания этих рукописей выполнены — в 1885 г. Г. Вамбери и П. М. Мелиоранским в 1908 г. В 1961 г. эта работа была издана на современном узбекском языке поэтом и филологом Н. Даврановым[1].

Тарих-и Муким-хани (История Муким-хана)

История Бухарского ханства времен династии аштарханидов освещается в книгах «Тарих-и Муким-хан» и «Убайдулла-наме». Автором первой является Мухаммад Юсуф, сын Ходжи Бака.

По идее автора, «Тезкира-йи Мукими-хани» (Жизнеописание Мукимхана) должно было состоять из двух частей. Первый том автор начал составлять после восшествия на балхский престол аштарханида Мухаммада Муким-хана — в первый день джумада 1 1109/15 ноября 1697г. и закончил его после 1116/1704 г. Автор надеется, что если «пламя (его) жизни не погасит пронзительный ветер случайности мира, и резвого коня его дней не захлестнет потоп волн моря небытия» (С. 232), то он опишет события в Балхе и Бухаре после 1116/1704—1705 гг. Видимо, надеждам автора не суждено было сбыться, осуществить свой замысел он не успел.

Первый том «Тарих-и Муким-хани» состоит из введения и трех глав. Во введении автор дает сжатую историографию вопроса. В первой главе кратко излагается политическая история Средней Азии XVI века. Вторая и третья главы книги охватывают основное содержание исторических событий, весьма подробно и обстоятельно описывается политическая и социально-экономическая, духовная и культурная жизнь Балха и Бухары до начала XVIII в. В третьей главе отражены различные политические события 1704—1705 гг. и взаимоотношения Бухарского ханства и Балха с соседними и сопредельными странами, усиление их влияния на Термез, Хисар и правобережные районы Амударьи.

Этот труд стал известным в Европе еще в начале XIX в. Извлечение из него было опубликовано в труде Сенковского в 1824 г.[2]

Большинство исследователей относят «Тарих-и Муким-хани» к ценнейшим источникам по истории Средней Азии конца XVI— начала XVII вв. Поэтому, большая часть списков, ныне хранящихся в рукописехранилищах мира (СНГ, Англии, Франции — их свыше 60), переписана в XIX в. В 1860—1861 гг. они были переведены на узбекский язык, частично на французский

---

[1] Мухаммад Салих. Шейбани-нома. Нашрга тайёрловчи Насрулла Даврон.— Тошкент, 1961.

[2] История народов Узбекистана.— Т. 2.— Ташкент, 1947.— С. 11.

(И. И. Сенковским) и русский (А. А. Семеновым, Н. Г. Малицким)[1].

«Тарих-и Муким-хани» находилась в центре внимания Европейских востоковедов — Сильвестра де-Саси, Карла Риттера, Германа Вамбери. По словам Б. В. Бартольда, она «долгое время оставалась для европейцев единственным источником по истории Бухарского ханства»[2]. Труд полностью переведен на русский язык и издан с обстоятельным предисловием и примечанием А. А. Семеновым.

Наме-йи Аламара-йи Надири (Надирова мироукрашающая история)

Сочинение Мухаммада Казима —«Наме-йи Аламара-йи Надири» является одним из замечательных памятников персоязычной историографии XVIII в. События, связанные с вторжением в пределы Мавераннахра иранского шаха Надира (1736—1747), основателя династии афшаридов, вызвавшие окончательное падение власти аштарханидов в Бухарском ханстве находятся в центре внимания автора этого сочинения.

Мухаммад Казим родился в 1133/1720—1721 г. Его отец, уроженец Мерва, был связан с хорасанской ветвью племени афшар и с Надиром еще до того времени, когда последний стал властителем всего Ирана[3]. В 1141/1728—1929 гг. отец автора уже находился у Надира на службе[4], а в 1145/1732—1733 г. по приказу шаха занимался восстановительными и строительными работами на мазаре в г. Каине, знаменитой Мервской плотины Бенд-и Султан-и и др. За усердную работу он был награжден Надиром 50 туманами (т. I, лл. 330б—331а).

Мухаммад Казим в 1143/июле — августе 1730 г. жил в Мешхеде и учился в медресе у Саида Мир Шамсаддина Али Мазандарани (т. I, лл. 115б). Однако будущему историку не удалось получить хорошего образования.

В 1149/1736 г. он поступает на службу к правителю Азербайджана Ибрагим-хану — брату Надиршаха. О своей жизни до 1153/1740 г. автор почти ничего не сообщает. 10 июня 1740 г. Надир прибыл в Герат и стал готовиться к походу на Среднюю Азию. Мухаммад Казим участвовал в этом походе в качестве чиновника походной канцелярии (т. II, л. 279а), а в 1744 — 1747 гг. стал служителем канцелярии (дафтар-ханэ) самого Надир-шаха, сначала в качестве рядового писаря, а с 1160/1747 г.

---

[1] Ахмедов Б. А.— С. 83, 227 (стр. 124, пункт 3).

[2] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Соч.— Т. IX.— М. 1977,— С. 439.

[3] Мухаммад Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири (мироукрашающая Надирова книга).— Т. II. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова.— М. 1960, лл. 171 б-172а.

[4] Указ. работа.— Т. 1. лл. 71 а, 54б-56б.

везира арсенала и артиллерийского парка в Мевре (т. II, л. 156в—156а, 279а, 287а; т. III, л. 83а). На этом закончилась карьера Мухаммада Қазима, он умер после 1166/1752—1753 г.

«Наме-йи Аламара Нодири» в соответствии с замыслом автора состоит из 3-х томов, которые он обозначает по-разному: дафтар, джилд или муджаллад.

Первый том (337 л.) был начат Мухаммадом Қазимом не позднее 1163/1749—1750 и завершен в 1166/1752—1753 гг. Рукопись второго тома не имеет даты переписки. Окончание рукописи третьего тома утеряно. Но, по мнению специалистов, второй и третий тома были закончены не позднее 1166/1752—1753 гг. В первом томе повествуется об основных событиях в Иране 1000/1689-1149/1736. Этот период охватывает время с момента рождения Надира до его избрания на съезде иранской знати шахом Ирана.

Во втором томе (327 л.) рассказывается об исторических событиях в Иране, Афганистане, Средней Азии, Северной Индии и других странах с момента коронации Надира, т. е. с 24 шавваля 1148/8 марта 1736 г. до подавления им восстания Лже-Сам-мирзы в Ширване в 1743 г. В третьем томе (251 л.) заключено описание политических событий, происходивших в Иране, Средней Азии, Турции и Закавказье в период 1156/1743—1160/1747 гг.

Сведения о Средней Азии первой половины XVIII в. содержатся в основном во II—III томах памятника. Помимо описаний исторических событий в работе много сведений об экономическом положении Ирана, Средней Азии и Афганистана, о тяжелом положении народных масс и, в частности, стран, временно оккупированных полчищами Надира, о народных движениях и др. В этом плане труд Мухаммада Қазима занимает достойное место среди памятников персоязычной историографии XVIII в.

Об «Наме-йи Аламара-йи Надири» изданы многочисленные труды. Рукописи, хранящиеся в ЛО ИВ АН СССР, стали известны в науке в 1919 г., когда была опубликована статья академика В. В. Бартольда, содержащая описание второго и третьего томов рукописей, поступивших тогда в Азиатский музей АН СССР в Ленинграде. Рукопись первого тома была обнаружена значительно позднее, в 1939 г. в Москве. Первые печатные сведения о ней появились только в 1945 г.[1], а в 1948 г. она поступила в Ленинград, где теперь находятся все три тома.

Сочинение Мухаммада Қазима часто использовалось исследователями-востоковедами Европы. Однако то, что книга не была издана, затрудняло работу исследователей. Поэтому ИВ АН СССР предпринял факсимильное издание этого памятника персоязычной историографии XVIII в. Издание открывается публика-

---

[1] Миклухо-Маклай. Труд Мухаммада Қазима и его значение для истории туркмен.—«Известия ТФ АН СССР», 5-6.— Ашхабад, 1945.— С. 32-35.

цией текста 1 тома с обширнейшим предисловием востоковеда Н. Д. Миклухо-Маклая. Этот том вышел в 1960 г. в Москве и состоит из 82 глав. Последующие тома вышли соответственно в 1965 и 1966 гг.

§ 2. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ КОНЦА XVIII— первой половины XIX вв.

Социально-экономическое и политическое положение народов Средней Азии во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. было весьма сложным. В этот период на территории Мавераннахра образовались среднеазиатские ханства — Бухарское, Хивинское и Кокандское, господствовавшая в Средней Азии феодальная раздробленность еще не была ликвидирована. Громаднейшие территории Мавераннахра, населенные кочевыми туркменскими и казахскими племенами, продолжали существовать как самостоятельные уделы. Отдельные феодальные уделы, как, например, Шахрисябз, Китаб, Аральский оазис, Джизак, Ура-Тюбе, Ташкент, Каратегин, Дарваз, Вахан, Шугнан и др. существовали как самостоятельные феодальные владения.

В этот период из трех среднеазиатских ханств Бухарский эмират являлся наиболее сильным и социально-экономически развитым. Экономическим центром Бухарского ханства являлась Зеравшанская долина, а центром долины — город Самарканд, а Бухара — столицей ханства.

Бесконечные феодальные войны и междоусобицы привели к упадку земледелия и орошения во многих плодородных оазисах Мавераннахра. Особенно пагубно действовали набеги кочевников казахов[1].

Феодальная эксплуатация в среднеазиатских ханствах в первой половине XVIII в. отличалась исключительной жестокостью. Это, в частности, относится к правлению в Самарканде Фархадбия (1711—1713)[2].

В династической борьбе за власть с аштарханидами (Абдул-Файз-хан) и мангитами (Мухаммед Хаким-бий) кенегесы решили сделать ханом Раджаб султана. Раджаб-хан в 1723 г. предпринял грабительский поход против Бухары. Прибывшие по его приглашению в Самарканд кочевые племена вытаптывали пашни,

---

[1] Искандер Мунши. Тарих-и аламарайи Аббаси.— Тегеран. 1314. Зиджи.— С. 404.

[2] Саидкулов Т. С. «Вакф-наме» медресе Шер-Дор — важный источник по истории Самарканда XVI—XIX вв. «I Всесоюзная конференция по историческому краеведению». г. Пенза, Апрель 1989 г. Тезисы докладов и сообщения.— С. 132-133; «Вакф-наме» медресе Шер-Дор, которое было восстановлено в 1814 г. в период правления эмира Хайдара. Копия с находящегося в Самарканде экземпляра (а оригинал, как явствует из текста, хранился в Казыхане Бухарского ханства) была снята В. Л. Вяткиным в 1892 г. Документ составлен в 1636 г. после завершения строительства историко-культурного комплекса Дагбит (в 17 км от г. Самарканда в 1619 г.) и медресе Шер-Дор в 1636 г. Учредителем вакфа был правитель Самарканда Баходур Яланғтуш.

сады и огороды, беспощадно грабили трудящихся, что послужило причиной убийства Раджаб-хана в 1725 г.[1]

Архивные документы свидетельствуют, что «Раджаб-хан, совершив битву и сражение, вместе со своим войском дважды потерпев поражение от сил священной Бухары, вынужден был вернуться. Тем временем между казахами и калмыками... также произошла вражда. Войска калмыков напали на казахов. Казахские племена, не сумевшие оказать сопротивления, оступили и прибыли в Мавераннахр. После двухкратного поражения Раджаб-хан, вновь пригласив войска казахов, нанес поражение Бухаре. Казахи же в течение нескольких лет опустошали посевы Бухары и Самарканда, вскармливали ими свой скот. По этому случаю в Бухаре и Самарканде произошли великие смуты. В Самарканде возник голод и дороговизна. Случилось так, что Самарканд, подобный раю, имел опустошенный вид и кроме каландаров никого из мужского пола не осталось. Прославленные мечети, священные медресе и прекрасные здания были опустошены и разрушены...»[2].

Как пишет академик Бартольд, бывшая столица Тимура ко времени похода Надир-шаха в 1740 г. совершенно опустела, о чем говорится и в работе Мухаммада Казима. «В Самарканде совершенно не было жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1000 семейств. В 1772 г., когда аталык (в 1756 г. принявший ханский титул) Мухаммад Рахим (родоначальник династии мангытов — правителей Бухарского ханства вплоть до 1920 г.) принял меры для восстановления города, присланные мешки с провиантом были сложены в медресе, где тогда совершенно не было студентов»[3].

Процесс консолидации центральной феодальной, власти, усиления господства династии мангытов значительно способствовал восстановлению и росту экономической и политической жизни населения. Уже в конце XVIII в. наблюдалось усиление хозяйственных контактов между городом и деревней. В конце XVIII в. и начале XIX в. происходит рост феодального землевладения. Земледельцы тюркоязычного и ираноязычного населения ханств обрабатывали поля, поддерживали ирригационные сооружения, развивали ремесла и т. д. Они же несли основную тяжесть феодальной ренты и эксплуатации.

В конце XVIII в. также происходил дальнейший рост общественного разделения труда, процесс перехода к оседлости кочевых племен. Этот переход особенно усиливается в Зерафшанской долине в начале XIX в. Так, Абд ал-Карим (начало XIX в.) указывает, что в районе Миянкала и Самарканда кочевников и оседлого населения одинаковое количество. Автор другой работы от-

---

[1] Мир Мухаммад Ашни Бухари. Убайдулла-наме. Перевод с персидско-таджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова.— Ташкент, 1959.—С. 164.

[2] ЦГА УзССР, ф. 323, опись 1, дело 1203.

[3] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Л., 1927.— С. 92.

мечает, что из 2,5 млн. человек населения Бухарского ханства около 1 млн. ведут кочевой образ жизни.

Как сообщает Абу Тахир Ходжа, бухарские власти с 1748 г. «начинают принимать меры к наведению порядка»[1].

В XVII и первой половине XIX вв. хотя не выделялись такие крупные представители мусульманского духовенства, какими были Ходжа Ахрар, Махдум-и Аъзам и Ходжа Ислам, все-таки в условиях разложения и упадка экономической и политической жизни региона духовенство — шейхи, ходжи, саиды и пр. продолжали укреплять свое духовное влияние на население, религиозной и мистической идеологией, религиозными канонами сдерживали живые творческие силы народа. Этот процесс породил в XVIII в. своеобразный тип ханжествующего правителя —«дервиша на ханском троне»— типа эмира Махсума, он же Шах-Мурад.

Таким образом, если среднеазиатская историография XVI—первой половины XVIII вв. отличается изобилием разнообразных источников, то конец XVIII вв.— первая половина XIX столетия, наоборот, их крайней скудостью. Тем не менее имеются некоторые исторические сочинения, которые следует отметить. К их числу относится «Тухфат ал-хани».

Тухфат ал-хани (Ханский подарок)

Ценнейший труд, посвященный истории Бухарского ханства 1134/1722—1196/1782 г., известный в историографии истории народов Средней Азии XVIII в. также под названием «Тарих-и Рахим-хани» («Рахимханова история»). По мнению востоковеда Б. А. Ахмедова, авторами книги являются Ахунд Мулла Мухаммад Вафа ибн Мухаммад Закир Карминаги, прозванный современниками казий Вафа (1096/1685—1183/1769), и некий домулла Алимбек ибн Нийязкули-бек ишан из Несефа (Карши)[2]. Исторические события 1134/1722—1182/1768 гг., т. е. почти за 50 лет описаны первым автором, а ее завершающая часть, охватывающая период с 1183/1768 по 1196/1782 гг. в истории Бухарского ханства, относящийся ко времени правления второго мангитского правителя Мухаммада Данийала (1172/1759—1199/1785 гг.), написана вторым автором.

«Тухфат ал-хани» является естественным продолжением исторического памятника «Тарих-и Абу-л Файз-хани».

Сведениями об авторах «Тухфат ал-хани» историческая наука не располагает. Правда, имеются некоторые сведения о Казы Вафе: автор «Убайдулла-наме» Мир Мухаммад Амин Бухари сообщает, что в 1118/1796 г. Казы Вафа работал китабдором

---

[1] Мейендорфф Т. Статистический взгляд на Бухарию. «Северный архив». 1826, октябрь, № 19 и № 20.

[2] Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в.— Т. 1.— Ташкент, 1966.— С. 23; Ахмедов Б. А. Указ. работа.— С. 114-120.

(библиотекарем) у Убайдуллы-хана. В этой должности он, видимо, оставался и при его преемнике Абу Файзе, а также при первых мангытских правителях.

«Тухфат ал-хани» в источниковедческом аспекте ценна тем, что в ней читатель находит богатый фактический материал по социально-политической и хозяйственной истории народов Средней Азии. В частности, в ней отражены набеги кочевых тюрко-монгольских племен в оседлые районы Зерафшанской долины в течение семи лет (1135/1722—1723—1141/1728—1729 гг.), в результате которых некогда благоустроенный край запустел.

Мулла Мухаммад Вафа подробно сообщает о помощи иранского Надир-шаха Мухаммаду Рахиму — родоначальнику династии мангытов в установлении его власти над Бухарским ханством.

Весьма ценны сведения, приводимые авторами «Тухфат ал-хани», о взаимоотношениях первых мангытских правителей Бухары с соседними государствами. В междоусобные войны были также вовлечены правители Ходжента и Ташкента, Кокандское ханство, Кашгар и Афганистан.

Хотя возведение на престол и назначение на государственные должности как церемониал, установленный среди тюрко-монгольских народов, известен издревле и описывается почти во всех исторических памятниках историографии истории Средней Азии, все-таки в «Тухфат ал-хани» раздел о восшествии на престол Мухаммада Рахим-хана отличается прежде всего обстоятельностью описания этого церемониала. В частности в нем сообщается: фарраши (слуги, расстилающие ковры) в том зале, где должна была произойти коронация, стелили ковры, паласы и установили трон, астрологи определяли благоприятное время восшествия. Затем были приглашены эмиры, другие сановники и видные представители духовенства (четырех фамилий: потомки Махмуда Аъзама Касани, Саййда Ата, Ходжи Мухаммада Ислама Джуйбари и Ходжи Ахрара).

В зал ввели Мухаммада Рахима с завязанными глазами и посадили на белый войлок, который за концы держали главы четырех видных племен: мангытов, утарчи, бахрин и сарай, а за края войлока держали четыре представителя духовенства и несколько человек из числа влиятельных дадхахов, туксаба, садров, раисов и военачальников. После этого, новоутвержденного хана усаживали на трон и начинался пир и подношение подарков. При этом, каждого, кто принимал участие в церемонии, хан одаривал дорогим халатом. На имя Мухаммад Рахима была прочитана хутба во всех главных городах и больших селениях ханства, с его именем была выбита монета.

На государственные должности назначались прежде всего представители племен мангытов, китай-кипчаков, бахринов, сараев, кенегесов, джалаирцев, утарчиев и др., имеющие особые заслуги перед троном. Их представители при Мухаммад Рахиме заняли следующие государственные должности: Давлат бий-мангыт (дядя хана) — парваначием стольного города Бухары; Ход-

жамиар-бий — хитай-кипчак — аталыком хана и верховным эмиром (амир ал-умара); Гайбулла-бий бахрин, представитель етти уруг Мийанкала, был назначен на должность диван-беги; эмир Данийал-бий-мангыт (старший дядя хана) стал мири асади (советником хана); Джахангир-бий сарай — джибачи хана (ведающий финансами и казной), его сын занял должность великого урака (главный сборщик урожая); Барат-бий мангыт — брат хана, стал правителем Самарканда и области; Имамкули мангыт назначен парваначием (послом) и правителем Яккабага; Низам ад-Дин Масъуд — верховным Қош-беги; Худайар-кенегес — дадхахом Бухары.

Духовная власть была распределена следующим образом: Исакходжа, потомок Махдум-и Аъзама Касани — был поставлен на должность урун-и шахнишин (глава мусульманского духовенства); Насраллах-ходжа — потомок Мухаммад Ислама — шайхулисламом; Мухаммад Ходжа Сайид Атайи — накибом; Низам ад-Дин Хусайни — верховным казием (кази калан) Бухары и области; Шахаб ад-Дин-ходжу, потомка Ходжи Ахрара, шейхулисламом Самарканда и области и др.[1]

«Тухфат-и хани» содержит также богатый этнографический материал. В работе имеются не только сведения и упоминания названий племен, но и указываются места их расселения, численность (л. 107а, 120б и др.). В рассматриваемый период долину Мианкалы заселяли племена бахрин, етти уруг и джалаиры Шахрисябзского бекства — кенегесы, Карши и окружающие тюмени — мангыты, Гузара — сараи, Нураты — буркуты, Кубадиана — дурмены, Хисара, Ура-Тюпе и Ургута — юзы и утарчи, Джиззака — кырки, Байсуна — конгураты и т. д. Эти этнографические сведения являются особо ценными при изучении этнического состава населения Средней Азии в XVIII в.

Несмотря на наличие большого количества списков «Тухфат-и хани» в хранилищах мира (у нас —23; в Англии —1, в Саудовской Аравии —1), эта работа изучена слабо. За исключением небольшого фрагмента о столкновении Мухаммада Рахим-бия с кызылбашами в Серахсе в 1160/1747 г., переведенного на русский язык, пока нет ни критического, ни переводного издания.

Все рассмотренные труды, отражающие историографические проблемы среднеазиатской истории XVI— первой половины XIX в., имеют идентичные недостатки: они написаны чрезвычайно цветистым стилем, авторы крайне раболепно преклонялись перед верховными правителями и их близким окружением, они не могли глубоко вникнуть в суть происходивших на их глазах событий, вследствие чего не указали причин недовольства масс, их выступлений, не видели реальной картины политической жизни и т. д. Они не смогли избежать присущих всем историкам эпохи феодализма излишней тенденциозности и панегиризма.

---

[1] Ахмедов Б. А. Указ. работа.— С. 118-119.

ГЛАВА 7. ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

§ 1. ПРЕДЫСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Россия по своему географическому положению подвергалась влиянию Востока в гораздо большей степени, чем Западная Европа. Нет ни одной страны, которая с очень давнего времени была бы так связана с Востоком, как Россия [1].

Временем наиболее тесной культурной связи с Востоком был для России, по-видимому, самый ранний период ее истории. В течение VII—X вв, на обширной территории, простирающейся от берегов Каспия и Иртыша, Поволжья до Азовского моря и Крыма хозяйничали разноплеменные хазарские орды, создавшие примитивные государственные образования [2].

Касаясь вопросов о хазаро-русских отношениях, кратко остановимся на известии таджикского историка Фахруддина Муборакшаха Марворити, писавшего в конце XIII в. (список его рукописи, находящейся в Лондоне, был частично издан в 1927 г). У него имеются интересные сведения о хазарской письменности. Вот, что говорит историк Фахруддин по интересующему нас вопросу: «У хазар тоже племена, которые происходят от русских, ветви народа Рума (греков), язык у них схож. Бытия у них как у хазар. Их буквы и письменности между собою схожи». Автор, видимо, имеет ввиду дунайских булгар, которые могли пользоваться славянским алфавитом [3].

Арабские географы считали хазар по происхождению тюрками. В настоящее время лингвисты пришли к выводу, что из остатков языка волжских булгар и на базе наречия хазар образовался язык чувашей[4].

Известно, что Россия вела оживленную торговлю с областями Багдадского халифата. Серебряные монеты халифата дихремы, относящиеся к VII—VIII вв., в большом количестве обнаружены археологами на Российских землях европейской части. Это следует, по-видимому, рассматривать как один из признаков развития хозяйственных связей Руси до IX в., свидетельствующей о возможностях торговых сношений Руси с Востоком в VII—VIII вв. Русские князья, начиная с Владимира, стали чеканить серебряную

---

[1] См.: Умняков И. И. «История» Фахриддина Муборак Марворити. Вяткиновские чтения. № 1 (2), 1983.—С. 113.

[2] Артамонов М. И. Очерки древней истории хазар.— Л. 1936; Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Известия АН СССР. Серия истории и философии.— М. 1946.—Т III. № 5.— С. 461-472.

[3] Письменные источники, подтверждающие наличие хазарской письменности, до нас не дошли.

[4] Артамонов М. И.— С. 85-86.

монету со своим именем, и монеты эти чеканились по весу арабских дерхемов[1].

Сведения о стране русских арабы получали через Византию или же от волжских булгар. На Волге, в стране булгар или хазар, видел русских Ибн-Фадлан, участник посольства багдадского халифа Мухтадира к булгарам (922 г.). Арабоязычные географы, не имевшие почти никаких сведений о Западной Европе, приводят довольно подробные сведения о русских и о других восточно-европейских народах.

Первые князья Киевской Руси обращали свои взоры не только на Византию, с которой в X в. заключили договор (в 907, 911, 944 (945) и 971 гг.), но и на области, расположенные за Каспийским морем.

Договоры с Византией ценны не только как памятники права, но и как письменные свидетельства о взаимоотношениях Древней Руси с Византией и как достоверные подтверждения событий, о которых повествуется в русских летописях. Более ранние договоры до нас не дошли. О путешествиях русских на Восток, особенно по берегам Каспийского моря, говорят арабоязычные писатели; русская средневековая литература не сохранила сведений о появлении русских на Каспийском побережье.

Еще в IX в. русские с мирными целями совершали путешествия в соседние страны, по реке Дону, Волге, оттуда в Каспийское море и затем в Джурджан (Гурган-Ургенч), а оттуда иногда на верблюдах отправляли свои товары в Багдад.

Первый поход русских в Прикаспийские области был совершен в 912—913 году[2].

Востоковед В. Ф. Минорский, работая в библиотеке Министерства по делам Индии в Лондоне, обнаружил арабский текст книги среднеазиатского врача-естествоиспытателя XI—XII вв. Шарафа аль-Замана Тахира Марвази, содержащий интереснейший отрывок, посвященный описанию Руси. Приведем его полностью[3].

«А что касается русских, то они живут на острове в море, и размер острова три дня пути во всех направлениях. И на нем деревья и леса, и окружен он озерами. И они очень многочисленны и видят средство для пропитания и занятий в мече. И если умирает один из мужчин, оставив из дочерей и сыновей, передают имущество его дочерям, а сыновьям дают только меч и говорят: Ваш отец приобрел свое имущество мечом, подражайте ему и следуйте ему в этом.

---

[1] О значении арабских дерхемов в развитии торговли России с Востоком. См.: История культуры древности.— Т. I.— М.— Л., 1948.— С. 381-387.

[2] Бартольд В. В. Соч.— Т. II.— Ч. I.— М. 1963.— С. 685-686.

[3] См.: Минорский В. Ф. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Арабский текст среднеазиатского врача XI—XII вв.— Лондон, 1942,— С. 23. Перевод осуществлен проф. Умняковым И. И. и текст перевода любезно предоставлен автору доцентом СамГУ С. А. Акрамовым.

И таким образом воспитывались они до тех пор, пока не стали христианами в месяцы трехсотого года. И когда они обратились в христианство, религия притерпела их мечи, и вера закрыла им двери занятия, и вернулись они к трудовой жизни и бедности и сократились у них средства существования.

Тогда захотели они стать мусульманами, чтобы позволен был им налог и священная война и возвращение к тому, что было раньше.

Тогда послали они послов к правителю Хорезма, четыре человека из приближенных их царя, потому что у них независимый царь и именуется царь Владимир, подобно тому, как царь тюрков именуется Хакан и царь булгар. И пришли послы их в Хорезм и сообщили послание их. И обрадовался Хорезмшах решению их обратиться в ислам и послал к ним своих представителей, чтобы обучить их законам ислама и обратились они в ислам. И они люди сильные и могучие и идут пешком в далекие страны для набега и также путешествуют на судах по Хазарскому морю (автор, видимо, имеет ввиду Азовское море) и захватывают суда и грабят имущество и путешествуют в Константинополь по морю Пантус (Черное море), несмотря на цепи в заливе (т. е. Золотой Рог в 943—944 гг.). И однажды они путешествовали по Хазарскому морю и стали на время владетелями Барду.

Их мужество и храбрость хорошо известны, так что один из них равен нескольким из какого-либо другого народа. Если бы имели они лошадей, и были всадниками, стали бы они великим бичом для людей».

Принятие христианства русскими относится к 988-989 гг. и связано с именем киевского князя Владимира. После смерти Владимира Святославича (1015 г.) наибольшей известностью среди киевских великих князей пользовался Владимир Мономах (1113—1125 гг.). «Успехи Мономахова оружия так прославили его, Великого князя, на Восток и Запад, что имя его, по выражению летописцев,— писал русский историк Н. М. Карамзин,— гремело в мире, и страны соседственные трепетали от него.

Если верить новейшим повествователям, Владимир приводил в ужас и Греческую империю. Они рассказывают, что Великий князь, вспомнив знаменитые победы, одержанные его предками над греками, с многочисленным войском отправил Мстислава к Андрианополю и завоевал Фракию, устращенный Алексей Комнин прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря; венец, златую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимирова, что Неофит, Митрополит Ефесский, вручив сии дары Великому князю, склонил его к миру, венчал в Киевском соборном храме Императорским венцом и возгласил царем Российским.

В Оружейной Московской палате хранятся так называемая Мономахова златая шапка или корона, цепь, держава, скипетр и древняя барма, коими украшаются самодержавцы наши в день

своего торжественного венчания, и которыя действительно могли быть даром Императора (Византии — С. Т.) Алексия»[1].

Н. М. Карамзин сообщает, «что и в X в. Государи Российские часто требовали царской утвари от Византийских Императоров; знаем также, что Великие князья Московские XIV столетия отказывали, т. е. завещали наследнику трона, некоторые из сих вещей, сделанных в Греции (как то свидетельствуют надписи оных и самая работа)»[2]. Но завоевание Фракии (Македонии — *С. Т.*) кажется сомнительным, и в древних летописях находятся только известия о взаимоотношениях Владимира с Грецией.

Сопоставительный анализ текста Шараф аль-Замана Тахира Марвази (из Мерва — С. Т.) с описанием исторических событий тех времен свидетельствует, что Марвази придерживается исторической правды и приводимые им сведения совпадают с сообщением Н. М. Карамзина. Только трудно установить, какие мотивы могли побудить придворного врача-энциклопедиста XII в. обратиться к этим историческим фактам.

Сведения о принятии ислама русскими (видимо, автор имел ввиду тех русских, которые были не согласны с политикой Владимира Мономаха и поступили на службу к Хорезмийским правителям)[3], сообщается в работе Марвази, относятся к истории Хорезма XI в. и подтверждаются и «Хроникой» Беруни. Видимо, они соответствуют действительности, т. к. в Хорезме было много славян и даже ученых мужей, от которых Беруни научился славянскому и греческому языкам.

Политические идеи киевского князя Ярослава Мудрого (1046—1054) получили наиболее яркое воплощение в «Слове о законе и благодати» первого Киевского митрополита из русских Иллариона (составлено не ранее 1037 г. и не позднее 1050 г.). По этому поводу русский историк С. М. Соловьев пишет: «...выбор веры есть особенность русской истории: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религиями; но не так было на востоке Европы, на границах ее с Азией, где сталкивались не только различные народы, но и различные религии, а именно: магометанская (мусульманская — *С. Т.*), иудейская и христианская; Козарское (читайте: Хазарское — С. Т.) царство, на границах Европы с Азиею, представляет нам это смешение разных народов и религий; казарским (хазарским) Каганам, по преданию, также предстоял выбор между тремя религиями; они выбрали иудейскую; для азиатов был доступнее деизм последней. Но Хазарское царство пало, и вот на границах также Европы с Азиею, но уже на другой стороне, ближе к Европе,

---

[1] Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга первая. Тома I, II, III, IV.— М.: Книга, 1988.— С. 90-91.

[2] Карамзин Н. М. Указ. работа.— С. 91.

[3] А может быть это одно из посольств, которое отправил Великий князь киевский Владимир для выбора религии.

образовалось другое владение, русское, с европейским народонаселением. Кагану русскому и его народу предстоял также выбор между тремя религиями, и опять повторилось предание о проповедниках различных вер и о выборе лучшей; на этот раз лучшею оказалась не иудейская; европейский смысл избрал христианство[1].

Русский каган (хакон) упоминается в историографии этого периода чаще, чем понятие «русский князь». Тюркское происхождение слова «каган-хакон» никем из исследователей не подвергалось сомнению. Титул «каган» свидетельствует, как далеко на Запад простиралось тюркское влияние.

В данном разделе нашего исследования мы уделили больше внимания домонгольскому периоду историографии русско-среднеазиатских взаимоотношений. Это можно оправдать и тем, что наша историография не располагает сводным историографическим исследованием сложного процесса становления взаимоотношений северного соседа Средней Азии — Русского государства с Мавераннахром, Ближним и Средним Востоком и Азией в целом[2]. При этом хочется обратить внимание на то, что современная мировая историческая наука, хотя и располагает значительными источниковедческими памятниками (к их числу следует отнести Летописные повести, являющиеся первым оригинальным историческим произведением этого рода), однако они очень слабо изучены. Они нуждаются в серьезном исследовании, чтобы можно было их использовать при освещении исторических событий того времени.

Хазарское государство окончательно распалось под натиском объединенных сил греков и русских в 1016 г.

Н. М. Карамзин свидетельствует: «Андроник (император греков — *С. Т.*) причалил к берегам Тавриды, соединился с войском Мстислава, и в самом первом сражении пленил Кагана, именем Георгия Цула. Греки овладели Тавридою, удовольствовав Мстислава одною благодарностью или золотом. Таким образом пала Хазарская держава в Европе; но в Азии на берегах Каспийского моря, она существовала, кажется, до самого XII века и в 1140 году Левить Еврейский, Раввин Ийуда писал еще похвальное слово Монарху ея, своему единоверцу. С одной стороны Аскольд, Дир, Олег, отец и сын Св. Владимира; а с другой Узы, Печенеги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сие некогда знаменитое Царство,

---

[1] Соловьев С. М. Сочинения. Книга I, История России с древнейших времен.— Том 1-2.— М.: Мысль, 1988.— С. 172.

[2] Тюркский каганат образовался в VI в. н. э. Из византийских и китайских источников узнаем, что в состав Тюркской империи входили и южно-русские степи, что тюрки в 70-х годах VI в. покорили аланов, живших тогда в северных регионах Кавказа и осаждали Боспор. В VII в. в южной России еще сохранились тюркские традиции. Но господство принадлежало народу, говорившему на другом языке. Речь идет об образовании Хазарской державы в VII в. Как указывали выше, первое поражение хазарским царям нанес Святослав (см.: Повесть временных лет, 1.— С. 47) в середине X в.

которое от устья Волжского простиралось до Черного моря, Днепра и берегов Оки»[1].

Из дошедших до нас русских летописей важнейшей является «Повесть временных (т. е. минувших) лет». Это произведение стоит у истоков русской литературы и истории и представляет большой интерес не только как образец литературного произведения, но и как источник данных об истоках связей России и Средней Азии, относящихся к давним временам. В этом плане, наша историографическая наука об истории народов Средней Азии до сих пор не располагает соответствующими исследованиями[2]. Поэтому хотелось бы обратить внимание читателей хотя бы на работу «Летописные своды». Эта летопись начинает русскую историю с 862 г. и доводит изложение событий до 1117 г. включительно. В недатированной части «Повести» сообщается, что из «Рум можно идти в Болгары и Хвалисы (Хива) и на Востоке до государства саманов (т. е. саманидов)»[3]. Здесь четко прослеживается знание автором географии своей страны и заинтересованность во взаимоотношениях с волжскими булгарами, непосредственно связанными с народами Средней Азии, а может быть и в целом со всем Востоком.

В повести упоминаются некоторые народы Средней Азии. Бактрия в «Повести» называется «Ватрь» (1, 9), а жители — воктрияне (1, 15). О правах жителей Бактрии автор «Повести» заимствовал сведения из греческой хроники Георгия Амартола (византийский историк, изложивший мировые исторические события до 812 г.), а его продолжение до 948 г. (II, 122) и хроника Иоанна Малолы служили русским летописцам источником по всемирной истории (II, 206).

О бактриянах в «Повести» говорится следующее: «Эти (т. е. бактрияны) по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса, они воспитаны, не говорят блуди и никакого зла не делают, имеют великий страх божий» (1, 15, 211; II, 228).

В «Повести» упоминаются тюрки (турцы)— иноверцы — народ тюркского происхождения. Летописец впервые упоминает тюрков под 1054 г. (1, 109, 309); тюрки появились в южно-русских степях только в середине XI в.; позднее тюрки были вытеснены в процессе борьбы русских с половцами (1, 145, 149, 349, 350; II, 329 и др.); во II половине XI в. часть тюрков были подчинены половцам (поманы, пуны, кыйгани) (II, 360); туркмены (тоумены) (I, 152, 353) по своему происхождению родственные печенегам, тюркам и половцам (I, 353); хвалисы (I, 353)— хорезмийцы, проживающие

---

[1] Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга первая. Тома I-IV.— Москва: Книга, 1988.— Т. II.— С. 11.

[2] См.: Лунин Б. В. История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI—II. пол. XIX в. Ташкент, 1988.— С. 3-4.

[3] Удел Саман-земли, доставшейся по библейской легенде, на долю Сима, сына Ноя, включал страны, где расселялись в частности и арабы.

за Каспийским морем; это название по имени народа каспиев пишется на картах при Петре I; берендачи (I, 176) — берендеи, кочевой народ тюркского происхождения; иногда берендеев летописцы отождествляют с тюрками (I, 173, 375), а по выносливости ставят на первое место. Летописцы свидетельствуют, что во время походов они появляются, как черные тучи (кара-келпони) (II, 463), под 965 г. «Повесть» сообщает о походе Святослава на хазар и их побеге (см. выше). Летописец упоминает яссов, осетинцев и касогов-черкесов (I, 47, 201, 244; II, 311), живших в степях и предгорьях Кавказа (II, 311), и о победе над ними.

В конце XII в. (1188 г.) появляется сочинение, написанное светским человеком, вероятнее всего, воином-дружинником, которое по праву является шедевром XII в. Имеется ввиду знаменитое «Слово о полку Игореве». Темой «Слова» является поражение, понесенное князем Новгорода — Игорем Святославичем в борьбе с половцами в 1185 г. В нашу задачу не входит говорить о высоких художественных достоинствах «Слова», о его патриотическом пафосе, которые ставят это произведение в первые ряды европейской литературы XII в. и свидетельствуют о высоком культурном уровне Киевской Руси.

Кратко остановимся на вопросе о тюркских элементах, связанных со «Словом». Этим вопросом занимались русские ученые П. М. Мелиоранский (тюрколог), Ф. Е. Корш (лингвист и С. Е. Малов (тюрколог)[1]. Ими были установлены слова восточного, преимущественно тюркского происхождения в «Слове о полку Игореве». Укажем некоторые из них: бълван — идол, статуя; пахлаван — герой, богатырь; боян —«бой»— богатый; боярин — боенлар; вельможи —«бий»» орътьма — за мной, последовать за кем-то; ночата — род монеты, староарабский конд — деньги; яруга — ров, овраг; кошей — стрела, коса и др.

В «Слове о полку Игореве» имеются стихотворные строки со многими тюркскими словами, которые до сих пор не получили общепризнанного толкования и объяснения.

А уже на вижду власти сильного и богатого
И многовим брата моего Ярослава
С Черниговскими былями
И с люгуты (бургуты), и с татроны (татары),
И с шельбиры (башкиры) и топчаны (кипчаки),
И с ревугы, и с олыберы (алтайские юзы).

Довольно распространенным является мнение, что якобы былями назывались старейшины, предводители тюркского племени ковуев, живших на границе Киевской Руси. Коудов отождествля-

---

[1] Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». Известия ... АН, 1902, т. VII, кн. 2; — СПб, 1902.— С. 273—302. Корш Ф. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». Изв. отд. рус. языка словесности АН 1903, т. VIII. кн. 4.— С. 1-58; Малов С. Е. Тюркизм в языке «Слова о полку Игореве». Изв. АН СССР, отд. литер. и языка.— М. 1946.— Т. V, вып. 2.— С. 128-139.

ли с тюрками племени горонгли и кипчакцами, сносящимися с народом Киева, связанные друг с другом морской торговлей в Черноморских и Аравийских морях («Слово», стр. 22).

Как только стал известен текст «Слова», появились сомнения в его подлинности. Например, лингвист Сенковский считал, что «Слово»— сочинение, созданное не в древности, а являющееся продуктом позднефеодальной поэзии XVIII столе́тия [1]. А. С. Пушкин, тончайший знаток истинной поэзии, исходя из однородности и целостности языка «Слова», аргументированно возражал подобным скептикам, не считал возможным подделку такого памятника в более позднее время.

В мае 1964 г. в АН СССР было проведено обсуждение «Слова о полку Игореве» как памятника древности и времени его создания. Оно подтвердило мнение о подлинности этого памятника древности [2].

Историками языкознания давно доказано, что в памятниках домонгольской письменности России встречается очень много слов восточной принадлежности: ол- аз, ал-ык, базер, беурени, биер, каган, калибер, клобук, кумиз, курган (крепость — могильник), магазин, митан, митет ман-а эл, тарир, товар, гяр, чек, чертяк (чердак), шатер и др.

Святослав, отказавшись от завоеванных хазарских территорий, ушел на Балканский полуостров, но и там оставался недолго. Ему удалось на короткое время удержаться в Болгарии, но под давлением греческих войск русским пришлось уйти. Таким образом Святослав потерял Дунайские земли. Русские в XI в. были отрезаны не только от Каспийского, но и от Черного моря; южнорусские степи были заняты кипчаками, которые находились под некоторым влиянием мусульманской культуры.

После смерти Святослава русская внешняя политика меняется. Киевские князья, начиная с Владимира (978—1015) оставили попытки утвердиться на Черном и Каспийском морях.

Монгольское иго продолжалось 243 года (1237—1480 гг.). В результате обширных завоевательных походов образовалась империя, равной которой не знает мировая история.

За период монгольского господства было создано несколько повестей, отражающих освободительную борьбу народов России против монгольского ига: «Повесть о битве при Калке» (1223 г.), «Повесть о разрушении Рязанского княжества» (декабрь 1237 г.).

Первым опустошению подверглось огромное княжество Рязанское (1237 г.), после чего, взяв Иш, в 1240 г. и стремительно двигаясь на Запад, одни полчища монголов вторглись в Польшу и в Силезию, а другая их часть — в Венгрию и в Сербию, а затем дошли до Адриатики. Созданная Батыем Золотая Орда угрожала

---

[1] Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники.— М. 1971.— С. 61.

[2] Вопросы истории. 1964. № 9.— С. 121-140.

завоевать всю Европу. Идея борьбы против монгольского нашествия нашла свое отражение в «Повести об Александре Ярославиче» (умер в 1263 г.). А «Повесть о Куликовской битве» (1380 г.) завершает тему национально-освободительной борьбы. В «Повести о татарских нашествиях на Москву» встречаются имена хана Золотой Орды Тохтамыша, которому удалось взять Москву в 1382 г., и эмира Тимура (в летописи Темир Аксак), который в течение ряда лет упорно боролся с Тохтамышем, прогнал его за Волгу, дошел почти до Москвы (Липецкая область), но повернул свои войска обратно на юг. Золотоордынский эмир Идигу (Едигей), вовремя разгадав замысел Тимура, ограничился опустошением окрестностей Москвы и вернулся, чтобы защитить Золотую Орду.

В повестях о монгольских нашествиях на Москву главным героем является сама Москва и ни как крепость и столица великого княжества, а как центр Русской земли. В повести признается роль Тимура в борьбе против Золотой Орды, которая способствовала освобождению Москвы от владычества монголов.

Таким образом, в памятниках русской письменности второй половины XV в. географических, исторических сведений о Средней Азии нет, хотя связи с Востоком были, о чем свидетельствуют, например, записи тверского купца Афанасия Никитина (1466—1472 гг.)[1].

В 1480 г. монгольское иго было свергнуто, а уже в 1483 г. был предпринят первый поход русских в Сибирь и низовья рек Иртыша и Обн. Безусловно, сношения России со среднеазиатскими ханствами имели место, но они не носили систематического характера.

В 1464 г. Иваном III было отправлено первое посольство в Герат к тимуриду Абу Саиду. Историк Абдураззак Самарканди сообщает о прибытии русского посольства в Герат, но цель посольства ему не известна. В 1490 г. в Москве побывал посол султана Хусейна Байкары Урус-Багодур. Посол прибыл с предложением «о дружбе и любви». Об этом посольстве упоминается в некоторых русских памятниках.

В начале XVI в. Москва не имела достоверных сведений о Средней Азии и Индии. А после взятия при Иване IV (1530—1584 гг.) Казани (1552 г.) и Астрахани (1554 г.) устанавливаются связи среднеазиатских ханств с Россией, активизируются сношения России со Средней Азией (Хивой и Бухарой), и тем самым начинается процесс накопления знаний о ней за счет свидетельств посещавших ее русских и иностранцев.

В XVI—XVII вв. еще отсутствовали специальные историографические работы о Средней Азии, но все-таки представления России о политическом и экономическом положении Средней Азии значительно расширились за счет роста торговых взаимоотноше-

[1] Хождение за три моря Афанасия Никитина —М. 1857.— С. 30.

ний Европы и России со странами Востока, в том числе и Средней Азии. Ярким примером могут служить «Записки Бухарского гостя» Фазлаллаха Исфахани (начало XV в.), «Путешествие Антония Дженкинсона в Бухару» (1558—1560), перечень товаров, закупленных хивинским послом Ходжи Юсуфом в Москве (1617 г.), и др.

К числу ранних относятся также географические и картографические представления о Средней Азии, содержащиеся в книге «Большой чертеж», составленной еще в 1627 г. и представляющей собой «драгоценный памятник русской историографической мысли начала XVII века»[1], выдержавшей пять изданий (в 1773, 1792, 1838, 1846, 1950 гг.).

С XVII в. Россия стремится к установлению прямых непосредственных отношений с Индией, для чего посылает посольство в Среднюю Азию и Иран с целью изучения торговых путей, ведущих к Индии, и получения сведений о производящихся там товарах. Наказы посланникам и донесения послов содержат весьма ценные сведения о торговых сношениях Средней Азии, а также о торговых связях между Средней Азией, Индией и Ираном. В этом плане большой интерес представляют материалы и документы посольств И. Х. Хохлова (1620—1622 гг.), А. Грибова (1642 г.), Б. С. Пазухиных (1669 г.) и др.

§ 2. О СОСТОЯНИИ И РАЗВИТИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В РОССИИ В XVIII — первой половине XIX вв.

В русской культуре, науке и публицистике, так же как и в зарубежной, история России нередко делится на два периода — допетровский и послепетровский. Российский историк С. М. Соловьев называл Петра Великого революционером на троне.

Официально преподавание восточных языков в России началось со времени создания первых светских школ при Петре I. Прорубая «окно в Европу» и насаждая в преобразованном государстве передовую науку, Петр не упускал из виду интересы России на Востоке.

16 апреля 1702 г. был издан царский указ об обучении русских людей восточным языкам, для чего были приглашены иностранные специалисты в качестве исследователей и педагогов. Первыми учеными-востоковедами в созданной в 1724 г. в Петербурге Академии наук стали приглашенные из-за рубежа Байер и Кер.

Байер, специалист в области китайского, древнееврейского и арабского языков, по утверждениям современников, не оставил заметного следа в русском востоковедении. Более заметной фигурой был Кер, обладавший солидной научной подготовкой.

---

[1] История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI — первой половины XIX вв. Составил Б. В. Лунин.— Ташкент.— С. 50-51.

Для изучения языков народов Ближнего и Среднего Востока, особенно Турции и Средней Азии, Петр 1 в лице своих мусульманских подданных имел готовые кадры переводчиков и посредников[1]. Например, услугами бывшего молдавского государя, князя Димитрия Кантемира, перешедшего на сторону России в 1711 г., Петр пользовался во время персидского похода 1722 г. У князя была типография, где печатались прокламации на турецком и персидском языках. Предпринимались и практические меры по подготовке кадров: 18 января 1716 г. был издан указ «О выборе в Москве из латинских школ пяти человек молодых для посылки в Персию обучаться восточным языкам» (турецкому, арабскому и персидскому).

Просветительские начинания Петра в области востоковедения еще не имели заметного успеха, о чем с горечью сообщает Кер. В Петербургский музей редкостей (кунст-камера), основание которому было положено еще во время первого заграничного путешествия Петра (1697—1698 гг.), поступали и восточные монеты. До 1735 г. они, по отзыву Кера, представляли «беспорядочную груду». Некому было следить за исполнением воли Петра, чтобы все книги и рукописи, собранные во время персидского похода и поступившие в этот музей, были описаны. При Петре и его первых преемниках книги и рукописи, по-видимому, оставались частью в коллегии иностранных дел, частью в руках отдельных лиц, из которых Кер называет генерала Левашева[2].

В 1722 г. на пути в Персию Петр 1 посетил развалины города Булгар на Волге и приказал принять меры для охраны их. По его приказу Ахун Кадырмамат Суюнчалев, городской переводчик Юсуп Ишбулатов и армянин Иван Васильев списали и перевели на русский язык пятьдесят надгробных надписей (из них три армянские)[3]. К началу XIX в. эти памятники исчезли. Позднее, русский перевод вышеуказанных памятников был издан в период царствования Екатерины II, в 1771 г. Подлинные копии надписей остались в Казанском архиве, и лишь в XIX в. с большим трудом были разысканы иностранцем У. Клапротом и в 1836 г. им опубликованы.

Теперь более подробно о Байере и Кере. Готлиб Зигфрид Байер (род. в Кенигсберге в 1694 г., умер в Петербурге в 1738 г.) ориенталист-самоучка. В Петербурге с февраля 1726 г. он занимал кафедру древностей и восточных языков. Граф Остерман открыл ему доступ к китайским книгам своей библиотеки; во время пребывания в Петербурге индийца Сонхбари Байер начал изучать санскритский язык и одновременно знакомиться с монголь-

---

[1] Труды III съезда ориенталистов.— Т. I.— С. 181-185.

[2] Савельев П. С. Предложения об учреждении восточной академии в С.-Петербурге, 1733 и 1810 гг. // Из журнала Мин. нар. просв. 1856 г., № 2.— С. 7. О Левашеве см.: Соловьев С. М. История России.— Кн. IV.— С. 954— и 1223.

[3] Беруни И. Булгары на Волге.— Казань, 1853.— С. 91.

ским и манчжурским языками. В 1730 г. в Петербурге был издан его главный труд по востоковедению. Перевод на латинский язык одной из глав «Родословия тюрок» («Шаджара-и тюрк») Абу-л-Газихана и полный латинский перевод «Бабурнаме» Бабура (1482—1530 гг.)[1]. Однако Байер не готовил кадров востоковедов в России. Лишь Кер положил начало делу подготовки национальных кадров востоковедов.

Георг-Яков Кер (род. в 1692 г., умер в Петербурге в 1740 г.) обладал менее разносторонними познаниями, чем Байер, но имел лучшую научную подготовку. Кер — магистр Лейпцигского университета, первый арабист, объяснивший куфические письмена[2]. Кер считался знатоком и языков других народов мусульманского Востока. В Россию он был приглашен графом Остерманом и определен на службу в коллегию иностранных дел в качестве переводчика и преподавателя восточных языков со званием профессора. Впрочем, Кер выполнял работы и для Академии Наук, хотя в ней не числился. В 1733 г. он подготовил и представил на рассмотрение Академии наук проект создания «Академии или общества восточных наук и языков, в империи Российской», к сожалению, оставшийся в рукописи, обнаруженной лишь в 1821 г. академиком Френом в архиве Академии Наук. В своем проекте, как писал И. Ю. Крачковский, «Кер касался вопроса подготовки научных работников и практических деятелей на Востоке, говорил о создании необходимых учебных пособий, намечал широкий план исследовательских работ, с большой настойчивостью подчеркивал важное значение «документов», содержащихся в «историях» арабских, персидских, турецких и татарских для государства Российского»[3].

По свидетельству В. В. Бартольда, архив Кера находится в библиотеке Московского Архива МИД (ныне АВПР в Москве), а в 1856 г. в журнале МНП была напечатана статья П. Савельева, в которой автор подробно знакомит нас с вышеуказанным проектом. 24 августа 1877 г. «Русская газета» опубликовала статью о «Русском Азиатском обществе», проливающую, на наш взгляд, некоторый свет на биографию Кера. В статье говорится: «Он (Кер) приезжает в 1726—1737 годах в Москву со всем своим собранием, собранным им во время 30-летнего своего путешествия по Востоку, но обязаны мы этим Петру 1..., который заботился о расширении знакомства русских с Востоком, он-то пригласил Кера в Россию».

В 1732 г., как только Кер приступил к работе, в Петербург прибыли для изучения ориентальных языков у профессора Кера шесть учеников: Сергей Яковлев — сын подъячего, Петр Воро-

---

[1] Биографические сведения о Байере приведены в книге Пекарского «История Академии Наук».— Т. I.— СПб., 1870.— С. 130-192.

[2] Куфические письмена — древнейшая письменность арабского мира.

[3] Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики.— М.— Л. 1958.— С. 47.

нин — сын церковного сторожа, Василий Горатинцев — сын церковника, Фёдор Черницин — сын иконописца (оба из школы философии), Петр Щукин — сын зажиточного крестьянина и Петр Чекалевский — сын подъячего (оба школы риторики). Документы сообщают одну «мелкую» деталь. Прибывшие из Москвы ученики ежедневно получали от казны по 8 копеек каждый, прожить на которые было невозможно. Это тормозило дело изучения восточных языков. Кроме образцовой педагогической деятельности Кера за время пребывания его при Коллегии иностранных дел, следует особо остановиться на его переводах персидских и турецких трактатов на немецкий или, наоборот, с русского при посредстве немецкого, на упомянутые языки. Среди массы его сочинений, рукописных и частью печатных, хранящихся в библиотеке Московского Главного Архива Министерства иностранных дел, первое место следует отвести рукописи в брошюрованной тетради, в которой изображено до 137 букв арабской письменности и ее разновидностей. При этой рукописи находится также один из печатных снимков с нее, изданных в 1876 г. в количестве 45 экземпляров.

Вслед за этим выдающимся трудом Кера по собиранию всевозможных алфавитов следует упомянуть многочисленные его коллекции восточных монет, многие из которых представлены в виде восковых и сургучных оттисков. Тут встречаются снимки с монет халифов арабских: Мулеймана-ибн-Мирвана из персидского города Рей —720 г., Аль-Мансура, Гарун-аль Рашида; самаркандские, мервские, багдадские, турецкие, ост-индийские, китайские и другие.

Коллекция эта заслуживает особого внимания не только из-за своего объема, она поражает кропотливостью и трудолюбием профессора Кера, т. к. почти каждая монета разобрана им до мельчайших подробностей, надписи на лицевой и оборотной стороне отчетливо воспроизведены на бумаге, объяснено точное их значение и определены года чеканки. Нужно предполагать, что этот труд Кер готовил к изданию, так как он носит характер далеко не черновой работы.

Составленная Кером географическая карта Кавказа и Средней Азии, с обозначением на ней морей, гор, рек, городков и территорий разноплеменных инородцев может служить лучшим образцом тогдашних географических познаний и представлений о Востоке, которые были тогда далеко не полными. Но зато третья карта, карта Турецких владений вокруг всего Черного моря, как своими береговыми очертаниями, так и верным, пропорциональным величине положением различных мест,— почти ничем не отличается от современных.

Эта рукописная карта представляет собой не самостоятельный труд, а копию, тщательно снятую профессором Кером с изданной в Константинополе (1723 г.), тем не менее она заслуживает большего внимания, чем две предыдущие. На ней мы находим нынешнюю южную Россию и Таврический полуостров, испещренный массой городов и местечек с турецкими названиями, из которых

многие, оказавшись под властью царя, сохранили прежние свои наименования, другие получили русские названия, а некоторые давно уже не только утратили имена, но и прекратили свое существование, что, по нашему мнению, могло бы дать небезынтересные сведения для археологических исследований и раскопок. Например, на запад от Ак-Мечети на этой карте обозначен город Эски-Фурун (старая печь), которого нет на новейших, подробных картах, равно как нет на южном берегу Крыма, по соседству с Ялтой, городов — Кит, Курдак и других; севернее же Старого Крыма и Кафы (Осадасим) нет города Султан-Сарая.

Приведя довольно краткий перечень наиболее значительных рукописей профессора Кера, следует подчеркнуть, что все упомянутые труды едва ли составят и двадцатую долю того, что хранится в фондах Московского Главного Архива, не говоря уже об изданных и неизданных сочинениях Кера, реестр которых находится в одном из этих фондов (для всех же фондов существует подробная, четкая опись — каталог).

Мы не коснулись целых отделов по истории юриспруденции, астрономии и богословию, где обращает на себя внимание рассуждение Кера о том, как можно обратить мусульман в христианскую веру, подкрепленное оригинальными аргументами и выдержками из Корана.

Кер является автором грандиозного проекта «Учреждение Восточной Академии в С.-Петербурге», написанного на латинском языке. Сам проект почти случайно был отыскан в 1822 г., о чем упоминалось выше. Проект этот может служить лучшим доказательством того, насколько интересы России еще в 1730-х г. были связаны с Востоком. Приводим его в кратком изложении с использованием текста перевода П. С. Савельева.

I. Необходимость изучения восточных языков:

1. Империя Российская была и находится в постоянных письменных отношениях на турецко-татарском языке, с султаном Турецким, князьями Кабардинскими и другими Черкесскими, Дагестанскими, Ширванскими и прочие; также с ханами Киргизским, Тарханским, Башкирским, ханами и султанами Узбеко-Хорезмо-Бухарскими. На персидском языке частые сношения производятся с царем персидским и бухарскими владениями и по временам с императором Восточной Индии, называемым обыкновенно Великим Моголом.

2. Бумаги правительственные к князьям Черкессии и многим другим можно бы писать впредь на их природных языках, и притом правильно в орфографическом отношении и четко и изящно в каллиграфическом, чтобы неясность не представляла обоюдность. То же и для бумаг Индийского Великого Императора.

3. Посланцы из Азии к Императорскому Российскому Двору прибывают большей частью, окруженные свитой своих идиноземцев, довольно по своему образованных. Для вежливой и осторожной беседы с ними требуются образованные, устные переводчики, называемые толмачами.

4. Как толмачам, так и чиновникам и всем подданным не было неясности в письменах они не должны отыскать повод к определению своего неведения.

5. Для пользы Российского государства есть различные документы в историях Татарских, Турецких, Персидских, Арабских, Греческих и Латинских. Но они не приведены еще в хронологический порядок, авторы не сличены, не сделано сравнения одновременных событий в разных странах; собственные имена восточные, различно произносимые, смотря по языкам, еще не соглашены и не объяснены.

6. Военным начальникам, губернаторам, советникам и разным чиновникам России, служащим в пределах Турции, Персии, Татарии, необходимо знать нравы и обычаи этих народов, чтобы уметь привязать их к Российскому государству.

7. Для верного исполнения секретных поручений правительства мужи и юноши, из самих россиян, хорошо приготовленные для таких экспедиций на Восток предварительными ежедневными упражнениями.

II. Что требуется и в ком имеем нужду?

1. Переводчики грамотные и ученые, знакомые с правилами грамматики и стилистики, и которые бы все писанное по-арабски, по-персидски, по-турецки и по-татарски могли переводить и изъяснять точно, отчетливо, твердо и изящно, потому что малограмотные переводчики, чуждые знаниям грамматики, могут иногда столь ошибочно передать значение какого-нибудь важного слова, что ошибка их приведет к несогласованию и даже разрыву между двумя государствами.

2. Письмоводцы и чистописцы, или секретари восточные, которые бы не только умели разбирать всякого рода почерки турецкие, персидские и арабские, но и сами должны быть опытны и искусны в составлении писем и переписки их каллиграфически.

3. Переводчики устные или так называемые толмачи, которые бы могли вести ученую беседу с посланцами по-арабски, по-турецки или по-персидски, о словесности, истории, географии и тому подобное.

4. Восточные библиотекари, архивариусы, дипломаты, нумизматы, полиглоты и полигисторы, также собиратели восточной древности и истолкователи их; они будут, так сказать живыми инвентариями знаний Востока.

5. Историки антикварии, филологи и критики, которые бы извлекали из источников греческих, латинских, татарских, турецких, персидских и арабских сведения, к пользам Российской Империи относящиеся.

6. Полигисторы восточные, политики и юрисконсульты, которые бы могли быть советниками при посольствах, умели извлекать из восточных и других сочинений наблюдения и правила, клонящиеся к привлечению восточных народов к России.

7. Профессора, знающие и опытные в преподавании; из них

можно бы было избрать и миссионеров для обращения мусульман в христианскую веру.

III. Пособия.

А.— Существующие — недостаточны, потому, что до сих пор напечатанные грамматики турецкие, персидские и арабские или весьма кратки и ошибочны; или пространны и не представляют достаточно примеров.

— О каллиграфии и дипломатике языков до сих пор ничего не издано. Словари означенных языков весьма редки, вообще неудовлетворительны, и должны быть множеством слов и речений.

— По татарскому языку нет ни лексикона, ни грамматики, а это дело первой потребности. Нет хороших собраний разговоров и изречений арабских, персидских и турецко-татарских. Не издано исторических восточных сочинений, чтение и объяснение которых могло бы принести пользу учащемуся Российскому юношеству, потому, что напечатанные до сего восточные сочинения или касаются Богословия и объяснения Библии, или изданы молодыми магистрами без достаточного знания.

Б.— Имеющиеся ввиду пособия состоят: из объяснений грамматическо-критических; словарей с примерами номенклатур и фразеологий; собрания образцов слога и каллиграфии; собрания писем и разговоров; сведений о древности, истории, хронологии, генеалогии, географии, нумизматике, обрядах и тому подобное.

— Арабско-мавританских, персидско-бухарских и турецко-татарских. Все это собрано и еще собирается и может быть изложено на языке латинском и приготовлено в ученом виде Георгом Якобом Кером, восточных языков профессором и переводчиком.

С.— Ожидаемые пособия из чужих стран:

а) Рукописи исторические, географические и политические на арабском, персидском и турецком языках. Они могут быть переписаны людьми, знающими арабское письмо и те языки, в библиотеках Германии, Голландии, Англии, Франции, Испании и Италии, и списки их пересланы в Императорскую коллегию через посольство. Или же могут быть списываемы мусульманскими подданными Российской Империи, по поручению Русских властей, управляющих этими народами. Или же подлинные рукописи могут быть извлечены из книгохранилищ Самарканда, Бухары и других городов при будущем покорении их.

Или же, наконец: приобретены посредством торговых отношений у Бухарских книжников.

б) Турецкие книги, печатаемые в Константинопольской типографии, легко могут быть приобретены через посредство тамошнего Российского посольства.

в) Через посредство того же посольства, равно как и через Российского посланника в Персии, легко выписать тысячу письменных приборов арабских и персидских и передать в Императорскую Коллегию.

г) Все, что собрано будет в Сибири камчатскими путешественниками, в отношении Азиатских писем, монет и древностей и

сюда пришлется, может поступить в библиотеку новой Азиатской Академии, тем более, что в Академии Наук никто турецко-татарско-персидских писем не понимает.

IV. Польза учреждения Академии.

1. Если учредится Академия или Общество Восточное и будет поддержано в цветущем состоянии, то не малая произойдет от него польза и слава для Империи: тогда образуются и знающие военачальники, правители и чиновники для управления на пределах турецких, татарских, персидских, бухарских и сибирских, и которые будут уметь ласковым обращением с пограничными восточными народами мало-по-малу смягчать их и привлекать к добровольному подданству и послушанию нашей Августейшей Императрице.

2. Образуются и русские учебники по разным специальным знаниям Востока и опытные в делах турецких, татарских, персидских и арабских мужи, которые принесут пользу России и будут пекчись о распространении ее владений.

3. А осуществление первых двух пунктов повлечет за собой распространение южных пределов Империи (из особого примечания видно, что Кер изготовил и проект о присоединении к России «Великой Бухары», однако, был ли такой проект написан и представлен Кером, неизвестно (*С. Т.*).

V. Имеющиеся средства.

1. Книги, рукописи и письма на турецко-татарском, персидском, арабском и других языках, хранящиеся в Императорской коллегии иностранных дел.

2. Целый ящик, наполненный письмами татарскими, турецкими, персидскими, арабскими и другими, принадлежащий превосходительному графу Дугмасу, который готов его уступить Императорской Коллегии.

3. Четыре ящика, наполненные книгами и рукописями персидскими, которые взяты, как добыча, в Ширване, генералом Левашевым и досех у него хранятся. Эти пособия уже имеются и могут составить основание для восточной библиотеки при Императорской Восточной Академии или Общества. Они могут быть легко умножены со временем или посредством выписки их из других стран, или же стараниями тех ученых, которые поименованы в семи пунктах II-го отдела. Из них находятся уже на лицо весьма знающий доктор Мессершмид и кроме его, при Императорской Коллегии, знающие азиатские языки секретари, переводчики и толмачи, как-то:

а) для турецкого и татарского языка: секретарь Суда, весьма знающий турецкий язык, переводчик Синевич, отлично говорящий по турецки; Мустафо-Ахмед, знающий письменно и устно турецко-татарский язык; Муртаза-Тевекелев;

б) для персидского и турецкого языка: Бикрит Христофор, которому турецкий и персидский языки природные;

в) для арабского, персидского, турецкого, сибирско-халдейского-самаританского-пунического, эфиопско-абиссинского, греческого

и латинского языков: Георгий Яков Кер, Императорский профессор восточных языков.

Равным образом:

г) для языков и письменности калмыцко-монголо-манджурских и китайских: Теофил (Готлиб) Зигфрид Байер, профессор древностей при Академии и Букарт, блестящий молодой человек, недавно возвратившийся в С.-Петербург, Императорскую столицу из Пекина, также секретарь посольства Бакунин и переводчик для калмыцкого языка Петр Смирнов. Наконец, для переписки восточных кодексов из знаменитейших библиотек Германии, Голландии, Англии, Франции, Испании, Португалии и Италии можно, с небольшими издержками, содержать при тамошних Российских миссиях молодых людей, обучавшихся восточным языкам.

Принимая во внимание степень тогдашней образованности вообще, нельзя не поражаться грандиозности проекта Кера, обширности его замыслов, ясным и точным определениям всего необходимого для его выполнения и, наконец, здравому пониманию пользы создания Академии. По сути, все дореволюционное русское востоковедение — это претворение в жизнь основных идей Кера, изложенных в его записке. Проект С. С. Уварова в 1810 г. по существу эти идеи повторил.

Из архивного наследия Кера можно особо отметить немецкий перевод «Родословной тюрок» Абу-л-Гази и латинский перевод «Бабурнаме» Захериддина Бабура.

Уже первые шаги русского востоковедения свидетельствовали о значительном интересе русского общества к Востоку. Но со смертью Кера, с 40-х годов X—VIII в. научная работа по изучению Востока в АН России надолго прекратилась [1].

§ 3. ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

С начала XIX в. царское правительство активизировало свою политику на Востоке. «Удивительная научная и практическая деятельность Кера,— пишет А. Н. Кононов,— глубоко проникшегося пониманием значения научного и практического востоковедения для России того времени и усмотревшего в зарождающемся русском востоковедении его великое будущее, получила практическую реализацию в начале XIX в. в новом регламенте Академии (1803), в первом общем уставе университетов (1804) и, наконец, в создании Азиатского музея АН (1818)»[2].

В XVIII в. в российском востоковедении было положено начало систематическому собиранию исторических, этнографических

---

[1] Деятельность востоковеда Кера освещена на основе материалов лекций проф. Умнякова И. И., которые были представлены автору доцентом СамГУ Акрамовым С. А.

[2] Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Изд. 2-е.— М. 1982.— С. 56.

восточных материалов; составлен ряд рукописных тюркских словарей; положено начало преподаванию татарского и турецкого языков в «школе» Кера и в средних учебных заведениях; изданы первые пособия по чувашскому, татарскому и турецкому языкам [1].

По справедливому мнению советского тюрколога А. Н. Кононова, история востоковедения нашей страны до 1917 г. четко делится на два почти равных по времени периода: до 1854—1855 гг., т. е. до создания факультета восточных языков (ФВЯ) СПб. университета, и после его создания до 1917 г.[2]

Введение университетского образования (Петербургский, Казанский и Харьковский университеты) и работа Академии Наук привели к гигантскому скачку русского востоковедения XIX в., связанного с именами Дорна, Френа, Сенковского, Топчибашева, Торнау, Саблукова, Ханыкова, Березина, Григорьева, Васильева, Ковалевского, Н. Казим-Бека и многих других, стоявших у истоков российского востоковедения.

Первым адъюнктом Академии Наук по восточной словесности был зачислен (1 сентября 1804 г.) немецкий востоковед Генрих Юлиус Клапрот (1783—1835 гг.), который затем стал экстраординарным академиком. Ему принадлежит одно из первых исследований казахского и уйгурского языков. Он один из первых европейцев занимался памятниками письменности: «Бабурнаме», надписями из Булгара на Волге и др. По его инициативе в 1810 г. был осуществлен выпуск первого в России востоковедческого сборника. По словам А. Н. Кононова, Клапрот являлся выдающимся востоковедом, обладал разносторонними знаниями, однако его семилетняя работа в России не оставила заметного следа в русском востоковедении.

Первым русским ученым, избранным членом-корреспондентом АН по востоковедению (1810 г.), был Георгий Иванович Спасский (1783—1864 гг.). В русской тюркологии Г. И. Спасский известен по многочисленным трудам, но для нас он интересен как автор большой статьи «Древности Сибири», в которой, между прочим, писал и о загадочных письменах, позднее ставших известными как тюркские рунические памятники[3]. Востоковед А. Н. Кононов правильно считает Спасского создателем журнала «Сибирский вестник», но ошибочно приписывает ему и журнал «Азиатский вестник». Журналы «Библиотека для чтения» и «Азиатский вестник» издавались О. И. Сенковским.

О. И. Сенковский родом из Виленской губернии, получил образование в Виленском университете, где самостоятельно изучал восточные языки. Издал в 1818 г., еще будучи студентом, польский

---

[1] Кононов А. Н. Из истории изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. «Библиографический словарь Отечественных тюркологов. Дооктябрьский период».— М. 1974.— С. 19.

[2] Там же.

[3] Кононов А. Н. Указ. работа.— С. 20.

перевод арабского текста «Басен Локмана» с введением и примечаниями. По окончании курса в 1819 г. осенью того же года он отправился в путешествие по Малой Азии, Сибири, Египту, Нубии и прислал оттуда несколько любительских корреспонденций в польские журналы, и по возвращении в Россию напечатал в «Северном архиве» и «Сыне Отечества» за 1822 г. несколько отрывков из путевых воспоминаний, которые обратили общее внимание на молодого, необыкновенно даровитого ученого и еще более на путешественника, преуспевающего в восточных языках.

В 1822 г. он был принят профессором в Петербургский университет и сразу же занял две должности — заведующего кафедрами арабского и персидского языков. Результаты его труда были опубликованы в журнале «Азиатский вестник» (СПб., 1825—1827 гг.), где печатались «избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения». Сенковский в течение 14 лет руководил изданием созданных им журналов «Библиотека для чтения» и «Азиатский вестник», значение которых в истории русской культуры неоспоримо.

А. В. Дружинин, под руководством Сенковского прошедший журналистскую школу, считал его лучшим из журналистов.

А. Герцен уважал Сенковского уже за то, что тот ни к чему не высказывал уважения [1] (т. е. все подвергал исследованию и научному анализу).

11 ноября 1818 г. при Академии Наук был создан Азиатский музей (АМ), сыгравший основную роль в истории востоковедения и среднеазиаведения в России. Первым директором Азиатского музея был назначен Христиан Давидович Френ (1782—1851 гг.) — арабист, иранист, тюрколог, родившийся в Ростоке, в герцогстве Макленбург-Шверинском. По окончанию школы он стал студентом университета, и под руководством востоковеда О. Г. Тихсена занимался изучением восточных языков, нумизматикой и фикхом [2]. В 1805 г. получил в Ростове диплом доктора философии и магистра свободных наук. В 1807 г. был утвержден в должности профессора кафедры восточных языков Казанского университета. В 1815 г. был избран деканом историко-филологического факультета Казанского университета.

Ко времени своего приезда в Казань Френ не был достаточно подготовлен для занятия профессорской должности. В 1808 г. он напечатал небольшой труд о саманидских и бухарских монетах, составленный, за неимением в Казани латинского шрифта, на арабском языке; уже в заглавии этого труда можно найти несколько грубых грамматических ошибок. Но несомненно, что с первых лет своей преподавательской деятельности Френ проявил те

---

[1] Каверин В. Барон Брамбеус. Собрание сочинений в шести томах.— Т. 6.— М. 1966.— С. 283-477.

[2] Фикх — свод законов шариата. Факих — знаток законов шариата.

черты характера, которые впоследствии снискали ему искреннее уважение всех его учеников: беззаветную любовь к своей профессии, полное отсутствие зависти к чужим дарованиям, готовность содействовать привлечению в науку молодых сил.

Часто высказывавшееся против Френа обвинение, что он за 10 лет не позаботился подготовить себе преемника из русских, лишено основания. Уже в 1807 г. Френ обратил внимание на студента С. В. Кручинина, воспитанника татарского класса гимназии, как на юное дарование, полное скромности, рвения и старания. В 1809 г. Кручинин, будучи еще студентом, стал помощником Френа и руководил подготовкой 4-х студентов, в том числе будущего востоковеда Ярцева, недостаточно подготовленных для слушания лекций самого профессора, получая за это 60 р. в год. Ранняя смерть (30 июля 1809 г.) помешала Кручинину стать преемником Френа.

Продолжателем его дела стал Я. О. Ярцев (1792—1801 гг.). В 1812 г. он окончил курс со степенью кандидата восточной словесности, а в 1816 г. защитил диссертацию на степень магистра. В январе 1817 г. Ярцев по ходатайству Френа и попечителя М. А. Салтыкова был включен в состав посольства, отправляющегося в Персию, откуда вернулся в 1818 г. В это время Френ уже был утвержден первым директором Азиатского Музея при Академии Наук.

Деятельность Френа и его преемников в университете совпала с периодом усиления давления правительства на университетское образование, особенно на гуманитарные науки. Это был тяжелый период для российских университетов вообще и Казанского в особенности.

Казанский университет подвергся разгрому после ревизии, произведенной в марте 1819 г. М. Л. Магницким. Он же оставался попечителем его до 1826 г. Таким образом Магницкий имел полную возможность следить за точным выполнением составленных им инструкций ректору и директору. В инструкции ректору были предусмотрены даже идеологические установки, которые должны были проводиться профессорами с кафедры.

Так, профессор восточной истории и языков должен был «показать, что в арабской мудрости **нет** (подчеркнуто нами.— *С. Т.*) ничего особенного», вообще языки арабский и персидский должны были преподаваться» в том единственном отношении, в каком они могут быть полезны России по ее торговым и политическим сношениям». Поэтому в своем отчете за 1826 г. ректор Казанского университета К. О. Фукс упоминал о том, что «в рассуждении восточной словесности наблюдается та осторожность, чтобы упражнения преподавателей были переводимы на латинский язык, с рассмотрением в свете которых и имел случай остановить одно сочинение, несогласное с духом инструкции».

Таким образом, даже при Магницком, несмотря на оградительные меры против высшего образования, в том числе и против востоковедения, число обучавшихся истории Востока и восточ-

ным языкам в Петрограде, Москве, Харькове и Казани увеличилось.

В год увольнения Магницкого в Казанском университете начал работать выдающийся ученый, которому суждено было оказать решающее влияние на судьбу русского востоковедения. Это был Мирза Мухаммед Али Казем-Бек или, как его называли на русский манер, Александр Касимович. Родился он 22 июня 1802 г., отец его Гаджи Касим Казем-бек был младшим из четырех сыновей Гаджи Мухаммедхан-бека (из племени курчи)[1], поселившегося при Надиршахе в Дербенте. В 1796 г. Гаджи Касим Казем-Бек отправился с семьей в Персию, а потом в Аравию.

Молодой Гаджи Касим шесть лет учился в Медине основам фикха, путешествовал по другим городам Аравии, посетил Мекку. В 1802 г. Гаджи Касим вернулся в Персию и в г. Реште женился на девушке по имени Шараф Ниса, дочери гилянского купца. В 1802 г. у них родился сын — будущий ученый — Мухаммед Али. Образованность отца, видимо, сказалась на воспитании Казем-Бека. Начальное образование он получил у дербентского муллы и в 13-летнем возрасте знал основные суры Корана, читал и писал на персидском языке, упорно изучал арабский язык. Затем под руководством своего учителя Абдул Азиза учился основам логики, риторики и фикху.

В 1819 г. семнадцатилетний юноша написал свою первую научную работу —«Опыт грамматики арабского языка», в 1820 г. составил «Муамма во лугаз» на арабском и персидском языках. Один за другим Казем-Бек пишет труды: «Об истинах ислама и заблуждениях христиан и евреев», «Пророческое достоинство Мухаммеда» и др. Но в 1820 г. в семье Казем-Бека произошло непредвиденное событие, сыгравшее решающую роль в судьбе молодого Мухаммеда Али. Их семья была сослана в Астрахань, где молодой ученый познакомился с шотландскими миссионерами (их главой Гленом и др.) и под их непосредственным влиянием молодой Казем-Бек принял христианство и получил имя Александр. В одном из своих писем из Казани в Петербург в 1842 г. он писал: «Я решил отойти от магометанского мира. Этот мир и питающая этот мир философия Магомета представляется мне сейчас слишком фанатичным»[2].

Принятие христианства Казем-Беком послужило веским основанием для его ухода из Дербента. 25 декабря Казем-Бек отправился в Омск. Но по дороге он заболел и лежал в тяжелом состоянии в доме профессора Казанского университета Карла Федоровича Фукса. Его пребывание в доме Фукса сыграло решающее значение в его дальнейшей судьбе.

---

[1] Отборная конница лучников. Курчибаши — командующий лучников. См.: Эфендиев О. А. Образование Азербайджанского государства сефевидов в начале XVI в.— Баку. 1961.— С. 105.

[1] Рзаев А. К. Мухаммед Али К. Казем-Бек.— М. 1989.—С. 25.

Обширностью своих знаний Казем-Бек поразил Казанскую общественность и был приглашен педагогом в Первую Казанскую гимназию.

31 октября 1826 г. Казем-Бек по ходатайству ректора Казанского университета был назначен лектором восточной словесности университета. М. Казем-Бек уделял много внимания изучению русского языка и был противником иностранных ученых, читавших лекции на латыни или немецком языке. Уже к 1829 г. Казим-Бек, не только читал свои лекции на русском языке, но и блестяще перевел на русский язык «Гулистан» Саади.

Главная заслуга М. Казем-Бека в истории русского востоковедения заключается в том, что он одним из первых начал заботиться о подготовке специалистов-востоковедов из соотечественников различных национальностей и этнических групп России. В целях подготовки преподавательских кадров он выдвинул идею поощрения студентов, изъявляющих желание остаться в университете в качестве педагогов-востоковедов. Он был страстным поборником изучения нескольких языков, призывал преподавателей и студентов глубже изучать историю и языки народов мира. По современному и реально звучат пророческие слова ученого: «Давно уже доказано, что нет лучшего руководителя к достижению истины в исследовании народных древностей, как изучение языков; это единственный путь к сокровищницам знаний, сокрытых в лабиринте невежества»[1].

Казанский период научно-педагогической деятельности Казим-Бека принес ему мировую славу. «После природных учителей из татар Халфиных никому не суждено было принести столько пользы изучению восточных языков Казанской гимназии, как Александру Казем-Беку»[2]. Его современник русский востоковед И. Н. Березин писал: «Ученая деятельность Казем-Бека большей частью обусловливалась обстоятельствами, а не исходила от его собственного выбора; кроме того, однажды принявшись за какую-нибудь работу, Казем-Бек со свойственным ему широким горизонтом старался охватить всю сферу вопроса и от этого, начав с письма Тохтамыша к Ягайлу, он вдавался в подробное изучение истории Средней Азии... Во всяком случае, Казем-Бек относился к своему предмету с любовью»[3].

Однако, как видно из документов, жизнь в Казани не доставляла ученому особых радостей. Ему не разрешали выезд из города. Наконец, после долгих испытаний, мечта Казем-Бека сбы-

---

[1] Казем-Бек. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии — Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836.— Ч. XI.— С. 245-246.

[2] Исторические записки Первой Казанской гимназии.— Ч. I.— Казань.— 1867.

[3] Березин И. Н. Восточный факультет в С.-Петербургском университете.— Библиотека для чтения, 1855.— Т. 134; Он же. Александр Касимович, Казем-бек.— Протоколы заседаний Петербургского университета.— СПб, 1872, № 4. С. 126.

лась — он был утвержден профессором Петербурского университета на кафедру персидского языка вместо оставившего факультет восточных языков Мирзы Джафара Топчибашева.

В 1849—1870 гг. Казем-Бек работал заведующим кафедрой, деканом восточного факультета Петербургского университета. 18 мая 1889 г. в дни празднования 50-летия университета ему было присуждено звание почетного доктора восточной словесности.

Представляет интерес жизнь и деятельность востоковеда Топчибашева Мирзы Джафара.

Устав университетов России 1835 г. предполагал широкое изучение истории и языка народов Востока. Однако учебно-материальная и кадровая база университетов России не отвечали требованиям этого Устава[1]. В Петербургском университете в этот период работали два профессора-востоковеда: Сенковский и Мирза Джафар Топчибашев (1790—4.II.1869). Топчибашев родился в Гяндже (совр. Кировобад АзССР), учился в медресе, знал персидский, арабский, тюркский, грузинский и армянский языки. В 1811 г. приехал в Петербург. Поступил на службу в Главный педагогический институт практикантом (ассистентом) по преподаванию персидского языка. В 1823 г. после преобразования института в университет продолжал преподавательскую работу и в 1835 г. стал экстраординарным профессором, а в 1843 г.— заслуженным профессором университета. В 1851 г. был избран членом-учредителем РАО (Русское археологическое общество). Одним из учеников профессора Топчибашева был А. С. Грибоедов[2].

Развитие русского востоковедения стимулировалось внешнеполитической деятельностью Российской империи, которая требовала подготовки высококвалифицированных кадров для работы в восточных странах и в том числе и в Средней Азии.

§ 4. ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ 30—60-х годов XIX в.

Первые сведения исторического характера о Средней Азии XVI—XVIII вв. начали проникать в Европу в начале XIX в., когда побывавшими здесь путешественниками и послами были вывезены некоторые исторические рукописи, заинтересовавшие ученых востоковедов. Так, например, вывезенная посольством Негри в 1800 г. из Бухары «История Муким-хана» была опубликована на французском языке в 1824 г. Сенковским[3].

В середине XIX в. активизируется колониальная политика России; к продвижению в Среднюю Азию царскую Россию побу-

[1] Министерство НП России в 30-х годах XIX в. упрощенно понимало требования Устава, чем это определялось его текстом.

[2] Русская старина, 1874.— Т. 10.— С. 276.

[3] История народов Узбекистана.— Т. 2.— Ташкент, 1947.— С. 15, 17.

ждало ее военно-политическое и экономическое положение, ее многолетнее противоборство с Англией. Поэтому 22 октября 1854 г. Николай I подписал указ о преобразовании отделения восточных языков С.-Петербурского университета в факультет восточных языков, где учреждались кафедры языков: 1) арабского; 2) персидского; 3) турецко-татарского; 4) монгольского и калмыкского 5) китайского; 6) еврейского; 7) армянского; 8) грузинского; 9) манчжурского.

В августе 1855 г. деление по лингвистическому признаку было дополнено делением по культурно-историческим направлениям: 1) арабско-персидско-турецко-татарский; 2) монголо-калмыцко-татарский; 3) китайско-манчжурский; 4) еврейско-арабский; 5) армяно-грузинско-татарский. Из тюркских языков основательно преподавались турецкий, азербайджанский, «чагатайский», казахский, узбекский[1].

Проекты изменения в программах преподавания, предлагавшиеся факультетам с 1856 г., наконец, были осуществлены. Но более существенное значение имел другой вопрос — о дальнейшем развитии преподавания истории Востока. В 1829 г. правительство еще считало невозможным существование отдельной кафедры истории Востока, «потому что исследование Востока представляет слишком мало фактов для того, чтобы они могли наполнить целую отдельную науку»[2]. Но уже в октябре 1857 г. Совет факультета постановил ходатайствовать об учреждениях двух исторических кафедр: Восточной Азии и Мусульманской Азии.

Несмотря на то, что Казем-Бек в записке 1858 г. признавал преподавание истории «более серьезным», чем преподавание языков, руководство университета смотрело на изучение истории Востока только как на средство к более «основательному знакомству» с языками. В связи с этим аргументом находилось и деление предмета истории Востока на три отдела по племенным группам (семитов, арийцев и урало-алтайцев), а не по историческим связям или периодам. Учитывая состояние историографии истории Востока и Азии Казем-Бек справедливо отмечал, что история Востока «русскими учеными почти вовсе не разработана»[3].

Образование особой кафедры истории Востока сыграло весьма важную роль не только в подготовке кадров историков высокой квалификации, но и в глубокой разработке как истории, так и историографии стран Востока, в особенности Средней Азии. Одним из первых инициаторов этого начинания был профессор Ва-

---

[1] Осенью 1919 г. факультет восточных языков вместе с историко-филологическим и юридическим факультетами был преобразован в факультет общественных наук (ФОН).

[2] Материалы для истории факультета восточных языков в 4-х т. Обзор деятельности ф-та 1855—1905 гг., составленный проф. В. В. Бартольдом с приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г.— Т. I.— С. 254-255, 387.

[3] Материалы для истории факультета.— Т. I.— С. 337.

силий Васильевич Григорьев (15.III.1816—19.XII.1881)[1]. Он родился в Петербурге в богатой семье и получил основательное образование.

В 1831 г. поступил в Петербургский университет на восточное отделение философского факультета, где занимался у проф. О. И. Сенковского арабским, персидским и турецким языками. За большие успехи в учебе после окончания университета в июне 1834 г., ему была присвоена степень кандидата наук, и он поступил на работу в учебный отдел восточных языков Азиатского департамента МИД. Спустя два года, он был приглашен О. И. Сенковским для подготовки к профессорскому званию по персидскому языку.

Но его отношения с О. И. Сенковским не сложились, и В. В. Григорьев принял предложение занять место профессора восточных языков в Ришельевском лицее в Одессе, где работал в 1838—1844 гг. За время работы в Одессе он написал диссертацию о ярлыках, которые ханы Золотой Орды давали русскому духовенству, и получил степень магистра исторических наук. В 1845 г. он возвратился в Петербург и тут стал одним из инициаторов создания Русского Географического общества — РГО и Русского Археологического общества (1846 г). В 1851 г. он перешел на службу в Оренбург. В 1853 г. принимал участие в походе на Ак-Мечеть в качестве правителя походной канцелярии. А в 1853—1862 г. состоял управляющим областью Оренбургских казахов.

По предложению В. В. Григорьева, бухарский купец Мирза Шамси согласился написать воспоминания о происходивших событиях в Бухаре и Кашгаре за годы его пребывания там. Мирза Шамси Бухари около 25 лет своей жизни провел в Оренбурге и являлся одним из лиц, заинтересованных в улучшении взаимоотношений Бухарского ханства с Россией. Он родился в 1804 г. в г. Бухаре, его родственники служили у эмиров бухарских. В 20—30-х годах он несколько раз с торговыми караванами ездил в Россию, а затем по приказу Эмира бухарского Насрулла-хана остался в Оренбурге в качестве торгового посредника.

Работа Мирзы Шамси Бухари была издана в 1861 г. в Казани В. В. Григорьевым. Перевод В. В. Григорьева сопровождался подробными примечаниями[2]. Оценивая значение воспоминаний Мирзы Шамси, В. В. Григорьев писал, что «...воспоминания его оказались написанными не на том персидском языке, который бухарское правительство употребляет в дипломатических сношениях своих, и ученые бухарские в своих сочинениях, а на том просто-

[1] Печатался под многими псевдонимами. См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей.— М. 1960.— Т. 4.— С. 146.

[2] Мирза-Шамси Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашкаре. Записки Мирзы-Шамси Бухари. Изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым. Казань, 1861.

народном наречии, на котором действительно говорят между собой бухарские таджики и о котором до сих пор европейские ориенталисты почти не имели понятия»[1].

По свидетельству В. В. Григорьева, воспоминания Мирзы Шамси имеют большое значение для пополнения исторических сведений о Средней Азии, а по достоверности они стоят намного выше трудов Г. Мейендорфа [2], А. Борнса [3], Н. Ханикова [4] и других авторов, относящихся к первой половине XIX в.

Таким образом, Оренбургский период деятельности В. В. Григорьева, на наш взгляд, особо примечателен тем, что ученый востоковед, как управляющий делами канцелярии Оренбургского военного губернатора и Азиатского Департамента МИД при военном губернаторстве, заложил основу создания и собирания ценных источников по Средней Азии, впоследствии ставших основой Азиатского фонда Архива внешней политики России.

После избрания В. В. Григорьева профессором кафедры истории Востока факультета Восточных языков Петербургского университета в 1863 г. ему была присвоена степень доктора наук. Предметом своего преподавания он избрал историю Средней Азии. Это была первая довольно-таки удачная попытка преподавания этого курса в академических учреждениях и университетах России. Истории Средней Азии В. В. Григорьев посвятил почти все свои основные труды, он занимает почетное место в немногочисленной семье историков дореволюционного российского востоковедения, особенно как историограф по истории Средней Азии в Петербургском университете за первые 50 лет его существования (1819—1869 гг.). Преемником В. В. Григорьева, оставившего службу при университете, был Н. И. Веселовский, специалист по истории Средней Азии. С 1878 г. по 1896 гг. он был единственным преподавателем на кафедре истории Востока.

Казем-Бек, будучи деканом, еще в 1868 г. предлагал ходатайствовать перед правительством о выделении средств для командирования на два или три года 3-4 молодых людей, которые бы «совершали каждый раз четырехлетние путешествия по Туркестану» для изучения памятников древности. Казем-Бек был убежден, что «там, в Самарканде, в Ташкенте и соседних городах скрыва-

---

[1] Мирза-Шамси Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашкаре. Записки Мирзы-Шамси Бухари. Изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым.— Казань. 1861. Примечание.— С. V.

[2] Мейендорф Г. Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухару в 1820 г. Северный Архив, 1822. № 2.

[3] Борнс А. Путешествие в Бухару. Рассказ о плавании по Инду от моря до Лагара с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831-1832 и 1833 гг. лейтенантом Ост-Индийской компанейской службы Александром Борнсом.— Т. I.— Ш. М. Изд. П. В. Голубкова. 1848—1849 гг.

[4] Ханыков Н. Описание Бухарского ханства.— СПб. 1843.

ется множество манускриптов, от которых дошли до нас лишь названия, там на стенах мечетей и примечательных зданий много надписей, которые помогут разрешить некоторые темные исторические вопросы, там можно раскрыть много ценного по части лингвистики, по части нумизматики и по части этнографии»[1].

И еще одна весьма важная деталь заслуживает особого внимания: проф. В. В. Григорьевым была предложена тема: «Обозрение географической литературы мусульманских народов с обозначением, как далеко простирались сведения мусульманских географов вглубь Средней Азии и какого достоинства эти сведения». Для этого остро необходима была практика по месту будущей работы специалистов, выпускников Петербургского университета.

В сентябре 1878 г. декан В. В. Григорьев получил официальное уведомление от правительственных учреждений о числе книг и рукописей, добытых в Болгарии (всего более 4300 названий[2]).

Осенью 1867 г. факультет восточных языков возбудил вопрос о приобретении для университета библиотеки Казем-Бека с его согласия после его смерти. Для этой цели была образована комиссия в составе профессора Григорьева, Навроцкого и Хвольцона. В 1869 г. преемником Казем-Бека, деканом стал Березин (до 1873 г.), потом Григорьев (до 1878 г.). С 1878 г. в течение 15 лет во главе факультета стоял В. П. Васильев, в большей степени, чем Березин, разделявший взгляды Казем-Бека и Казанской школы востоковедов.

Такой характер взглядов нового декана, правда, ничего не дал научному востоковедению, но тем не менее после введения Устава 1884 г. были избраны докторами санскритической словесности П. Я. Петров (1875 г.), В. В. Вильяминов-Зернов (1864 г.), докторами турецко-татарской словесности Н. В. Ханыков (доктором истории Востока, 1866 г.), академик Дорн (1881 г.), доктором восточной словесности и почетным членом Совета университета (в 1869 г.) архиепископ Нил. Никто из вышеупомянутых высокотитулованных ученых практически не был подготовлен для серьезной работы по изучению истории народов Средней Азии.

Вторым после В. В. Григорьева историографом истории Средней Азии в дореволюционный период был его ученик и продолжатель Н. И. Веселовский (12.XI.1848—12.IV.1918 г.). После окончания Вологодской гимназии в 1867 г. он после годовой подготовки поступил (1869 г.) на арабо-персидско-турецко-татарское отделение факультета восточных языков Петербургского университета, закончил его в 1873 г. со степенью кандидата и был оставлен на

---

[1] Материалы по истории факультета восточных языков. Описания В. В. Бартольда...— Т. 3.— С. 103.

[2] Дело Н. П. Росси начинается с письма В. В. Григорьева на имя министра НПР графа Д. А. Толстого от 24.01.1878 г.: О составе этой коллекции. См.: Зап. Вост. Отд. Известия Рус. Арх. общ.— Т. II.— С. 241 и след.

факультете для получения профессорского звания. В 1877 г. он был утвержден в ученой степени магистра истории Востока после защиты диссертации на тему «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве». Как и его предшественник В. В. Григорьев, Веселовский внес значительный вклад в изучение археологии, истории и этнографии Средней Азии.

Н. И. Веселовский одним из первых профессоров Петербургского университета стал практически осуществлять идеи Казем-Бека и В. В. Григорьева о знакомстве с историей народов Средней Азии на основании изучения рукописных, этнографических, топонимических и эпиграфических памятников. Поэтому, следуя заветам своих учителей — Казем-Бека и В. В. Григорьева, он стремился как можно чаще бывать в Средней Азии, где изучал историко-культурные памятники, такие как Гур-Эмир, Дагбид и другие. Из числа представителей коренных народов он готовил первых востоковедов. Это Мирза Газы, Мирза Барат и др. Н. И. Веселовский, которого многие современники считали ярым монархистом, наблюдая реальную действительность Средней Азии после ее завоевания царской Россией писал в 1885 г.: «Вот уже **подлинно военное** (подчеркнуто Веселовским — С. Т.) управление... Мы думаем, что внесли цивилизацию.., мы думаем, что дали покоренным нами азиатам мир, спокойствие, безопасность... Но есть еще и высшее благо, выше всего этого. Это национальность, национальное чувство... Надо войти в положение покоренных мусульман. Тяжела смерть политическая, еще тяжелее смерть национальная. А при нашем владычестве они именно обречены на обезличение. Можно ли променять национальность за какое-либо благополучие? Надо ли удивляться, что будут вспышки против нашего владычества?.. Есть национальные интересы, которые прорвутся наружу, несмотря на то, сыт и обут народ или голоден»[1].

В настоящее время смысл этого свидетельства ученого о будущем народов становится все более очевидным. Эти смелые мысли ученого выделили его даже в ряду таких именитых исследователей Средней Азии, как В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, Н. П. Остроумов и др.

§ 5 ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ БУХАРСКОГО ХАНСТВА 30-60 гг. XIX в.

Начиная со второй половины XVIII века в Бухарском ханстве возникли благоприятные условия для развития экономики, росли хотя и медленно, производительные силы, укреплялась городская жизнь и экономические взаимодействия между отдельными областями, увеличивалось значение международного рынка, а также расширялись торговые отношения с Россией.

---

[1] Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— Ташкент. 1965.—С. 34-35.

В этот период в культурной жизни наряду с арабским языком, которым широко пользовались, как и прежде, все более широкое употребление получает таджикский, тоже официальный, язык. Большинство деловой переписки и государственное делопроизводство велось на таджикском языке — не совсем понятном для большинства населения ханства. Языковой барьер был серьезной причиной различия культурных уровней жизни населения ханства, где в густонаселенных районах в центральной части — Миankаль, Иштыхан, Митань, Каттакурган — преобладало узбекское население. Однако обучение в начальных региональных школах под руководством местных мулл велось на арабском или таджикском языках.

В целом, упадок культуры продолжался. Главным образом развивались теология, казуистическое изучение комментариев к многочисленным «святым книгам», а в школах преподавались схоластические теологические науки. Об ограниченности определенных «научных» кругов свидетельствует, например, тот факт, что существовала официальная версия, согласно которой, «хотя во всем мире свет от солнца падает сверху, но в Бухаре он выходит из-под земли, так как в ней похоронено много святых мужей».

Господствующей идеологией Бухарского ханства являлся ислам. Сторонники ислама стремились оправдать и возвеличить существующий социально-экономический строй. Духовенство в Бухаре вмешивалось во все стороны как материальной, так и духовной жизни общества. Все органы идеологии, культуры и науки как орудия воздействия на трудовой народ полностью были подчинены влиянию духовенства.

Весь аппарат Бухарского духовенства — кази-калон (главный судья), шейху-ислам (блюститель религиозных установлений корана), мударрисы (преподаватели медресе), раисы, муфтии, имамы, ходжи, эшаны, шейхи и дервиши были призваны проповедовать ислам как «волю бога» и являлись ярыми защитниками феодально-социального строя. Вся их деятельность полностью направлялась на угнетение широких масс трудящихся. Духовенство существовало за счет труда народа. Оно не ограничивалось призывами к фанатичному боголюбию, верой и правдой оно служило идеологии господствующего класса.

Эмира духовенство преподносило как наместника бога на земле и призывало трудящихся к беспрекословному подчинению ему. Эмиры, со своей стороны, оказывали духовенству всяческую поддержку. Эмир Даниал-бий благосклонно относился не только к военным, но и к духовенству, а его сын Шах-Мурад, став правителем Самарканда, в одежде дервиша-суфия и кающегося грешника (каялся «за грехи отца»), повесив на шею шашку, ходил по базарам, громко плача и прося у всех прощения. Он отказался от своей доли наследства и раздал его в виде милостыни беднякам и дервишам. Однако дервишский образ жизни не помешал ему еще будучи царевичем, умертвить Даулет-бия кушбеги и верховного казия Бухары Сейида Низамад-дина-Ходжу.

Ревностный поборник идей суфизма, он соединил в себе ханжество и внешнее благочестие с жестокостью и коварством. А сверхусердие в проявлении религиозных чувств Шах-Мурад использовал для привлечения на свою сторону дервишских братств и народных масс, находившихся под влиянием дервишей [1].

Социально-экономическая жизнь общества является определяющей при выявлении уровня развития культуры. Конечно, на культурной жизни общества отражается и общественная деятельность отдельных государственных мужей. Однако ни Хайдар, ни Насрулла и его наследник Музаффар-хан не были особо выдающимися историческими личностями. Они являлись ярыми защитниками и ислама и всех законов шариата.

Придворный историк, младший сын эмира Даниал-бия Мухаммад Якуб Бухари, например, так характеризует эмира Хайдара, сына Шах-Мурада. «Ученый, просвещенный, рассудительный, набожный, знаток священного писания. Несмотря на чрезвычайную занятость государственными делами он ежедневно читал лекции для 400 мулл [2], десяткам тысяч несчастных бедняков [3] ежедневно жаловал содержание, также выдавал соответствующую помощь странникам. Весьма почитал шейхов и делал им подношения в большом количестве зерна.., священного намаза или ночной молитвы никогда не пропускал»[4].

Эмир Хайдар упорно насаждал всеобщее уважение к религии. В случае малейшего уклонения от исполнения религиозных обрядов применялись жестокие наказания вплоть до обезглавливания. Дикость и варварство были спутниками повседневной жизни всех жителей ханства. Поэтому русский путешественник Бурдин справедливо заметил, что в Бухаре господствуют только мужчины в белых чалмах[5].

За свой кровавый фанатизм эмир Шах-Мурад еще при своей жизни получил от духовенства почетное звание «эмир Маъсум» («безгрешный эмир»). Эмир Шах-Мурад был самым энергичным правителем из династии мангытов. В его правление были расширены орошаемые земли, отменены некоторые подати, достигавшие при правлении его предшественников, особенно отца, Даниал-бия, неслыханных размеров. Однако прогрессивные начинания эмира сильно ослаблялись усиленным насаждением религиозного фанатизма. Эмир как рьяный блюститель законов шариата и догм ислама несмотря на свой высокий титул считал себя верным мюридом главы бухарского духовенства, крупного религиозного деятеля шейха Сафара. По настоянию Шейха Сафара, эмир предпринял

[1] Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века.— Т. I.— Ташкент. 1966.— С. 185-186.

[2] О педагогической деятельности эмира Э. Хайдара рассказывает также Мирза Шамси Бухари (Записки ... С. 6.).

[3] Здесь автор имеет в виду дервишей-пропагандистов догм ислама.

[4] Мухаммад Якуб Бухари. Гульшан-аль Мулюк. ИВ АН УзССР. Рук. инв. № 1507. Л. 152 б.

[5] Бурдин. Русские в Бухаре в 1820 г. (заметки очевидца).— Оренбург. 1871.— С. 36.

свой самый крупный поход против Афганистана под религиозным, фанатическим лозунгом — борьбы против «неверных» шиитов.

Автор исторического труда «Фатх-номаи султони» («Официальная история Насруллахана») Мухаммед Мир Алим Бухари, характеризуя события подготовки войны Шах-Мурадом против правителя Афганистана Темуршаха, которому в то время была подвластна большая часть Северной Индии, выступает как союзник Шахрисябзского бека Нияз-али аталыка. Он писал:

«Военный совет рекомендовал Шах-Мураду организовать оборону вдоль берега Амударьи. Словом, его величество эмир признал Совет своих доброжелателей и молельщиков правильным, собрал войско, выдал много золота и велел подготовиться к решению священных целей-газават. Затем (эмир) приказал собрать и прислать в его распоряжение войска из Самарканда, Джизака, Миankаля, Каттакургана, Кермине, а также туркменские войска из Мерва. Кроме того, он приказал воинским подразделениям Каракуля и семи туманам Бухары, Несефа, Гузара, а также старшинам племен — Кунграда, Дахисари и Бэйсуна собраться вдоль берега реки Амударьи»[1]. Далее, продолжает Мир Алим Бухари, под командованием эмира Шах-Мурада собралось «...сто пятьдесят тысяч войска, сопровождаемого большим обозом... В составе этого войска находилось 20 тысяч ученых и богословов-проповедников (ислама). Предводителем этих уважаемых лиц был господин ишан Шейх уль-ислом...»[2]. Автор сообщает, что человеческая кровь в этом сражении текла как река, очень много безвинных людей были убиты и искалечены, десятки тысяч человек взяты в плен и угнаны в рабство и т. д.[3]

Таковы были славные деяния «безгрешного» эмира Шах-Мурада. Наследник Шах-Мурада Саид Амир Хайдар (1800—1826) не сумел продолжить политику централизации.

Первая половина XIX века заполнена упорной борьбой между тремя ханствами: Бухарским, Хивинским и Кокандским. Например, Насрулла (1826—1860) предпринял 32 набега против Шахрисябза, пока не завоевал его в 1856 г. Этот эмир, получивший прозвище «эмир кассоб» («эмир-мясник») прославился тем, что, взойдя на трон, убил двух братьев и после завоевания власти ежедневно публично казнил 50-100 человек.

Автор исторического труда «Гульшан аль-мулик» Мухаммед Якуб Бухари, которого нельзя заподозрить в симпатиях к эмиру Насрулле, писал, что в день вступления на Бухарский престол Насруллахана было казнено 50 человек. Почти всех их сбросили с башни «нагора-хоны»[4]. Например, Казы Турсун Бабу с сыном,

---

[1] Мухаммед Мир Алим Бухари. Фатхномаи султони. ИВ АН УзССР. Рук. Инв. № 1838. Л. 19б.

[2] Там же.

[3] Там же, лл 20а-22б.

[4] Минареты Бухарской арки, откуда барабанщики извещали городское население о том или ином событии.

Мирзу Азиза «мунажжима», поэта Мирзу Азиза Содика (псевдоним Мунан) [1]. С самаркандских ворот были сброшены муддарисы Козибек Мирохур, Айяз-бий, глава Ясаулов Бухари Рахматуллабек, кази Мухаррам, Ходжакул Гулям и многие другие представители бухарской интеллигенции[2].

Под давлением духовенства по приказу эмира Хайдара, а затем и Насруллы были убиты, сосланы и подвергнуты различным наказаниям передовые люди своего времени: поэтесса Надира, муддарис Бухарского медресе Хаджий-бей, Кази Абусаид Самарканди, Вабкентский муддарис Муминходжа, Байсунский муддарис Худайберди, Гиждуванский муддарис Фазил и многие другие. Их не устраивало содержание учебных программ медресе, они были не согласны с политикой эмира, хотя открыто и не выражали своего недовольства[3].

Деятельность религиозных учреждений принимала все больший размах. Только в г. Бухаре имелось 365 мечетей и 103 медресе[4]. В таких крупных городах, как Самарканд, включая и его окрестности, действовало 155 мечетей и 22 медресе[5], в Каттакургане было 22 мечети и около 100 священных мест[6]. Эти религиозные учреждения служили главными очагами воспитания народных масс в духе соблюдения законов ислама.

В Бухарском ханстве, как и на всем Востоке, существовало два типа школ: мактабы и медресе. Мактабы помещались в маленьких кельях при мечетях. Детей часто обучали малограмотные муллы. Обучение велось за счет средств родителей. В мактабах господствовала палочная система. Для наказания детей муллы имели помощников-халивов, обычно назначаемых из учащихся из зажиточных семей и физически развитых. Широко применялся «фалак»— битье палкой по ногам.

В мактабах в первые 5—6 лет обучения изучался «Хафтияк»— одна седьмая часть корана и «Чоркитоб» на таджикском языке, написанные в форме вопросов и ответов. Затем переходили к изучению «Суфи Оллояр»— хвалебные оды богу и святым. Эта книга написана стихами на узбекском языке. После этого изучались отдельные стихи «Ходжи Хафиза», переделанные на мистический лад. Дети, проучившись 5—6 лет, оставались большей частью недоучками.

Постановка обучения в школе соответствовала складу всей общественной и домашней жизни населения[7] всего Бухарско-

---

[1] Личный писарь Хайдара, один из видных и талантливых поэтов Бухары, известный каллиграф.

[2] Мухаммед Якуб Бухари. Гульшен аль-мулюк. ИВ АН УзССР. Рук. инв. № 1507, лл. 157 а, 157 б.

[3] См. Айни Бухоро инкилоби тарихи учун материаллар (Материалы по истории бухарской революции), 1926.— С. 15-16.

[4] Ханыков Н. Описание Бухарского ханства.— СПб. 1843.— С. 84-85.

[5] ЦГА УзССР. ср. 5, оп. 2, д. 12, л. 125.

[6] ЦГА УзССР, ср. 5, оп. 1, д. 11, л. 105.

[7] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Л. 1927.— С. 130.

го ханства. Дальнейшее образование давалось в медресе, где обстановка была не лучше. Учащиеся жили в темных кельях, с трудом вмещавших двух человек и имевших единственный вход, от которого падал свет и проникал воздух. В кельях готовилась пища, хранились продукты, тут же умывались, готовились к занятиям, ели и спали.

«В Бухарских медресе изучались следующие науки: этимология и синтаксис арабского языка, логика, основы ислама, философия, состоявшая из богословия, медицины и законоведение — фикх. Последняя из названных наук трактовала правила омовения, молитвы, поста, похорон, паломничества, зякета, налога на движимое и недвижимое имущество, купли-продажи, рабовладения, освобождения от работ, женитьбы, развода и другие вопросы, связанные с религиозными установлениями или общественными отношениями.

Желающие могли изучать счет у любого преподавателя. Литературой каждый мог заниматься по собственному усмотрению, уроки родного языка не были обязательными. Родной язык каждый по мере своих сил и способностей изучал самостоятельно на опыте и путем чтения книг.

Программа занятий и учебная литература всегда оставались неизменными»[1].

Срок обучения в медресе занимал около 19 лет. Несмотря на это, многие окончившие медресе, не были грамотными, так как большую часть своего времени тратили попусту или на ненужные богословские предметы. Изучение естественных предметов строго запрещалось. Кроме того, высокая плата за обучение была не по карману не только детям крестьян и ремесленников, такие расходы часто не выдерживали даже семьи среднего достатка. Учебный год продолжался всего 6 месяцев, и обучение велось нерегулярно.

Таким образом, вся система обучения в Бухарском ханстве носила схоластический характер, не имевший ничего общего с наукой и знанием. В основном ученикам внушалось раболепное преклонение перед законами ислама. Такой принцип образования тормозил развитие производительных сил страны и являлся одной из причин ее крайней отсталости.

Прогрессивно настроенная часть учащихся медресе по собственному усмотрению изучала труды Абурайхана Беруни, Абу Али ибн Сины, аль-Фараби, аль-Хорезми, Абдурахмана Джами, Ходжи Хафиза Шерози, Алишера Навои, Физули, Мирзы Бедиля и др. В числе таких студентов медресе были поэты Шавки Каттакургани, Мужрим Обиди, Мулла Курбан Жони, Музтари Мири и многие другие. Прогрессивно мыслящие воспитанники мактабов и медресе понимали отчаянное положение своего народа и пытались как-

[1] Айни С. Воспоминания. М.-Л. Изд. АН СССР, 1960.— С. 197-198.

то помочь ему. Они стремились стать полезными для своего народа. Самостоятельно и часто тайно они изучали труды греческих философов, книги по различным вопросам законодательства, географии, истории и литературе, являющейся по законам шариата ересью.

В середине XIX века богатейшая библиотека Бухары —«Дорулшифо», основанная саманидами в XI—XII веках, была центром знаний, куда обращались прогрессивные люди не только Бухары, но и всей Средней Азии и Востока. Однако представители правящих классов всячески препятствовали распространению знаний среди народа. С высочайшего согласия эмира Хайдара многие ценнейшие рукописи, накопленные веками в «Дорулшифо», без разбору передавались различным лицам, во время не возвращались и бесследно исчезали [1]. Эмир Насрулла специальным приказом закрыл доступ в эту библиотеку и конфисковал ее богатейшие сокровища.

Из исторических источников известно варварское отношение к культурным ценностям эмира Насруллы и его доблестных воинов в момент захвата г. Коканда в 1842 г. При непосредственном участии самого эмира многие ценнейшие рукописи были изрублены саблями сарбазов, сожжены и уничтожены, а также разворованы. Варварская политика Бухарского правительства весьма затруднила изучение Востока в последующие периоды. В. В. Бартольд писал, что «существование в Бухаре библиотеки, располагавшей определенными вакуфными доходами, подверглось полному разорению еще при Насрулле, библиотека самого эмира оставалась недоступной для русских ученых»[2].

В этот период хотя и были написаны отдельные труды по философии, истории и литературе, однако большинство из них носили тенденциозный мистический характер и были насыщены восхвалениями эмиров и правителей. В этих трудах очень мало или совсем не уделялось внимания описанию жизни народа. Подтверждением этому является высказывание историка Мухаммада Миралима Бухари, который, расхваливая политику эмира Шах-Мурада (Батырхана), пишет: «Ислам и шариат в дни правления этого истинного путеводителя получил широкое распространение. Восторжествовала справедливость до такой степени, что волк и баран из одного места пили воду»[3].

Одним из главных источников распространения знаний в Бухарском ханстве были книги, но в рассматриваемый период книгопечатания в ханстве еще не существовало.

Существовали рукописные книги по философии, истории, лите-

---

[1] Жувонмардиев А. и Насиров А. Акл «Қаъбаси». Журнал «Фан ва Турмуш», № 12, 37-бет.

[2] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Л. 1927.— С. 118.

[3] Мухаммад Мир Алим Бухари. Фотхноман Султони. ИВ АН УзССР, Рук. инв. № 1838, д. 9а.

ратуре, естествознанию и др. Однако культурная отсталость общества отрицательно сказывалась и на книгопереписке, и на книгособирании. Духовенство тщательно следило за тем, чтобы больше всего переписывалось и распространялось религиозных книг. Широко были распространены и книги мистического содержания, такие как «Рашохат», «Газкиратул авлиё», «Хазинатул асфие», «Сафинатул авлиё», «Мазороти Самарканд», «Сайкалнома», «Шамоил-аль наби», «Меърож улу нубуват», «Маслакул мутаъқийн», «Саботул ожизийн», «Абу муслим», «Кимьё-и Саодат» и многие другие. В этих книгах, проникнутых мистикой, рассказывалось о «деяниях» различного рода святых и «сверхъестественных силах», которые им помогают. В них много легенд и небылиц, устрашающих народные массы, рассказов об аде и рае, о блаженстве в потусторонней жизни. Иногда в них содержались фантастические рассказы мистического содержания.

Из литературного наследия пропагандировались лишь произведения известных в исламском мире мыслителей: Ахмада Яссавий, Мухаммеда Бокиргони, Азизий Убойди, Джалолиддина Руми, Суфи Оллояра и многих других. По свидетельству Мухаммеда Мир Алима Бухари, эмир Шах-Мурад, например, «...назначал в каждое медресе муддарисов и в каждую мечеть — имама. Он обязал ученых богословов... казиев и раисов в туманах (районах — *Т. С.*), городах тщательно следить за исполнением всем населением требований религиозных обрядов, правил торговли и оплаты податей. Искатели знаний толпами прибывали со всех сторон. В скором времени медресе были заселены. После этого эмир приказал обучать простой народ, чтобы все они знали обязательные правила божественного закона»[1]. В результате давления и угроз «население Бухары стало более верующим»[2]. Далее, автор подчеркивает, что при правлении эмира Хайдара еще больше усиливается религиозная пропаганда. Для этого он «...раздавал ежегодно по сто тысяч денег в виде милостыни дервишам и праведникам»[3].

Но и в Бухарском ханстве были прогрессивные, образованные люди, которые не могли жить в условиях рутины и косности, старались сохранять и развивать прогрессивные традиции народного творчества. Хотя среди трудового народа грамотные составляли незначительное меньшинство, все же из этой среды вышли известные переписчики, каллиграфы, хранители и собиратели ценных книг.

Кроме переписки эти люди, как правило, занимались собиранием фольклорных богатств узбекского, таджикского, азербайджанского и других народов. Они собирали и хранили редкие экземпляры произведений классиков узбекской и таджикской ли-

---

[1] Мухаммед Мир Алим Бухари. Фатхномаи Султони. ИВ АН УзССР. Рук. инв. № 1838, л. 9а.

[2] Там же. л. 9 б.

[3] Там же.

тературы, переписывали книги своих современников и способствовали их распространению. Например, редчайшее произведение великого узбекского поэта А. Навои «Махбубул кулуб», красиво переписанное, было известно в узком кругу прогрессивной интеллигенции, к которой принадлежали Мирза Азим Бухари (1838), Негматулла-Бин-Яъкуб Самарканди (1844) и др.

Самаркандский каллиграф и переписчик Мирабдулхай Самарканди в 1825 г. переписал «Чахор девон», а в 1850 г. каллиграфист Мукимхан Самарканди переписал «Хамсу» А. Навои.

«Махбубул кулуб», «Чахор девон», «Хамса», принадлежащие перу классика узбекской литературы, поэту и мыслителю А. Навои, пользующиеся огромной популярностью, были переписаны в первой половине XIX века. Факты свидетельствуют, что часто переписывались и распространялись произведения поэтов Машраба, Хувайдо, Сайкалы, Шавки, Амири, Гоиби и др.

В первой половине XIX века предпринимаются отдельные попытки создания сборников стихов поэтов, наиболее любимых народом. Например, мулла Мухаммад Мунис собирал стихи Низами, Саади, Джами, А. Навои, Физули и др. и составил из них сборники, которые сейчас хранятся в рукописном фонде института Востоковедения АН УзССР. Такие сборники стихов обычно носили в карманах и пользовались на сборах любителей чтения.

В XIX веке на территории Бухарского ханства жили и творили такие прогрессивные ученые-поэты историки, знатоки каллиграфии как Мухаммед Раджаб Бухари, Қори Рахматулла Возех, Масихо Бойсуни (Самарканди), Афкари Бухари, Бадри Самарканди, Хабиби, Якдил Махмуд Қоризи, переписчики исторического труда «Таворихи мулуки ажам» (1857) («История райских земель»)— Мулла Мухаммад Юсуф, Одилмурад Мири, Юнус-ходжа Қотиб Шахрисябзи, Мухаммад Амин Бухари, Мухаммед Якуб Бухари, Мухаммед Мир Алим Бухари, Рахмонкулибек Қотиб Мирохур, Мухаммед Фарход, Мухаммед Шукур Қотиб Джалолиддин Бухари, Мулла Насрулла Қотиб. Многие из них не только сами занимались художественным творчеством, но и готовили себе учеников, усердно собирали и в меру своих сил стремились распространять знания среди народных масс.

Главные произведения А. Навои, дошедшие до нас, в основном были переписаны в конце XVIII в.— первой половине XIX в. Искусно переписаны были и труды Саади, Хафиза, Джами и других классиков литературы стран Востока. В частности, в 1818 г. каллиграф Абдулла Хешаки, переписывая сборник стихов Хафиза —«Девони Хофиза», переделал его в прозу на таджикском языке. В этом году также были переписаны известный труд А. Джами «Тухфатул асрор», произведения азербайджанского поэта Сохиба, а в 1863 году диваны Фазли (сына талантливого азербайджанского поэта Фузули). Каллиграфом Насруллой Бухари переписаны произведения хорезмского поэта и ученого Мухаммада Хоксара (1794-1801 гг.), «Краткий словарь» («Мунтахаб аль-лугат»),

Мухаммед Раджаб Бухари переписал «Кулият» Мирза Бодиля, Рахимбек Котиб в 1780 г.— диван стихов и произведения «Соқийнома» Фузули, Мухаммад Фарход (1806-1807 гг.)— известный дидактический труд «Латоиф ва зароиф» Хусейна Боиза.

Поэты и историки долины Зерафшана, такие как Шавки Каттакургани, Волаи Самарканди, Хироми и другие не только сами создавали оригинальные труды, переписывали своих предшественников, но и занимались переводческой деятельностью. Так, например, поэт Хирами по мотивам персидско-индийских рассказов создал интересные произведения дидактического направления, а Рахматулла Возих перевел с арабского на таджикский язык труды арабского мыслителя и поэта средневековья Аль-Махди.

Представители прогрессивной узбекской и таджикской литературы и истории в своих произведениях выражали идеи гуманизма и прогресса. Лучшие образцы этой поэзии, прозы и исторической хроники были лучом света в темном царстве феодального произвола. Их произведения, пронизанные идеями социальной справедливости и гуманизма, любви к родине, отражающие народное представление о прекрасном, очаровывают нас по сей день.

В результате расширения культурных связей Бухарского ханства с Россией в рассматриваемый период отдельные уникальные рукописные труды наших соотечественников передавались в научные центры России. Так, например, в 1820 году после успешного завершения дипломатической миссии российского посольства, эмир Хайдар передал русскому послу Негри в качестве дара из своей библиотеки произведение «Тарихи Мукимхоний». Негри передал эту рукопись в Российскую Академию Наук, о чем говорилось выше. Профессор-востоковед Петербургского университета О. И. Сенковский перевел эту работу на французский язык[1].

Прогрессивно настроенная русская интеллигенция, уделяя много внимания просветительской деятельности, собрала и сохранила много редчайших трудов среднеазиатских историков, философов и классиков узбекской и таджикской литературы.

Например, В. А. Иванов в 1915—1916 гг. в Бухаре собрал крупную коллекцию персидско-таджикской литературы, хранящейся в настоящее время в институте Востоковедения АН СССР. «Она состоит преимущественно из рукописей среднеазиатского происхождения, частью переписанных в XVIII—XIX вв. ...Эти рукописи представляют основную массу той литературы, которая была более всего распространена в Средней Азии в XVIII—XIX вв. и даже в начале XX в. Следовательно, изучение этой литературы может дать совершенно конкретный, документальный материал, необхо-

---

[1] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. М.-Л. 1925.— С. 255.

димый для суждения о духовной жизни и умственном кругозоре широких слоев грамотного населения Средней Азии в XVIII—XIX вв»[1].

§ 6. СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ЗАВОЕВАНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ

История Бухарского ханства в период наибольшего территориального соприкосновения с Россией, особенно со второй половины XIX века нашла свое отражение в сочинениях Мирзы Салимбека[2], который в период правления последних бухарских эмиров занимал высокие государственные посты. Он старательно идеализирует личность эмиров Бухары и обращает внимание главным образом на внешнюю сторону политической жизни ханства. Он проходит мимо истории народа, не считает, что он мог играть решающую роль в жизни Бухарского ханства. Мирза Салимбек в своей работе, хотя и останавливается на русско-бухарских отношениях второй половины XIX века, но недостаточно освещает положение населения городов в момент русско-бухарской войны.

Автор ограничивается только перечислением бухарских городов, взятых русскими войсками, и не раскрывает причины волнений, неповиновения эмиру. Он считает, что русским войскам удалось без особых потерь занять Самарканд главным образом в результате предательства иранских беков, которые, якобы, «открыли ворота и впустили русских»[3].

История Бухарского ханства освещается и в сочинении историка Мирзы Абдал Азима Сами, «Тарих-и салатин-и Мангитайа» (История мангитских государей)[4]. Перевод этой книги, содержательное предисловие к ней и примечания принадлежат Л. М. Епифановой.

В работе бывшего бухарского чиновника Мирзы Абдал Азима Сами исторические события XIX века излагаются наиболее полно. Здесь можно найти подробные сведения о русско-бухарских войнах 1866—1868 гг. Интересны факты о проведении военного Совета в кишлаке Актепе накануне овладения Самаркандом русскими войсками. Детальнее, чем другие современники, автор описывает события этого периода, приводит названия различных группировок при дворе и результаты их деятельности. Мирза Сами более подробно описывает события, связанные с возмущением народных масс в апреле 1868 г., явившиеся реакцией на бесчинства и произвол Са-

---

[1] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. М.-Л., 1925.— С. 255.

[2] Мирза Салим-бек. «Тарих-и Салими», (Салимова история). Рук., ИВ АН УзССР, № 2016.

[3] Там же.— С. 63-а.

[4] Мирза Абдал Сами. «Тари-и Салатин-и Мангитайа» (История мангитских государей). Предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой.— М. 1962.

маркандского бека — ставленника эмира Шир-Али Инака. В отличие от других местных историков Мирза Сами пытался более объективно объяснить обращение населения Самарканда с письмом к командующему русскими войсками о принятии их в подданство России.

Однако, в работе Мирзы Сами имеются и некоторые недочеты, о которых говорит в своем предисловии и примечаниях Л. М. Епифанова. Но вместе с тем с некоторыми выводами Л. М. Епифановой нельзя согласиться. При знакомстве с ее предисловием, создается впечатление, что исторический труд Ахмада Дониша, посвященный Средней Азии — периоду завоевания Средней Азии Россией, по своему содержанию уступает сочинению Мирзы Сами[1].

Л. М. Епифанова считает, что «ни Ахмад Дониш, ни Мирза Салим-бек не останавливаются на событиях в Самарканде перед завоеванием города русскими войсками, на крайнем недовольстве населения города правителем его Шир-Али, не сообщают об обращении жителей Самарканда с письмом к русскому командующему»[2]. Наряду с правильной оценкой работы Салим-бека, Л. М. Епифанова в своем «Предисловии» высказывает ошибочное мнение относительно содержания труда Ахмада Дониша «Тарджумат ал-ахвал-и амивал-и амиран-и Бухара-и Шариф аз амир Данийал та аср-и амир Абдалахад»[3], хранящегося в институте Востоковедения Академии наук УзССР.

Следует отметить, что труды Ахмада Дониша, посвященные завоеванию Средней Азии Россией, известны в исторической литературе под различными названиями —«Исторический трактат»[4], «Тарихча», «Малая История», «Рисолаи Саёхат» («Трактат о путешествии») и «Рисола ё Мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангития» («Краткая история мангитских эмиров Бухары»)[5].

В сочинениях великого просветителя освещаются вопросы завоевания Средней Азии, в том числе и Самарканда, Россией. Отсюда несостоятельность утверждения Л. М. Епифановой, что А. Дониш не останавливается на событиях в Самарканде перед его завоеванием, не освещает вопросы русско-бухарских взаимоотношений в мае 1868 г., в момент вхождения русских войск в Самарканд.

---

[1] Епифанова Л. М. Предисловие к книге Мирзы Сами «История мангитских государей».— М. 1962.— С. 21-22.

[2] Там же. — С. 22.

[3] Ахмад Махдуми Дониш. «Тарджумат ал-ахвал-и амиран-и Бухара-и Шариф аз амир Данийал та аср-и амир Абдулахад» (Жизнеописание эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира Абдалахад). Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1987.

[4] См.: Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное.— Душанбе: Таджикгосиздат, 1960.— С. 33-122.

[5] Ахмад Махдуми Дониш. «Рисола ё Мухтасаре ад тарихи салиенати хонадони мангития» (Краткая история мангитских эмиров Бухары)— Душанбе, Таджикгосиздат, 1960. Предисловие Абдулгани Мирзаева.

Упрек Л. М. Епифановой в адрес А. Дониша следует считать необоснованным. Рукопись Ахмада Дониша «Жизнеописание эмиров благородной Бухары от эмира Дайнийала до времени эмира Абдалахада», хранящаяся под инвентарным № 1937 в Институте Востоковедения АН Узбекистана, состоящая из 79 листов, в 1352 хиджри, т. е. в 1933 году была переписана Ибодуллой Адиловым с другого экземпляра, который благодаря огромному труду таджикского исследователя А. Мирзаева в 1960 году удалось издать в Душанбе. Эта книга является наиболее полным вариантом сочинений Ахмада Махдуда Дониша «Рисола ё Мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангития», где отражен процесс решительного перелома, произошедшего в общественно-политических взглядах великого просветителя.

Как подчеркивает Абдулгани Мирзаев, с мнением которого мы согласны, рукописи «Таджумат ал-ахвал-и амиран-и Бухара-и Шариф аз амир Данийал та аср-и амир Абдалахад» («Жизнеописание эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира Абдалахада») и другой работы Ахмада Дониша «Рисола ё мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангития» («Краткая история мангитских эмиров Бухары») не тождественны, а наоборот, можно утверждать, что они являются отдельными, самостоятельными работами Ахмада Дониша. Такой вывод напрашивается сам по себе, т.к. рукописи этой книги, хранящиеся под инвентарным №1987, как по своему названию, так и по содержанию резко отличаются от «Краткой истории мангитских эмиров Бухары». В «Жизнеописании эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира Абдалахада» действительно такие события, как выступление населения Самарканда против Шир-Али Инака, а также дальнейшие события 1868 г. не упоминаются. Но не следует делать поспешных выводов, потому что дело не в упоминании имен участников военных действий, в хронологической фиксации событий того или иного периода истории завоевания, а в описании и оценке их результатов, по которым затем можно оценить их общественно-политические взгляды в целом.

Видимо, Л. М. Епифанова не была знакома с наиболее полным текстом «Краткой истории мангитских эмиров Бухары» Ахмада Дониша[1], в котором великий просветитель, подробно освещает русско-бухарские отношения 1866—1868 гг., Ирджарские события, взятие Джизака, волнение населения Самарканда накануне его завоевания Россией.

В отличие от Мирзы Сами Дониш гневно разоблачает неспособность к действию эмира Музаффара и его сановников. Он правильно отмечает, что основная причина поражения Бухарского ханства заключается в технико-экономической отсталости эмирата. И хотя

[1] Ахмад Мухдуми Дониш. «Рисола ё мухтасара аз таърихи салтанати хонадони мангития» (Краткая история мангитских эмиров Бухары). Издание текста, предисловие и примечания Абдугани Мирзаева.— Душанбе: Таджикгосиздат, 1960.

включение Средней Азии в состав России он рассматривает как экспансию царизма на среднеазиатский регион и порабощение местных народов, не исключает и прогрессивных последствий этого акта.

Относительно даты завоевания Самарканда Россией, как у Мирзы Сами, так и у Л. М. Епифановой допускается неточность. Мирза Сами пишет, что вслед за взятием Джизака русские «через 15 дней с многочисленным войском прошли через Илан-Ути и отправились в Самарканд»[1]. В примечании Л. М. Епифанова указывает, что «Сами здесь не прав, говоря, что свое продвижение к Самарканду русские войска начали через 15 дней после взятия Джизака. Эти события отделены друг от друга несколькими месяцами: Джизак был взят в октябре 1866 г., а Самарканд — в мае 1867 г.[2] Это утверждение противоречит литературным и архивным материалам. Как известно, Самарканд был завоеван 2 мая 1868 г., а не в 1867 г., как подчеркивает Л. М. Епифанова.

Следует более подробно остановиться на творческом пути великого просветителя Ахмада Дониша (1927/28—1897 гг.). Он принадлежит к категории людей, оставивших ощутимый и неизгладимый след в истории Средней Азии. Круг его научных интересов был очень широк, поэтому еще при жизни к его литературному псевдониму «Дониш» прибавилось прозвище Мухандис (инженер)[3].

Следует упомянуть и о том, что в одной из петербургских газет была опубликована статья неизвестного автора под названием «Бухарское посольство»[4], в которой говорилось о прибытии бухарского посольства в январе 1874 г. в Петербург. В статье дается краткая характеристика бухарскому послу Абдул-Кадир-Беи Дадхо. Затем автор статьи писал: «При посланнике состоят два секретаря: 1) Мирза-Ахмед-Урак и 2) Мирза Абдул Вахаб. Первый уже был в Петербурге в 1869 году и написал свои записки о России; он литератор, поэт и в то же время астролог. По поводу бракосочетания В. К. Марии Александровны, он написал стихотворение на древнеперсидском языке. Стихотворение это представляет одновременно и акростих и хронограмму: начальные буквы каждого стиха составляют имена «Мария и Альфред», а последние буквы стихов в сложности составляют год бракосочетания».

Мирза-Ахмед-Урак это Ахмад Дониш, которому после пребывания бухарского посольства в Петрограде был пожалован почетный придворный титул «Урак» (приблизительно в 1871—1872 гг.). Поэтому, при изучении творческого наследия великого просветителя надо вести поиски по разным направлениям, ибо вполне можно

---

[1] Мирза Абдал Азим Сами. История мангитских государей.— М. 1962.— С. 66.

[2] Там же.—1962.— С. 146.

[3] Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное Таджикгосиздат, 1960.— С. 8.

[4] См.: Бухарское посольство. Туркестанский сборник.— Т. 2.— С. 217.

ожидать, что раз имя Ахмада Дониша (Дониш литературный псевдоним, имя его отца Носир) упоминается в дореволюционной литературе в различных вариантах (Ахмад Дониш-Мухандис[1], Мир-Ахмад, а также Мирза Ахмед-Урак), то вполне возможно, что великий поэт и просветитель мог и под своими замечательными трудами поставить подпись Мирза Ахмед Урак, учитывая, что он был «...крайне плодовитый, пользовавшийся всяким удачным случаем, чтобы взяться за калам и листок бумаги»[2]. Возможно дальнейшие поиски исследователей в этом направлении дадут положительные результаты, тем более, что «он писал на клочках бумаги и раздавал своим друзьям, не оставляя у себя черновиков»[3].

Наши исследователи внесли большой вклад в изучение, обобщение и освещение научных взглядов Ахмада Дониша. Особенно большая работа была проделана по подготовке перевода и изданию ряда работ выдающегося таджикского мыслителя, писателя-просветителя на языках народов страны[4].

Заслуживают внимания первые переводы Ахмада Дониша на русский язык[5], подготовленные и прокомментированные Р. Хади-Заде и переведенные с таджикского языка на русский М. П. Османовым и Л. Н. Демидчуком. Язык перевода доходчив и понятен для широкого круга читателей. Но некоторые стороны перевода, связанные с содержанием самого текста, являются сомнительными. Например, относительно первого бухарского посольства в Петербург с участием Ахмада Дониша. Р. Хади-Заде указывает дату — 9 января 1857 года по 11—12 января 1858 года[6], а в другой работе тот же автор дает другую, более правильную дату — 9 января 1858 года[7].

Время пребывания второго посольства Бухарского ханства в Петербурге также указывается неправильно —2—3 ноября 1859 года[8], вместо 2—3 октября 1869 года[9].

При переводе «Исторического трактата» переводчики в некоторых местах допускали неточности и погрешности, которые можно

---

[1] Хади-Зада Р. Ахмад Дониш и его творчество. См.: в кн.: Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное, Таджикгосиздат, 1960.— С. 8.

[2] Бертельс Е. Э. Рукописи произведений Ахмада Каллэ. Труды Таджикской базы Академии наук СССР, т. III,—М.— Л. 1936.— С. 11.

[3] Раджабов З. Из истории общественно-политической мысли XX вв.— Душанбе: Таджикгосиздат. 1957.— С. 13

[4] Ахмад Дониш. Отрывки из «Наводир-ул-вакоеъ»—«Редкие происшествия». Таджикгосиздат, 1957 (на таджикском языке); Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное. Таджикгосиздат, 1960 г. (на русском языке); Рисола ё мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангития — Краткая история мангитских эмиров Бухары. Таджикгосиздат, 1960.
ное. Таджикгосиздат, 1960.

[5] См.: Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Избран-

[6] Ахмад Дониш. Указ. работа.— С. 11.

[7] Хади-Заде Р. Ахмади Дониш, 1960.— С. 7 (на таджикском языке).

[8] Ахмад Дониш. Указ. работа.— С. 13.

[9] Хади-заде Р. Указ. работа.— С. 9.

выяснить при сопоставлении текста перевода с подлинниками. Например, текст подлинника: «Ман агар Савора шавам, рост болои Москов меравам»[1] переведен: «Если я двинусь против них, то прямо на Москву» (стр. 47), правильный перевод данного предложения: «Стоит сесть мне на коня, и я прямо доеду до Москвы». Такой смысл перевода более ярко показывает бахвальство эмира, которое хотел подчеркнуть в своем сочинении Ахмад Дониш.

Предложение из подлинника «Чун фукарои Самарканд ин гуна бедодиро аз Шер-Али диданд, бахамиёти дин тарафи мусулмонон ва талабаи илм шуда, зан ва мард ба аскария дохилин Самарканд дар афтоданд, ки жуйхои хун дар кучахо равон шуд...»[2] переведено в «Путешествии» так: «Испытав жестокость Шерали, народ Самарканда вместе со всеми прибывшими муллами и студентами медресе вступил в сражение с гарнизоном города, и кровь полилась целыми ручьями»[3]. Полностью содержание мысли автора такой перевод не передает. Следовало бы перевести так: «Когда население Самарканда испытало такую невиданную жестокость Шир-Али, оно совместно с представителями духовенства поднялось на поддержку мусульман и студентов (слушателей медресе). Женщины и мужчины вступили в сражение с войсками, находящимися в Самарканде, в результате чего кровь по улицам стала течь ручьями».

Недостатки перевода «Путешествия из Бухары в Петербург» исправимы и нисколько не снижают его ценности. По-существу, это первый крупный успех наших ученых в области перевода произведений Ахмада Дониша на русский язык в таком большом объеме.

Под непосредственным влиянием прогрессивной русской культуры А. Дониш в своих произведениях широко пропагандировал ее идеи, призывал к изучению светских наук, сомневался в вечности феодальных устоев.

Средняя Азия была одним из древних центров цивилизации, имела сложившиеся в течение столетий высокие культурные традиции и дала миру немало крупных ученых мыслителей и поэтов. Научные достижения и прогрессивные идеи Аль Хорезми, Аль Фараби, Ибн Сины, Беруни, Фирдоуси, Рудаки, Улугбека, Джами, Навои, Дониша, Фурката, Мукими и других выдающихся мыслителей Средней Азии, живших и творивших в эпоху феодализма, сыграли большую роль в борьбе против мистики и мракобесия, внесли весомый вклад в развитие мировой цивилизации.

Отдельные авторы зарубежных стран Востока, с националистических позиций отрицают самобытность среднеазиатской культуры и приписывают ее успехи тем или иным народам зарубежного Востока, считая ее частью арабской, иранской или турецкой куль-

---

[1] Ахмад Махдуми Дониш. Краткая история мангитских эмиров Бухары. Таджикгосиздат. 1960.— С. 40.

[2] Там же.— С. 56.

[3] Ахмад Дониш. Путешествие...— С. 57.

туры. В последние годы в странах зарубежного Востока активизировалась деятельность сторонников азиацентризма, извращающих историю мировой культуры, отрицающих огромный вклад западных народов в развитие мировой культуры, в возникновение прогрессивных идей.

Народы Средней Азии бережно хранят творческое наследие Аль Беруни, Фараби, Ибн Сины, Улугбека, А. Навои, Джами и многих других среднеазиатских мыслителей. Прогрессивные представители литературы, науки и культуры и в период господства законов ислама изучали творчество своих предшественников и писали комментарии, толкования к их трудам, чтобы сделать их более доступными для широких масс. Нами был обнаружен труд Мухаммад Касима бин Абу-аль-Косими Бухари под названием «Словарь для трудов А. Джами», написанный в 1199 г. хиджри. Этот автор ранее был неизвестен и о нем нет упоминаний в нашей литературе. Увлечение Мухаммада Касима творчеством классиков и стремление популяризировать его позволяет поставить его в один ряд с известными просветителями Средней Азии.

Среди большинства ученых бытует мнение, будто в XVIII—XIX вв. наблюдался застой в развитии точных наук, в частности математики и астрономии. Эта точка зрения обосновывается тем, что в собраниях восточных рукописей АН Узбекистана и АН Таджикистана нет ни одной работы по астрономии и математике, написанной в XIX веке. Однако, обнаруженный нами «эквивалент»— комментарии к «Трактату по астрономии» Казы-зада Руми, Мухаммада Хакима Мунажима бин Мулла Заира Мухаммада, написанные в 1223 г. х., опровергает это мнение.

Махмуд Ходжа Бекбуди при содействии демократических сил в конце 1913 года и начале 1914 года в г. Самарканде в типографии «Товарищество Базарова и Слиянова» стал издавать на узбекском и таджикском языке газету «Самарканд» и журнал «Оина», на страницах которых представители джадидской идеологии, большей частью левого крыла, боролись за перевод системы образования на прогрессивный лад и за воспитание детей местных национальностей в соответствии с требованиями времени и развивающейся промышленности и торговли.

Среднеазиатские прогрессивные поэты второй половины XIX века придерживались традиций классической литературы, а прогрессивные писатели, поэты и педагоги начала XX века — Мир Акрам Фикри, Абдуджалил Писанди, Накибхон Туграл, Ибрагим Джуръат, Сиддики Васли и другие — наряду с продолжением лучших традиций классиков, писали произведения и на актуальные темы и решительно выступали за просвещение и прогресс. Опираясь на традиции своих предшественников, они выступали против клерикальной поэзии и старались расширить тематику поэзии и литературы, сделать их понятными народу. В своих реалистических произведениях они показывали все, что мешало прогрессу, пропагандировали прогрессивные идеи и этим помогали своему народу преодолеть замкнутость и фанатизм ислама, освободиться от дес-

потизма. Жизнь народа они старались изображать без прикрас, соблюдая принципы связи поэзии и литературы с жизнью народа, стремились поставить литературу на службу народу.

В этот период были переведены на узбекский и таджикский языки отдельные произведения русской литературы. Например, основатель новометодной школы (1901 г.) в Самарканде Абдукадыр Шакури (1875—1943 гг.) составил и издал «Жомеъ ул ҳикоёт» («Сборник рассказов»), являющийся учебным пособием для новометодной школы, в который были включены переведенные им на таджикский язык басни И. А. Крылова и рассказы Л. Н. Толстого. Новометодная школа, созданная А. Шакури, быстро снискала себе широкую известность. В 1909 году для изучения методов преподавания Абдукадира Шакури и составления учебных пособий на узбекском и таджикском языках в Самарканд приехал поэт и драматург, педагог и общественный деятель Хамза Ҳаким-заде Ниязи. Эта встреча явилась началом их дружбы. Большим другом Шакури являлся также писатель С. Айни, очень высоко ценивший литературное и педагогическое творчество самаркандского педагога. При помощи Шакури в 1914 г. С. Айни издал первый учебник для учащихся новометодных школ на таджикском языке.

Поэтом и педагогом прогрессивного направления был Саидахмад Аджизи (1864—1927 гг.). В своих произведениях «Зеркало назидания» (1912 г.), «Слет духов» (1912 г.), «Глаза знания» (1914 г.), «Сокровища мудрости» (1915 г.) и других он, оставаясь правоверным мусульманином, показывал реакционность отдельных представителей мусульманского духовенства, бесчестность и жестокость имущих классов. Вместе с тем он выступал как пропагандист светской науки, техники, как поборник распространения русского языка, науки и культуры, показывал непригодность старых методов обучения в религиозных школах, отсталость и невежество духовенства, являвшегося главным духовным наставником общества.

Заслуживает внимания прогрессивное литературное творчество и общественная деятельность Кори Мухаммада Рахима Таджиева (1874—1948 гг.), литературный псевдоним «Тикон», Ходжи Мунна Шукурллаева, Шакира Мухтара (1880—1920 гг.), литературный псевдоним «Ишчи» и поэта Файёза Муллы Абдуллы (умер в 1927 г.) и др. Их литературно-педагогическая и творческая деятельность имела место в основном после революции. Но уже в своих ранних работах они выступали против отсталости и темноты, несправедливости и невежества, защищали простой народ. Так, Кори Мухаммад Рахим в своих стихах «Тикон», «Майна», «Ноът» и др. смеялся над сторонниками отживших обычаев, призывал народ овладевать знаниями.

Педагог и общественный деятель Шакир Мухтар в 1910—1918 гг. выступал на страницах печати с научно-популярными статьями на узбекском языке. В своей работе «Социализм нима?» («Что такое социализм?»), изданной в 1918 г., он популярно раскрывает основное содержание социализма.

ГЛАВА 8. ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — начале XX вв.

§ 1. ИССЛЕДОВАТЕЛИ КРАЯ

Исключительно богатая природа Средней Азии с давних времен привлекала русских исследователей, ученых и любителей природы.

Особое место в истории края занимает официальная русская экспедиция, возглавляемая К. Ф. Бутеневым (1841—1842 гг.). Весной 1841 года в Бухару из Петербурга выехала геологическая экспедиция. В нее входили майор К. Бутенев (руководитель), горный инженер М. Богословский, востоковед Н. Ханыков, топографы Яковлев, Плотников, Чалпанов, Петров и, как частное лицо, с ними ехал А. Леман, который в своих дневниках и письмах составил подробное описание путешествия в Зерафшанскую долину.

Путь от Петербурга до Бухары экспедиция проделала за четыре месяца и лишь в конце августа достигла места назначения. Для участников была составлена специальная инструкция, в которой говорилось, что одновременно с геологическими исследованиями долины реки Зерафшан надо производить метеорологические, зоологические и ботанические наблюдения.

Пробыв несколько дней в Бухаре, участники экспедиции отправились в Самарканд. Они смотрели город, исторические памятники. В окрестностях города, на берегу Зерафшана Богословский при геологической разведке обнаружил наличие золота в песке.

В районе Пенджикента и крепости Урмитан исследователи обнаружили новые виды растений и собрали ценные коллекции горных пород.

Члены экспедиции, исследовав озеро Искандеркуль и Куликалон, вернулись в Самарканд. А весной 1842 года экспедиция выехала в Петербург.

По материалам этой экспедиции русским востоковедом Н. В. Ханыковым была опубликована в 1843 году работа «Описание Бухарского ханства»[1], в которой впервые в истории русской науки *еще до завоевания Средней Азии царской Россией дается подробное* изложение социально-экономической жизни и быта, истории и природы Бухарского ханства. В его работе мы находим более полные и подробные сведения об истории Самарканда первой половины XIX века. Другой член экспедиции Ф. Богословский[2], исследовав

---

[1] Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства.— СПб. 1843.

[2] Богословский Ф. Записка о долине Зерафшана и горах ее окружающих. Горный журнал.—Ч. IV. кн. X.— СПб. 1842.

геологическое строение Зерафшанской долины, описал ее природные богатства.

Участник экспедиции, ботаник А. Леман собрал весьма ценные материалы по флоре и фауне края. Его перу принадлежит ряд рисунков, запечатлевших исторические памятники Бухары и Самарканда. Теперь эти рисунки редчайшие художественные памятники 50-х годов XIX века по истории архитектуры края. По свидетельству И. Мушкетова, эта экспедиция имела огромное влияние на развитие русского востоковедения о Туркестане, и по богатству результатов превосходила все русские экспедиции, состоявшиеся до нее.

Неизученность природы Средней Азии, особенно долины реки Зерафшан, истории и культуры ее народов привлекала внимание передовых представителей русской науки.

После завоевания Средней Азии царской Россией начинается более подробное и систематическое ее изучение, обобщение и описание русскими исследователями природы и быта, истории и материальных богатств народов края.

Начинающие ученые охотно поступали на службу учителями, врачами, агрономами и другими специалистами, чтобы сочетать свою служебную деятельность с научной работой по изучению края. На далекую колониальную окраину приезжали не только ради карьеры, но и ради дальнейшего развития науки многие энтузиасты — выпускники вузов Петрограда и Москвы, которые, приезжая в Туркестан, становились организаторами научных экспедиций по изучению Средней Азии. Так, например, в 1868—1870 годах значительный материал был собран А. П. Федченко[1] и О. А. Федченко.

В 1867 году после окончания естественного отделения физико-математического факультета Московского университета муж и жена Федченко приехали в Петербург для участия в первом Всероссийском съезде любителей природы, где познакомились с президентом общества естествоиспытателей профессором Г. Е. Шгуровским. Он предложил семье Федченко вплотную заняться изучением природы Средней Азии. После тщательной подготовки и долгого путешествия исследователи 3 января 1869 года прибыли в г. Самарканд. Молодой ученый начал свою работу с метеорологических наблюдений. Он подчеркивал, что климат Средней Азии имеет свои особенности: его наблюдения с 31 января по 4 февраля 1869 года показали, что здешняя природа схожа с климатом города Осло — столицы Норвегии, а наблюдения с 10 по 14 февраля показали, что Самаркандский климат идентичен с климатом города Рима.

В области зоологического изучения долины Зерафшана также большая заслуга принадлежит А. П. Федченко. В короткий срок

[1] Федченко А. П. Топографический очерк Зарафшанской долины и заметка о соседних бекствах и памятниках Самарканда. Из-во Общества любителей естеств., энтроп., этнограф.— Т. VIII, в. I,— М. 1870 г.

им было собрано и коллекционировано более 8 тысяч видов насекомых, птиц и животных долины. А жена ученого Ольга Александровна собрала большой материал и создала гербарий растений Зерафшанской долины. Кроме того ею были сделаны зарисовки природы, быта и орудий труда местного населения.

Семья Федченко с большим уважением относилась к местному населению и тепло отзывалась о нем. В свою очередь местное население охотно обращалось к ним за помощью. Супругов Федченко можно было встретить в различных кварталах города и населенных пунктах долины Зерафшана, где они оказывали местному населению медицинскую помощь, беседовали, выясняя что-либо по интересующему их вопросу. Весной 1869 г. Федченко организовал экспедицию для изучения долины реки Зерафшан, в верхнем течении которого он открыл ледник.

Федченко составили карту Зерафшанской долины, собрали данные о ее флоре и фауне, физической географии.

Значительная работа по изучению истории, этнографии городов и поселков края была проделана начальником зякетного управления Зерафшанского округа А. П. Хорошкиным[1]. Он пытался определить социальный состав населения, а также дать экономическую характеристику Сугутского района Зерафшанской долины.

До сего времени не потеряли своего научного интереса историко-этнографические труды В. В. Радлова, Быкова, А. Гребенкина, Л. Н. Соболева, Куна и другие, посвященные истории, географии, гидрогеологии, метеорологии и этнографии края.

Военно-промышленные круги царской России интересовались прежде всего полезными ископаемыми и природными богатствами региона. Поэтому еще при присоединении было произведено обследование горных районов Зерафшанского округа. Капитаном Гребенкиным была составлена «Записка о верховьях бассейна реки Зарафшан»[2] о возможности использования горных, лесных и других природных богатств этого района.

Активным участником этой военно-научной экспедиции был Д. Л. Иванов — впоследствии один из организаторов «хомутовского кружка», сыгравший большую прогрессивную роль в развитии русской научно-общественной мысли в Туркестане во второй половине XIX[3].

Первыми его работами являлись зарисовки зерафшанских ледников. Вслед за этим он издал статьи с рисунками об архитектурных памятниках Самарканда. В его трудах, опубликован-

---

[1] Хорошкин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края.— СПб. 1876 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 34, л. 11-18.

[3] Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, конец XIX начало XX века, Ташкент, 1962.— С. 33-36.

ных под псевдонимом «Прохорович», сообщается о первой Самаркандской актрисе Курбан-хан[1].

Князем Урусовым в 1868—1870 годах очень подробно был изучен вопрос о шерстяном производстве Зерафшанской долины до завоевания края Россией. Урусов не только изучал различные отрасли шерстяного производства в крае, он также исследовал пути дальнейшего развития животноводства, особенно новой его отрасли — тонкорунного овцеводства. Результаты его обследования были изложены в его «Записке о шерстяном деле Зерафшанского округа»[2].

В 1870 году военный инженер капитан Богаевский обследовал реку Зерафшан на предмет постройки мостов, необходимых для дальнейшей социально-экономической жизни населения края. В 1870 г. заведующий инженерными работами в Зерафшанском округе, военный инженер-капитан Богаевский, обратился к чиновнику особых поручений по горной части Татаринову с просьбой о высылке к нему земляного бура для исследования грунта, на котором может быть построен мост через р. Зерафшан, и о командировании туда одного горного рабочего, знакомого с буровыми работами. Сообщив об этом исполняющему должность начальника инженеров Туркестанского военного округа, действительный статский советник Татаринов объяснил, что, не имея надобности в буре до весны настоящего года, он находит возможным, кроме отсылки г. Богаевскому этого инструмента, командировать в Зерафшанский округ горнорабочего и горного уставщика, знакомого несколько с геологией, минералогией и горным делом[3].

Конечно, Татаринова не интересовало строительство мостов на реке Зерафшан, которые необходимы были для нужд коренного населения, его прежде всего, как он сам это подчеркивает, интересовали полезные ископаемые края. В своем личном письме начальнику Зерафшанского округа он писал:

«... Я решил командировать также и более толкового человека, который бы насколько позволит время года, познакомил нас с геологическим строением окрестностей Самарканда и, отыскивая строительные материалы, необходимые для моста, указал бы возможность открытия и других полезных ископаемых... если явится надежда на открытие каменного угля, тогда я приеду сам или пришлю инженера, чтобы попытаться осуществить эту надежду»[4].

С самого начала завоевания края русские власти предприняли попытки розыска, так называемой неизвестной библиотеки

---

[1] Иванов Д. Л. («Прохорович»). Самарканд и его древние здания, // Нива 1871;— Самарканд, гл. I—III, // Беседа, 1872 книга IV, V, VIII, IX в отделе «Русская земля»,«Туркестанский сборник».—Т. 77. СПб. 1873.

[2] Лунин Б. В. Указан. работа.—С. 37. 288 ЦГА УзССР, ф. 5 опись 1, дело 12, л. 101—117.

[3] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 1, дело 44, л. 3.

[5] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 5, дело 44, л. 1.

Тимура. Военный губернатор Туркестанской области в своем рапорте (от 17 января 1866 г.) сообщал, что им предприняты срочные меры, а именно дано указание ташкентским купцам, приезжавшим неоднократно в Бухару через Самарканд, о розыске библиотеки Тимура, которая, возможно, находится где-то в Самарканде»[1].

С 1868 г. известный русский ориенталист А. Л. Кун занимался сбором различных вакуфных документов. Он собрал более 150 ценных источников, описал их на русском языке и затем приступил к их обобщению. В 1870 году по поручению фон Кауфмана А. Л. Кун впервые в истории Средней Азии производил археологические раскопки в долине Зерафшана, собирал коллекции о памятниках древности, монеты и прочие[2]. Как свидетельствуют архивные материалы, А. Л. Куну удалось собрать большие коллекции археологических материалов и в мае 1871 года они были отправлены в Ташкент, а затем в Россию. Находки А. Л. Куна должны были экспонироваться в Петербургском Эрмитаже[3].

А. Л. Кун привлекал к археологическим раскопкам и изучению археологических материалов образованных и знающих представителей коренного населения. Например, в этих мероприятиях принимали участие: Мирза Мулла Абдурахман ибн Мухаммад Латиф, Мустажир Самарканди, известный в исторической литературе как Мирза Самарканди. Мирза Самарканди-Мирза Мулла Абдурахман (1840—1888 гг.) — уроженец Самарканда, жил и творил в своем родном городе. Он был близким другом и переводчиком А. Куна.

Мирза Самарканди сопровождал в 1870 г. А. Куна в его Искандеркульской экспедиции, в результате которой он написал «Рузнома-и-Сафари Искандаркул» (Дневник Искандеркульской экспедиции). В этом дневнике Мирзы Муллы Абдурахмана дается подробное описание всех населенных пунктов верховьев долины Зерафшана от города Пенджикента до Палдарака, от Ягноба до Искандеркуля включительно. В дневнике имеются важные сведения о социально-экономическом положении указанных районов, о быте, языке, традициях народа, а также некоторые историко-эпиграфические данные.

Главной ценностью дневника является то, что в нем подробно указывается место, откуда взято то или иное сведение и время его написания. Первую запись в дневнике Мирза Самарканди сделал 30 апреля 1870 г. в кишлаке близ г. Пенджикента, а последнюю 29 июня 1870г. в городе Самарканде. Во введении излагаются задачи, которые ставит перед собой автор дневника. В «Приложении» имеется большой фактический материал, то есть копии записей со стен мечетей и различных зданий, а также с надгробных плит и дорожных указателей, выписки из различных

[1] ЦГА УзССР, ф. 450, опись 1, л. 2, л. 73.
[2] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 1, дело 54, л. 1.
[3] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 1, л. 54, лл. 6, 8, 9.

надписей, которые встречались на пути следования экспедиции, а также частушки и песни, собранные среди населения в районах Фалгара и Матча.

Авторский экземпляр дневника отредактирован и частично переведен на русский язык А. Куном (в настоящее время хранится в Санкт-Петербурге).

Вторым произведением Мирзы Самарканди, дошедшим до нас, является «Дневник Московской экспедиции» («Рузнома- и выставка- и Маскоб»)[1], написанный в 1872 году в результате поездки в Москву, совершенной им вместе с А. Куном по приглашению «Общества любителей природоведения» для участия на выставке Российского политехнического института, посвященной 200-летию со дня рождения Петра I. В дневнике подробно описываются достижения народного хозяйства и культуры России. Особенно подробно рассказывается о работе Туркестанского отделения выставки. Этот отдел был привлекателен главным образом тем, что помещался в павильоне, напоминающем фасад здания Медресе Шердор.

Рукописные произведения ученого и переводчика Мирзы Муллы Абдурахмана Самарканди, дошедшие до нас[2], являются также ценным нормативным источником по истории языка, этнографии и археологии народов Средней Азии.

Самым значительным результатом исследований А. Л. Куна явилось то, что в 1871—1872 гг. были произведены съемки, составление планов Самаркандских архитектурных памятников для фотографического альбома Туркестанского края[3].

В 1870 году доверенный купцов братьев Каменских, Семен Ляхтин собрал и доставил в императорское археологическое общество и публичную библиотеку в Петербург и в общество любителей естествознания в Москве 109 пудов и 0,5 фунтов разных археологических находок, многочисленные древние восточные рукописи[4].

Однако, наряду с такими полезными работами во всем крае наметился нездоровый интерес к розыску древностей в среде некоторых царских чиновников, офицеров и купцов, которые всячески старались завладеть этими ценными коллекциями, с тем, чтобы использовать их в дальнейшем для личной цели, т. е. для обогащения. Так, А. Л. Кун в одном из своих писем к генералу Абрамову сообщал, что по его просьбе три человека из числа коренного населения привезли из Бухары древние золотые и другие монеты. Однако несмотря на предложенную сходную цену, они

---

[1] Мирза Самарканди. Рузнома-и выставка-и Маскоб. Ленинградское отделение ИВ АН СССР, Рук. инв. № 8806.

[2] О рукописях Мирзы Абдурахмана более подробно смотри: Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР, М.-Л, 1955.— С. 100-102.

[3] Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, труды СамГУ, вып. IXXXI, 1956.— С. 9.

[4] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 1, дело 54, л. 12.

отказались продать их А. Куну, а продали начальнику Самаркандского отдела подполковнику Серову, который намеревался продать эти монеты за более высокую цену. А. Кун просил Абрамова принять меры, чтобы царские чиновники прекратили спекуляцию памятниками древности. Абрамов в ответе на письмо Куна, хотя и любезно соглашался с ним в этом вопросе, в то же время наотрез отказался вмешиваться в это дело и объявил, что частная собственность чиновников является неприкосновенной[1].

Молчаливое согласие Абрамова на ограбление памятников старины окрылило «служилый люд», и некоторые из них стали производить грабительские раскопки на городище «Афрасиаб» в Самарканде, не имея об археологических раскопках ни малейшего понятия. Чтобы прекратить это грабительство, царские власти в Туркестане вынуждены были издать 3 марта 1871 г.— специальный циркуляр за № 942, запрещавший всякие самовольные археологические раскопки без личного разрешения Кауфмана[2]. Но такое распоряжение мало повлияло на самодеятельных «исследователей», поэтому царские власти вынуждены были издавать аналогичные распоряжения и позднее в 1879, 1882 и 1892 гг.[3]

По поручению Русского географического общества, летом Н. П. Барбот де Марни провел геологические наблюдения в Зерафшанском оазисе. Материалы наблюдений не были обработаны, а только изложены в рукописном виде [4].

Работы Г. Д. Романовского и И. В. Мушкетова по геологии, проведенные ими в 1874 году, особенно обследование месторождения полезных ископаемых, имели крупное научное значение. Результаты их исследования были опубликованы в 1878 году[5]. А в 1886 году эти материалы были научно обобщены И. В. Мушкетовым в его классическом труде «Туркестан»[6]. Нельзя не сказать о роли русских ученых Г. Д. Романовского и И. В. Мушкетова в жизни коренного населения обследуемых ими районов края. Во время своих экспедиций они занимались не только исследованием, но и общались с местным населением, старались заручиться его дружеским расположением. И понимая их благородные намерения местное население охотно помогало им в осуществлении планов научно-исследовательских работ[6].

В 1875 году в связи с неспокойным положением на афгано-бухарской границе по приказу Кауфмана была организована экспедиция военно-топографического характера, которая два ме-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 1, дело 54, л. 11.
[2] Там же, л. 3.
[3] Массон М. Е. Указан. работа.— С. 9.
[4] Саидов А. К истории географического изучения Зерафшанской котловины. Вестник ЛГУ, 1963, № 18.
[5] Романовский Г. Д. Материалы для геологии Туркестанского края, вып. I-III.— СПб. 1973.
[6] Мушкетов И. В. Туркестан (геологическое и орфографическое описание).— Т. 1.— СПб. 1886.
[7] ЦГА УзССР, ф. 1 опись 1 дело 1753, т. I.

сяца находилась в районе Гиссара и Куляба. Члены экспедиции (председатель статистического комитета Туркестанского края Е. Маев — руководитель, подпоручик Вишневский и астроном Шварц проникли в местности, где до них не ступала нога европейского путешественника. Они дошли до границы Дарваза и Кундуза.

По возвращении из экспедиции Вишневский составил полную и подробную карту Гиссара, Куляба и некоторых районов горных ущелий и верховьев Зерафшана. Ученый мир получил возможность познакомиться с неизвестными материалами. Н. Маев составил подробное топографическое описание пройденной экспедицией местности, а астроном Шварц определил 14 астрономических наблюдательных пунктов в гиссарских и кулябских районах[1].

В 1878 году была организована первая научная экспедиция Туркестанского отдела любителей естествознания, антропологии и этнографии. Начало работы этого отдела, по словам В. В. Бартольда, относится к 1870 году[2]. В составе экспедиции были ученые В. Ф. Ошанин (секретарь отдела, руководитель), Г. Е. Родионов (топограф) и М. И. Невеский (ботаник). В задачу экспедиции входило исследование Каратегина и верховьев Амударьи.

25 июля 1878 года экспедиция выехала из Самарканда, обследовав по пути часть территории Каратегина и Дарваза. Затем в верховьях долины Сельсу она открыла грандиозное горно-ледниковое образование, которое впоследствии было названо именем великого исследователя Средней Азии А. П. Федченко[3]. Ледник Федченко — источник, питающий реку Зерафшан, от таяния его льдов зависит объем воды этой реки, следовательно и степень обеспеченности водой полей Зерафшанского, Бухарского и Кашкадарьинских оазисов.

М. Невеский во время экспедиции собрал много ценных сведений о растительном мире края. В его работе, опубликованной в 1894 году, приводится список 25 видов деревьев и кустарников, растущих в Зерафшанской долине, перечисляются интродуцированные виды плодовых деревьев и кустарников[4].

В 1879—1905 гг. было осуществлено путешествие русского ученого В. Ф. Ошанина, во время которого проводились главным образом энтомологические исследования и сбор образцов насекомых. В июне 1884 года он организует экскурсию по краю из учеников одной из Ташкентских гимназий, маршрут которой проходил через Ташкент, Голодную степь, Ура-Тюба, Джизак, Самарканд и

---

[1] Туркестанские ведомости, 26 октября 1875 г.

[2] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе к России. (Лекции, читанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков при ВИК СССР) изд. второе, л. 1925.— С. 262.

[3] Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность.— Ташкент. 1962.— С. 100.

[4] Невеский В. М. Список деревьев и кустарников, произрастающих в Самаркандской области. Справочная книжка Самаркандской области на 1894 г. вып. II, Самарканд, 1894.

Пенджикент. Ученого и его питомцев интересовали ирригационные искусства дехкан, хозяйственная деятельность местного населения; природные условия и животный мир.

Посещение районов края произвело на Ошанина неизгладимое впечатление. Он писал: «Направо и налево, по течению Зерафшана, местность представляет беспрерывную цепь садов и кишлаков, как будто один город стоит на протяжении 25 верст в ширину и без конца в длину.

Конечно, почва и сама по себе здесь очень плодородна, так как состоит из того же леса, который здесь, вероятно, по причине большой влажности кажется темнее. Но Зерафшан имеет огромное значение в том отношении, что не дает почве истощаться, так как несет и оставляет на полях массу минеральных частиц и тем пополняет их убыль...»[1].

В. Ф. Ошанин очень хорошо отзывается также о Самарканде. Он пишет, что Самарканд и его окрестности густо засажены декоративными деревьями, благодаря чему здесь не чувствуется жары и сухости, как в Ташкенте. Ученого особенно восхищает Абрамовский бульвар, (ныне имени М. Горького) и парк. Парку и бульвару,— пишет В. Ф. Ошанин,— мог бы позавидовать и Петербург, не говоря уже про Ташкент. Василий Федорович также отмечает, что в Самарканде очень развиты садоводство и виноградарство.

В работах ученого можно найти и полезные советы и рекомендации о развитии хлопководства и шелководства в крае.

В. Ф. Ошанин был сторонником тесной связи образования с производством, с жизнью населения края. Он отмечал, что проведенная учебная экскурсия имела большое значение, т. к. дала возможность познакомиться с обширным пространством и народом Туркестанского края.

Большая работа была проделана комплексной экспедицией, организованной в 1879 году для исследования направления будущего железнодорожного пути и для определения степени судоходности Амударьи[2]. В состав этой экспедиции входили: граф Ростовцев, инженер Ляпунов, профессора Сорокин и Мушкетов, художник Каразин, инженер Соколовский, художник Симаков, подполковник Маев, Лункевич, Кремгейр, доктор Валицкий, зоолог Пельцам и другие. Экспедиция работала двумя партиями, по двум направлениям. В июне 1879 г. все члены экспедиции, собравшись в Самарканде, решили, что одна группа направится через степь в Карши изучать сухопутные дороги, другая пойдет через Китаб, Шаар, Яр-Тюбе, Капта-Минар в Дербент, в котором они должны встретиться и дальше снова раздельно вести свое исследование согласно программе.

Изучение быта было поручено Н. Н. Каразину, который должен был вести подробный путевой журнал экспедиции. Художник

---

[1] // Ленинский путь, 19 декабря 1969.
[2] // Туркестанские ведомости. 1879, № 32.

Н. Е. Симаков, побывав в Шааре, должен был возвратиться в Самарканд, где в течение 3-х недель копировал и изучал архитектурные памятники, преимущественно Гур-Эмир, Шах-и-Зинда и Биби-ханум. В результате этой экспедиции был собран огромный фактический материал, сыгравший важную роль в дальнейшем изучении Туркестанского края.

Систематические наблюдения над природой края русскими учеными начинаются с 1878 года. Организуются метеорологические станции[1] в Самарканде (1878 г.), в Пенджикенте, в Джизаке (1881 г.), в Каттакургане (1901 г.), в Красногвардейском (1909 г.). Обработка обширных материалов этих станций производилась Л. А. Молчановым[2], составившим впоследствии климатическую карту Средней Азии.

§ 2. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТУРКЕСТАНЕ

Значительную роль в экономическом изучении истории края сыграл созданный в 1887 г. при Туркестанском генерале-губернаторе Краевой статистический комитет. На примере самаркандского областного статкомитета можно кратко познакомиться с их деятельностью.

Самарканд, хотя по своему торгово-экономическому значению и выгодному географическому расположению занимал важное место в жизни Туркестанского края, в отличие от Ташкента не являлся главным научным центром в колониальный период. Единственным в Самаркандской области научным центром был Самаркандский областной статистический комитет[3]. На основании статьи 55 Положения об управлении Туркестанского края и приказа по Туркестанскому краю от 29 августа с 1 октября 1887 г. в г. Самарканде был учрежден Самаркандский областной статистический комитет, который должен был работать, согласно общему положению о губернских статистических комитетах[4]. По своему юридическому положению, функциям, бюджету, составу и т. д. он относился к правительственным учреждениям.

Однако, при знакомстве с его деятельностью выясняется, что там в основном сосредотачивалась низовая часть царского аппарата и местный краеведческий актив, добровольно содействовавший работе этого комитета. В Самаркандский комитет входили 3 постоянных члена по своей административной должности и 29 действительных членов из числа местных чиновников. Постоянным

---

[1] Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник.— СПб. Изд. Турк. статистического комитета, под ред. Н. А. Маева. Вып. IV. 1876.— С. 134.

[2] Молчанов Л. А. Климатическое районирование Туркестана. Статистический ежегодник. 1917—1923 гг.— Т. I.— Ташкент, изд. ТЭС, 1924.

[3] Лунин Б. В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестана. Общественные науки в Узбекистане, № 6, 1962.—С. 34.

[4] ЦГАИАЛ СССР, ф. 1290, опись 2, л. 285.

секретарем и главным его организатором являлся М. Вирский, которого К. Пален рекомендовал заменить более высокопоставленным чином, ибо, по мнению Палена, по уровню образования и кругозору он не соответствовал требованиям[1].

Видимо, дело было не в образовании, а в стиле работы статистического комитета, который при непосредственном участии его секретаря М. Вирского, местного краеведа — ученого В. Л. Вяткина, В. П. Наливкина и других стал заниматься не только статистикой, но и наукой, краеведением, которые по официальному мнению верховных властей не входили в непосредственную задачу статистического комитета. По мнению К. Палена, комитет должен только собирать статистические сведения по всем отраслям экономической и хозяйственной жизни населения Самаркандской области, на основании которых составлять ежегодные отчеты или статистические обзоры, в виде приложений к отчетам военных губернаторов.

До 1891 года, говорится в ревизии Палена, комитет эту задачу выполнял в основном успешно. После 1891 года деятельность комитета во многом расширилась, комитет не только стал собирать данные для составления обзора, но и различные материалы сугубо научного характера и занялся издательской и до некоторой степени просветительской деятельностью.

В начале 1907 года в библиотеке Самаркандского областного статистического комитета имелось 2505 названий книг с общим фондом 4877 экземпляров. Только в 1906 г. в библиотеку поступило 167 названий 299 экземпляров. В 1908 г. в ней было 2672 наименований с 5168 экземплярами. Для того времени это была большая библиотека. Она находилась в здании статистического комитета. Музеем и библиотекой статкомитета заведовал В. Л. Вяткин[2].

Наряду с научной и общественной деятельностью В. Л. Вяткин занимался и редактированием некоторых изданий. Помимо «Обзоров Самаркандской области» в 1900—1907 годах он редактировал 1-е, 2-е, 3-е издание «Русско-узбекского словаря» С. А. Лапина, третье издание этого словаря было отпечатано в 1907 г. в типографии «Русская окраина» тиражом 3000 экз.[3].

По инициативе членов правления Облстатистического комитета особенно, В. Л. Вяткина, в 1908 г. организована специальная библиотека в «старой» части города Самарканда, которая находилась в помещении медресе Шер-дор и заведовал ею В. Л. Вяткин[4]. Она обслуживала главным образом мусульманское население города.

Следует особо подчеркнуть, что все материалы, собранные статистическим комитетом, как неоднократно подчеркивалось самими

---

[1] Пален К. Областное управление.— СПб. 1910.— С. 313-314.
[2] ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, опись 1, дело 62, л. 118.
[3] ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, опись 1, дело 62, л. 116.
[4] Там же, ф. 1396, опись 1, дело 103.

собирателями, составителями, а также производившим в 1908 году ревизию края сенатором Паленом, не имели большей частью научной теоретической основы, страдали злоупотреблением «приблизительными» средними данными. Областной статистический комитет Самарканда работал по принципу земских статистических комитетов других губерний России, которые по полноте отдельных данных и детализации их стояли выше западноевропейской статистики.

Вместе с тем, все эти статистические материалы в настоящее время для современного исследователя остаются наиболее ценными, а зачастую единственными источниками для изучения социально-экономической истории края с 1887 года вплоть до Октябрьской революции.

Статистический комитет с первых дней своего образования делает попытку составить краткую историю Самарканда за 20 лет, после его завоевания царской Россией. Эта задача была отчасти выполнена и материалы представлены для печати. Но, из-за случайных обстоятельств, т. е. в результате беспечности бывшего начальника штаба г. Самарканда, которому рукопись была отдана для передачи на просмотр генерал-губернатору, она была утеряна.

К числу удачных изданий Комитета следует отнести «Сборник материалов для статистики Самаркандской области», отпечатанный в 1890 г. в Самарканде. В этом сборнике впервые в истории Зерафшанской долины давались некоторые цифровые данные, отражающие социально-экономическое положение долины за 1887—1888 гг. В «Сборник» были также включены некоторые сведения — статьи краеведческого характера о сельском хозяйстве, школьном деле, о географии и ирригации долины Зерафшан.[1]

Комитетом было издано 23 выпуска «Обзоров Самаркандской области» за 1889—1912 годы (Самарканд 1890—1913 гг). Затем Комитет опубликовал 10 выпусков «Справочной книжки Самаркандской области»[2], а также 17 выпусков «Адресов-календарей Самаркандской области»[3]. Кроме того он издал «Туркестанский коммерческий адрес-календарь на 1898 г.», составленный М. Вирским[4].

---

[1] Сборник материалов для статистики Самаркандской области, Самарканд, 1890 г.

[2] Справочные книжки Самаркандской области, Самарканд, 1893—1912 гг.

[3] Первые три выпуска «Адрес-календарь» Самаркандской области (1893—1914 гг.) издавались отдельно от справочника Самаркандской области, а с 1899 г. он иногда включался в содержание справочников, а иногда издавался отдельно.

[4] Вирский М. Сведения о Зерафшанском округе, см. Материалы для статистики, Туркестанского края, Ежегодник, вып. IV, 1876.— С. 10-112. Он же. О Самаркандском крае и его обитателях таджиках. Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, вып. XXXV, 1879.

В этом календаре можно найти материалы о торгово-промышленных фирмах Самаркандской, Ферганской, Сыр-Дарьинской областей и Бухарского ханства, представляющие теперь особую ценность. Некоторые работы М. Вирского были изданы еще до образования Самаркандского статистического Комитета, в них имеются некоторые ценные сведения по этнографии, быту, промыслам населения Зерафшанской долины.

Представляют интерес сведения историко-экономического характера и культурно-бытовое описание отдельных населенных пунктов в работах М. С. Андреева[1], М. Вирского[2], И. М. Слуцкого[3], Н. В. Позднякова[4], Н. С. Лыкошина[5], Ф. Поспелова[6], В. Л. Вяткина[7] и др., опубликованные как на страницах печати областного комитета, так и на страницах других журналов и сборников. Самаркандскими краеведами — М. Вирским [8], И. П. Петровым[9], В. Л. Вяткиным[10] публиковались статьи, связанные с изучением вакуфных документов долины Зерафшана. Истории и состоянию кустарной промышленности в Самаркандской области посвящены работы Ю. О. Якубовского,[11] Н. А. Кирпичникова,[12] Ф. Поспелова [13] и др.

Ценным вкладом в науку явились капитальные работы известного туркестанского ученого В. Л. Вяткина (1859—1932 гг.), изданные еще в дореволюционное время[14]. В. Л. Вяткин был одним

---

[1] Андреев М. С. Исторические заметки о Ходженте. СКСО за 1966 г.

[2] Вирский М. Очерк Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области по данным земельно-податных работ. СКСО за 1912 г. Хлопководство и хлопковая промышленность Самаркандской области, СКСО, 1897 г.

[3] Слуцкий И. Краткий очерк Самаркандского виноделия в связи с виноградарством. Очерки хлопководства Самаркандской области. СКСО за 1987 г.

[4] Позднякоь Н. В. Русские поселки в Голодной степи Самаркандской области в 1898—1899 гг. СКСО за 1897 г. Культура риса и ее экономическое значение в Самаркандской области, СКСО за 1907 г.

[5] Лыкошин Н. С. Чапкуплукская волость Ходжекентского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения. СКСО за 1906 г.

[6] Поспелов Ф. Шелководство в Каттакурганском уезде. Ж. Туркестанское сельское хозяйство, 1909 № 6. Птицеводство в Каттакурганском уезде. Ж. Туркестанское сельское хозяйство. 1910. № 4-5.

[7] Вяткин В. Л. О борьбе с саранчой в Самаркандской области с 1890 по 1909 гг. СКСО, X. 1912 г.

[8] Вирский М. Медресе и мечети Самарканда и их вакуфы. Материалы для статистики Туркестанского края, IV, 1876.

[9] Петров И. П. О вакуфах в Самаркандской области. Юридический вестник. 1891, кн. 2.

[10] Вяткин В. Л. О вакуфах Самаркандской области, СКСО, IX. 1907 СКСО, 1896.

[11] Якубовский Ю. О. Переплетное ремесло у туземцев Самарканда, СКСО, 1896.

[12] Кирпичников Н. А. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области, СКСО, V, 1897.

[13] Поспелов Ф. Кустарная промышленность в Каттакургане // Туркестанское сельское хозяйство. 1912, № 8.

[14] Бетгер Е. К. Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина. Труды ТашГУ, Археология Средней Азии, V. Ташкент, 1960.— С. 124-127.

из крупных русских ученых, который посвятил свое творчество изучению Средней Азии, истории населявших ее народов. У него не было археологической школы, не было предшественников, у которых можно было бы учиться. Он был талантливым краеведом, которого интересовало все. Археологические раскопки он вел «не по науке», а как писали его оппоненты, «Формалистически подводил к описываемому материалу». По словам известного историка-востоковеда В. В. Бартольда, он был «лучший знаток Самаркандских памятников».

Василий Лаврентьевич Вяткин приехал в Самарканд после окончания Ташкентской учительской семинарии. Владея несколькими языками, в том числе узбекским, персидским, таджикским, он занимался исследованием истории города, сбором и переводом уникальных рукописных источников, вакуфных документов, легенд, рассказов местных жителей и др. Все это помогло ему написать замечательные работы, актуальные и по сей день.

Для характеристики диапазона интересов В. Л. Вяткина отметим, что он занимался историей, экономикой, культурой, этнографией, фольклором коренного населения Зерафшанской долины. Его интересовало буквально все, что представляло какой-либо интерес для науки. Так, на страницах «Справочника книжек Самаркандской области» были опубликованы такие крупные работы В. Л. Вяткина, как перевод рукописи Мир Абу Тахир Ходжи Самарканди «Самария»[1]. Там же были опубликованы текст перевода части рукописи ас-Самарканди «Кандия-й и Хурд (Кандия Малая)»[2]. Эта рукопись содержала описание различных видов мазаров Самарканда и ряд ценных данных относительно истории города. Далее им были переведены и опубликованы значительная часть «Бабурнаме»[3], «Риссоля» Мухаммада Салиха[4], легенды об основании и истории Самарканда.

В. Л. Вяткин занимался и исследованием исторической топографии Самаркандской области, результаты которого были подытожены в его труде «Материалы исторической географии Самаркандского вилайета»[5]. Эта работа, как и другие труды В. Л. Вяткина, была высоко оценена В. В. Бартольдом. «Работы

---

[1] Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Абу Тахир Ходжи, перевод В. Л. Вяткина, предисловие и примечание переводчика. СКСО, вып. VI, Самарканд, 1899.— С. 153-259.

[2] Вяткин В. Л. Кандия Малая, перевод краткой редакции на персидском языке арабского труда Абу Хафса Нажметдина Умара б. Мухаммад ан-Насафи ас-Самарканди, предисловие и примечание переводчика, СКСО, вып. VIII, Самарканд, 1906.— С. 235-290.

[3] Вяткин В. Л. Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию султана Бабура-Мирзы, перевод из «Бабур-наме», СКСО, 1896.

[4] Вяткин В. Л. Самаркандский вилает (перевод из «Риссоля» Мухаммеда Салиха). СКСО, V, 1897.

[5] Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, СКСО, VII, 1902.

В. Л. Вяткина,— писал В. В. Бартольд,— занимают совершенно исключительное место среди работ по истории Туркестана»[1].

Трудно приходилось молодому исследователю. Власти были безразличны к судьбе древних памятников, которые пребывали в самом плачевном состоянии. Кладоискатели, а их было немало, расхищали памятники древности, продавали их за границу. И неизвестно еще, какими бы самаркандские памятники дошли до нас, если бы В. Л. Вяткина не назначили их смотрителем. Тот факт, что только после протеста В. Л. Вяткина удалось предотвратить гибель мавзолея Ишратхона и снятие изразцов со здания ансамбля Шах-и-Зинда, говорит о многом.

Все годы, проведенные в городе древности, Василий Лаврентьевич вел новые раскопки, тщательно собирал и анализировал сведения о месте нахождения обсерватории Улугбека. И его труды увенчались одним из замечательнейших археологических открытий нынешнего столетия: ученый в 1908 г. обнаружил руины обсерватории Улугбека. Сектант обсерватории, найденный Вяткиным, и сейчас остается редчайшим и наиболее старым из всех известных археологам инструментом, которыми пользовались астрономы средних веков. В ходе поисков материалов по данной теме нами в историческом архиве Санкт-Петербурга был обнаружен интересный документ, характеризующий политические взгляды В. Л. Вяткина. Как видно из содержания этого документа от 12 февраля 1907 г., через Самарканд в Петербург проезжал член Государственной думы второго созыва депутат из Туркестана Наливкин. «Проводить... его собралась на станции большая толпа народа, состоявшая из рабочих и немногих чиновников, среди которых были штабс-капитан Чернявский, который был удален со службы за политическую неблагонадежность...», был среди собравшихся и Вяткин[2].

Этот документ наталкивает на мысль о том, что В. Л. Вяткин был до некоторой степени близок и солидарен с революционерами Самарканда, и что это служило серьезным основанием для царской администрации в преследовании и притеснении ученого за его политические взгляды.

В послереволюционные годы полностью раскрывается талант В. Л. Вяткина — ученого, педагога, общественного деятеля. Он мечтал восстановить памятники зодчества, развернуть широкие раскопки Афрасиаба, создать в городе богатейшую коллекцию, превратить Самарканд в город-музей. Мечта ученого осуществилась спустя многие годы. Только смерть прервала его работу. Благодарные самаркандцы похоронили Василия Лаврентьевича у стен Регистана, а позже перенесли его останки к обсерватории Улугбека.

---

[1] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. второе.— Л. 1925.—С. 268.

[2] ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, опись 1, дело 62, л. 56 и 57.

В историко-археологическом изучении Средней Азии велики заслуги замечательного русского востоковеда-историка, разностороннe эрудированного ученого, академика Василия Владимировича Бартольда. Академик В. В. Бартольд является основателем изучения древней и средневековой истории Узбекистана. В 1893 г. Петербургский университет направил В. В. Бартольда в Среднюю Азию для изучения на месте памятников древней архитектуры и письменности.

С первым своим научным докладом В. В. Бартольд выступил 11 декабря 1893 г. на очередном заседании Туркестанского отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Его выступление было посвящено исследованию путей сообщения Китая и Средней Азии через Семиречье.

В. В. Бартольд выдвинул идею организации кружка любителей археологии в Туркестане. В октябре 1895 года под непосредственным руководством ученого был составлен и утвержден устав кружка. Кружок не пользовался материальной поддержкой правительства. Кружок насчитывал 107 членов, наиболее активными из которых являлись 16 человек, в том числе В. В. Бартольд, Д. М. Левшин, Н. С. Ликошин, К. В. Аристов, В. Ф. Ошанин[1].

Вскоре руководимый Бартольдом кружок приобрел большое практическое значение. Кружок постепенно превратился в научный центр историков и археологов. В. В. Бартольд, признанный глава русских востоковедов, непосредственно руководил и работой историков и археологов Туркестана. В результате усилий В. В. Бартольда в 1899 г. отделения археологического кружка были организованы в гг. Самарканде, Ашхабаде и Фергане[2]. При непосредственной поддержке и повседневной помощи В. В. Бартольда, В. Л. Вяткин сумел в 1898 г. подготовить и издать переводы большей части трудов Абу Тахир Хаджи «Самария» и Бабура «Бабурнаме».

Одним из фундаментальных трудов В. В. Бартольда, касающихся древней и средневековой истории Узбекистана, явилась его замечательная монография «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898—1900 гг.) Этот труд — огромный вклад русской науки в изучение прошлого Средней Азии[3].

В. В. Бартольд занимался и историей Тимура и тимуридов. Он тщательно изучил труды Хафиза Абруя и разрешил многолетний спор об Узбое. Работа В. В. Бартольда была издана в 1897 г. Он дает очень обстоятельную характеристику историко-географического положения Самарканда в XV—XVI веках.

В связи с 500-летием (1399—1899 г.) завершения строительства мечети Бибиханым в Самарканде, В. В. Бартольд написал

---

[1] Сагдиев А. Историческая наука прошлого Средней Азии в Туркестане в XIX в.— Ташкент. 1960.— С. 72-74 (на узб. яз.)

[2] Сагдиев А. Указан. работа.— С. 78.

[3] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, часть первая, тексты, часть вторая, исследование.— СПб. 1898—1900.

научную статью, посвященную сохранению и реставрации исторических памятников Туркестанского края. По существу, это была первая попытка в дореволюционное время организовать охрану и реставрацию памятников древности в Туркестанском крае.

В 1896—1901 годах, когда В. В. Бартольд работал в Петербургском университете, им была составлена коллекция денежных знаков Средней Азии, где значительное место отводилось Самаркандским дерхемам. В. В. Бартольд опубликовал ряд статей, посвященных известным и ранее неизвестным самаркандским дерхемам. В этих статьях подробно останавливается он на вопросах древней и средневековой истории, социально-экономической жизни населения Самарканда.

Не потеряли своего значения и в настоящее время замечательные труды В. В. Бартольда «Улугбек и его время»[1], «К истории орошения Туркестана»[2] и другие. По совершенно справедливому свидетельству одного из учеников и последователей его дела, профессора СамГУ, И. И. Умнякова, «В. В. Бортольд (1869—1930 гг.) принадлежит к редкой категории ученых, появление которых оставляет в избранной ими специальности неизгладимый след. Круг его научных интересов чрезвычайно широк. В его произведениях нашли отражение средневековая история стран Ближнего и Среднего Востока и особенно Центральной Азии, история ислама, ранняя история арабского халифата, история и филология Ирана, Афганистана, историческая география, история Китая и Закавказья, история филологии и этнографии тюркских и монгольских народов, мусульманская эпиграфия и нумизматика, источниковедение и история русского и мирового востоковедения»[3].

При подготовке к печати десятитомного собрания сочинений трудов академика В. В. Бартольда редакционная коллегия широко использовала «Аннотированную библиографию работ академика В. В. Бартольда», составленную профессором И. И. Умняковым[4]. Профессор И. И. Умняков в результате своего многолетнего труда в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Ташкента собрал огромный материал и сумел включить в библиографию трудов В. В. Бартольда свыше 460 наименований печатных работ ученого. Кроме того И. И. Умняковым были учтены 28 статей в русских энциклопедических словарях, 246 статей в «Энциклопедии ислама». И. И. Умняков обнаружил и включил в библиографию В. В. Бартольда его труды «Речь перед защитой диссертации». («Туркестан в эпоху монгольского нашествия»), 5 глава его капитального труда «Тур-

[1] Бартольд В. В. Улугбек и его время. Записки Рос. Акад. наук, VIII серия.— Т. XIII, № 5, Пг. 1818.

[2] Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Ж. Сельское хозяйство и лесоводство, 1913. Отдельный оттиск ГУЗ и земельных улучшений.— СПб. 1914.

[3] Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов академика В. В. Бартольда. Труды СамГУ. Новая серия, выпуск 136.— Самарканд. 1964.— С. 33.

[4] Ценная работа о великом ученом // Ленинский путь, 3 октября 1964. № 195.

кестан в эпоху монгольского нашествия», а также ряд публицистических статей, опубликованных ученым на страницах газеты «Окраина», которая издавалась до января 1894 года в Самарканде.

Самарканд являлся для В. В. Бартольда постоянным объектом изучения, где он проводил вместе с В. Л. Вяткиным археологические раскопки древнего городища Афрасиаб, занимался вопросами охраны и реставрации исторических памятников Средней Азии.

Следует также отметить полезную деятельность русского краеведа Ю. И. Бржезицкого, сведений о деятельности которого почти не сохранилось в нашей исторической литературе.

До 90-х годов прошлого века местные дехкане не имели представления о рамочном пчеловодстве. Будучи на государственной службе в Пенджикенте, Ю. А. Бржезицкий решил познакомить с новыми промыслами местное население. Для этого он приобрел стеклянный улей и демонстрировал дехканам приемы ухода за пчелами. В 1900 году его перевели в Самарканд. И здесь он продолжал заниматься любимым делом.

За развитие рационального пчеловодства он был награжден высшей наградой Самаркандской выставки шелководства и пчеловодства 1900 года. На Туркестанской сельскохозяйственной, промышленной и научной выставке 1909 года, за перевод на местный язык книги Лангстрота «Пчела и улей», изданной в Самарканде в 1910 году, и за многолетнюю деятельность по распространению рамочного пчеловодства он был награжден большой золотой медалью.

Немало сделал Бржезицкий по организации культурно-просветительных учреждений в Самарканде. В 1874 году в Самарканде был создан музей и спустя 10 лет большая часть его коллекции была передана в Ташкент. Второе рождение музея относится к 1896 году. Строительством помещения для музея и библиотеки ведал специальный комитет, которым руководил Ю. А. Бржезицкий. Он активно участвовал в разработке программы, направления работы музея и библиотеки, комплектовал зоологические коллекции, жертвуя для этого частью собственных сбережений. Ю. А. Бржезицкий является основателем Самаркандского ботанического сада (ныне опытный ботанический сад СамГУ), где были коллекционированы различные виды деревьев и кустарников, привезенных по заказу Ю. А. Бржезицкого из Китая, Индии и других стран.

Благодаря самоотверженному труду и материальной поддержке Бржезицкого в 1911 году было завершено строительство Самаркандской научной библиотеки (ныне в этом зданий помещается Самаркандская областная детская библиотека № 1) и ее фонды значительно пополнились научной литературой.

Прогрессивная русская интеллигенция оказывала большое влияние на формирование интеллигенции из коренного населения. Уже в 80-90-х годах прошлого столетия в Самарканде под влиянием русских исследователей, коллекционеров и научных обществ и кружков выросла группа любителей истории, старины, собира-

телей древности и исследователей, среди которых выделяются имена Мирзы Бухари, Мирзы Барата Муллы Касымова и др.

Они в числе первых приобщились к работе по отысканию в Туркестане месторождений полезных ископаемых, описанию и изучению исторических памятников Зерафшанской долины.

После вхождения Самарканда в состав России значительно оживилась деятельность русских ученых-исследователей по изучению памятников старины. В 1870 году под руководством русского востоковеда А. Куна в Самарканде проводились первые мероприятия по археологическому исследованию и собиранию памятников старины.

Но имели место и такие факты, когда некоторые «служилые люди»— русские чиновники, присваивали различные старинные вещи в целях наживы.

Собирание и торговля древностями издавно существовали в Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Ашхабаде и других городах Средней Азии. А Самарканд являлся главным центром торговли предметами старины. Объяснялось это тем, что законченная в 1888 году Закаспийская военная железная дорога имела своим конечным пунктом Самарканд, почему в древнюю столицу Тимура устремилось множество интеллигенции из Европейской России и из-за границы[1].

С течением времени собирательство древностей стало находить своих поклонников и в среде представителей коренного населения. Так, первые упоминания об археологических и нумизматических собраниях местных жителей Самарканда относятся к 80-м годам XIX века. Одним из видных собирателей древностей в Самарканде был Мирза Бухари. Этот купец 2-й гильдии владел в Самарканде, а затем в Ходженте шелкомотальными мастерскими, вел крупную торговлю шелком, шелковыми халатами и другими товарами[2]. Его предпринимательская деятельность не мешала ему заниматься просветительской деятельностью, а его материальные возможности позволяли ему не ограничивать своих собирательских интересов. Его коллекции экспонировались на выставках в 1878 и в 1886 году — в Ташкенте, 1887 году — в Харькове и были отмечены призами[3].

Сильное влияние на Мирзу Бухари оказал русский ученый И. И. Веселовский, который познакомился с ним в 1883 году. По сообщениям советского исследователя Б. В. Лунина, Н. И. Веселовский приобрел у Мирзы Бухари в 1883 году 1202 предмета, в том числе 11 золотых, 77 серебряных и 951 медную монету, 13 мед-

---

[1] Семенов А. А. Нечто о среднеазиатских иммах, их любителях и собирателях. (Из воспоминаний прошлого) «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР», 14.—Душанбе, 1957.— С. 145.

[2] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 3, дело 47, л. 32, 34.

[3] Лунин Б. В. Самаркандский любитель старины Мирза Бухари. Общественные науки в Узбекистане, № 6, 1963.— С. 34.

ных серег, 3 идольчика (медный, каменный и глиняный), 18 печатей, 6 камней с высеченными изображениями людей и животных и др. предметы древности[1].

В 1887 году после Харьковской выставки Мирза Бухари посетил Москву и Петербург. Эти поездки оставили у него глубокое впечатление.

Многочисленные документы свидетельствуют, что он до конца своей жизни (Мирза Бухари умер в 1893 г. от холеры) не изменил своему пристрастию к собиранию древних предметов. Несомненно, ему удалось внести свой посильный вклад в дело изучения истории Средней Азии. В письме от 6 июня 1889 года на имя археологической комиссии он писал: «...занимаясь много лет приобретением древних предметов» и, не рассчитывая на особое вознаграждение, все-таки стараюсь для общей пользы и науки нашей России и оставить память прочим, что именно в Туркестанском крае занимался преимущественно я дабы и прочие из... нашего народонаселения имели бы об этом особое пристрастие к древним предметам»[2].

Мирза Бухари был знаком с Фуркатом. Как сообщает И. М. Муминов, в 1891 году поэт побывал в Самарканде и жил у Мирзы Бухари. «С большим вниманием,— пишет И. М. Муминов,— осматривал Фуркат древние вещи (из собрания Бухари), характеризующие уровень культуры Средней Азии, примерно тысячу и более лет назад и относящиеся к периоду завоевания Средней Азии арабами и даже греками. Об этом Фуркат упоминает в своем письме в редакцию «Туркистон вилояти газетаси», опубликованном в августе 1891 года»[3].

Видным собирателем и любителем старины был и Мирза Барат[4]. Мирза Барат Мулла Қасимов был ученым переводчиком и каллиграфом. По свидетельству его внука Фахриддина Баратова[5] Мирза Барат Мулла Қасимов родился примерно в первой половине XIX в. в квартале Махдуми Хорезми города Самарканда. С детства он овладел арабским и персидским языками, интересовался различными видами каллиграфии. Его последним учителем по каллиграфии был известный самаркандский каллиграф Мирза Ходжи Самарканди. В 50-60 годах XIX века Мирза Барат стал широко известен как ученый и мастер цветной каллиграфии.

Мирза Барат преподавал родной язык и каллиграфию в одной из первых русско-туземных школ Самарканда. Мирза Барат был

---

[1] Лунин Б. В. Цит. работа.— С. 35.

[2] Там же.— С. 39.

[3] Муминов И. М. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX века, Ташкент, Госиздат, УзССР, 1957.— С. 116.

[4] Чабров Г. Узбеки-археологи дореволюционного Туркестана, Ж. Звезда Востока: № 1, 1957.— С. 145.

[5] Фахриддин Баратов — внук Мирзы Барата, проживает в настоящее время в Самарканде, пенсионер.

знаком с русскими учеными и исследователями Средней Азии. Источники свидетельствуют, что он работал в тесном контакте с известным русским историком-востоковедом Н. Веселовским. Веселовский в 1885 году в течение 4 месяцев проводил археологические работы на городище Афрасиаб. Видимо, в этот период русский востоковед и познакомился с Мирзой Баратом и убедил его серьезно заняться историей Самарканда, копировать и изучать арабские надписи с исторических памятников. Об этом свидетельствует содержание переписки между Н. Веселовским и Мирзой Баратом в 1886 году[1].

Мирза Барат Мулла Қасимов, замечательный художник и каллиграф, одним из первых срисовал с точным соблюдением красок все надписи медресе Шер-дор, мечети Бибиханым, с могильных плит и стен мавзолея Шахи-Зинда, с надгробий Тимура в мавзолее Гур-Эмир. Им были зарисованы обе надписи на скале Тамерлановых ворот в Джизакском уезде[2]. В 1886 году Мирза Барат изготовил и представил на Ташкентскую выставку чертеж медресе Улугбека. В 1944 году его внук Фахриддин Баратов передал в дар Институту истории и археологии АН УзССР чертеж, побывавший на выставке.

На Ташкентскую выставку Мирза Барат представил и свои каллиграфические работы, выполненные с большим искусством, методом письменности суле, куръани, куфи и китаби, которыми были расписаны исторические памятники Самарканда.

Мирза Барат Мулла Қасимов был не только искусным каллиграфом и художником, но и знатоком медицины, истории и исламоведения. Его труд «Шари ислам» («Комментарии ислама») был издан в Самарканде в частной типографии Базарова[3].

В этом труде автор убедительно доказывает преимущества ислама перед языческими религиями. Мирза Барат хорошо знал законы шариата, ему принадлежит толкование различных сур Корана, позволяющее судить о взглядах ученого на общественную жизнь.

Владея уникальной профессией каллиграфа и художника, Мирза Барат не нашел себе настоящего применения, его талант не был оценен по достоинству. Художник провел свою жизнь в нужде и нищете. Мирза Барат неоднократно обращался с просьбами к Остроумову и администрации Самарканда об оказании ему материальной помощи. Однако, его просьбы остались без последствий. Не дождавшись светлых дней, Мирза Барат Мулла Қасимов умер в 1888—1889 гг. в городе Самарканде.

Профессию Мирзы Барата продолжил его сын Қирамиддин Баратов. Он также занимался переписыванием книг, писал стихи.

---

[1] Абдуллаев В., Валиходжаев Б. Хаттот Мирзо Барат — хаммахримиз. // Ленин йули, 6 июля 1971.

[2] Чабров Г. Узбеки-археологи дореволюционного Туркестана. Ж. Звезда Востока, № 1, 1957.—С. 145.

[3] Хожи Мирзо Барат Хаким. Шари-ислам. Экземпляр настоящего литографического издания имеется в личной библиотеке автора.

В 1886 г. стал работать наборщиком в Самаркандской типографии. После революции работал переводчиком. Перевел с таджикского на узбекский язык известное сочинение Абу Тахира Ходжи «Самария»[1]. Этот перевод был опубликован Н. П. Остроумовым в 1884 году в Ташкенте.

ГЛАВА 9. СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (20— начало 30-х гг.)

§ 1. НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИСТОРИОГРАФИИ В ТАССР И УзССР В 20-х годах XX в.

Послереволюционная историография делится на четыре периода: первый с октября 1917 г. до середины 30-х годов; второй — со второй половины 30-х годов до конца 50-х годов; третий — с конца 50-х до середины 80-х годов и, наконец, четвертый период — с середины 80-х годов до настоящих дней.

Первый период охватывает более двух десятилетий от победы Октябрьской революции до середины 30-х годов. На историческом фронте он насыщен острой борьбой. Делаются попытки научного обобщения опыта молодой советской историографии. В Средней Азии создаются первые научные и учебные центры исторической науки — Среднеазиатский Коммунистический университет, Истпарт при ЦК КПТ, Туркестанский (затем Среднеазиатский) госуниверситет, первый в УзССР Высший Государственный Педагогический институт (затем Узбекская педакадемия, УзГУ, а ныне СамГУ), историко-революционный музей, осуществляется централизация архивного дела и т. д.

В этот период еще не создавались фундаментальные монографические исследования, но тем не менее он занимает важное место в местной историографии Октября. Тенденция представить историческую литературу о Туркестане 20—30-х годов, как научно несостоятельную, содержащую одни лишь недостатки и ошибочные положения, вряд ли является верной[2]. Было бы неправильно судить о работе историков 20-х годов, исходя из современного уровня развития исторической науки. Современным исследователям следует иметь в виду, что историки 20-х годов не имели прямых предшественников, т. к. ученые, начавшие свою деятельность до революции, были немногочисленны (В. Л. Вяткин, А. С. Анучин,

---

[1] Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность.— Ташкент, 1962.— С. 29.

[2] К вопросу о научной разработке истории Октябрьской социалистической революции в Туркестане // Известия АН УзССР. Серия общественных наук.— 1957.— 4.— С. 63-79.

Булат Салиев, Е. Массон, А. Фитрат, Садр Зиё, М. Саиджанов и др.) и в основном занимались историей дореволюционной Средней Азии.

Академик В. В. Бартольд, например, заслуженно считавшийся главой так называемого академического туркестановедения, и связанный с ним большой коллектив местных историков ограничивались в основном древней и средневековой проблематикой. Безусловно, их научное наследие имело большую ценность для советской исторической науки. Сам Бартольд и большинство его соратников и учеников после революции были лояльно настроены по отношению к Советской власти и не отказывались от сотрудничества с нею, но справедливо отстаивали независимость академической и университетской науки от политики[1].

Поэтому первое поколение марксистских историков-востоковедов, игнорируя заслуги В. В. Бартольда, обвиняли его в «апологии реакционно-колонизаторской политики царизма»[2]. Но поскольку профессиональный уровень марксистских историков в 20-е годы был еще весьма низким, «бартольдовская школа» продолжала оказывать сильное влияние на научно-исследовательскую работу и на преподавание истории Средней Азии в учебных заведениях.

Именно представители «школы Бартольда» вносили свою посильную лепту в подготовку кадров историков, в пропаганду культурного наследия богатого исторического прошлого, пытались осмыслить первые успехи революционного настоящего народов Средней Азии.

Заслуживает особого внимания деятельность Туркестанского, Бухарского, а затем Среднеазиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). Советской исторической науке еще предстоит изучить богатый архив и описать историю этой замечательной просветительской организации, сделавшей многое в решении вопросов изучения и охраны природы, антропологии, археологии, этнографии и и истории Средней Азии в 20-х годах. В работе Туркомстариса, Средазкомстариса, Узкомстариса принимали самое деятельное участие профессора А. П. Семенов, В. И. Анучин, П. Салиев, М. Саиджанов, М. Е. Массон, И. И. Умняков, К. А. Ушаров, М. М. Цвибак, представители формирующейся демократической интеллигенции — А. Фитрат, А. Кадыри, А. Авлони Чулпон, Элбек, Бату и многие другие. Комстарис выпускал «Известия Среднеази-

---

[1] Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (август-декабрь 1920 г.) // Известия Российской АН. Серия VI. Т. XV.— Л., 1921.— С. 199; Предисловие к первой части II тома «Сочинений» акад. В. В. Бартольда.— М. 1963.— С. 13-14.

[2] Рецензии на «Историю Туркестана» в журн. «Новый Восток», 1922, № 3; «Коммунист» (Ташкент), 1922, № 7-8; «Печать и революция», 1923, № 6, а также на «Историю культурной жизни Туркестана»—«Печать и революция», 1928, № 5; «Историк-марксист», 1928, № 7; Революция и культура в Средней Азии. Сб. I.— Ташкент, 1934.— С. 5 и др.

атского Комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы»[1].

Факты говорят о том, что ученые «бартольдовской школы» были инициаторами создания Среднеазиатского Музея Революции в Ташкенте, первыми методистами и преподавателями исторических и филологических дисциплин в учебных заведениях Средней Азии. Так, например, первым директором и научным консультантом Музея был И. И. Умняков — ученик акад. Бартольда, впоследствии издавший капитальный труд — полную аннотированную библиографию печатных работ академика В. В. Бартольда[2].

Были предприняты меры для массовых изданий исторических и историографических трудов по истории Средней Азии. Среди них труды Ф. Ходжаева, С. Айни, А. Фитрата, Н. Балышева; этнографа М. С. Андреева; биолога А. Л. Бродского; историков — М. Е. Массона, А. К. Боровкова, П. Салиева, М. Ф. Гаврилова, А. А. Семенова, М. М. Цвибака, И. И. Умнякова и др.[3]

Еще до революции — на волне национального пробуждения началось активное формирование новой интеллигенции народов Средней Азии. Она выступала за прогресс и свободу, просвещение народа и демократию, называя себя «джадидами», т. е. сторонниками нового. Многие из джадидов были широко образованными людьми, обучались в заграничных университетах, в краевых медресе и других учебных заведениях Европы, России и мусульманского Востока, знали несколько языков. Джадиды издавали свои газеты и журналы.

Различают три направления джадидизма: правые — идеологи формирующейся национальной буржуазии; колеблющиеся или центр — часть национальной интеллигенции, принявшей идеи прогресса и дальнейшего развития путем революционных преобразований; левое крыло — это та часть национальной интеллигенции, которая считала наиболее приемлемой формой будущего государственного устройства демократическую республику.

Яркую программу наметил М. Бекбуди в своей статье «Истинная правда», («Баёни ҳақиқат») напечатанной на страницах газе-

---

[1] Известия Среднеазкомстариса. Вып. 1.— Ташкент, 1926; вып. 2.— Ташкент, 1927; вып. 3.— Ташкент, 1928.

[2] Работу над составлением библиографии акад. Бартольда И. И. Умняков начал еще в 20-е годы при жизни академика.

[3] Ходжаев Ф. Бухоро инкилобининг тарихига оид материаллар.— Тошкент, 1927; Айни С. Намуна — и адабиёти тожик.— М. 1925; Фитрат А. Адабиёт кондалари.— Тошкент, 1927; Балышев Н. Узбекистон ва янги кушни жумхуриятлар блан алокилар.— Тошкент, 1926; Андреев М. С. Материалы по этнографии Средней Азии.— Ташкент, 1923; Бродский А. Л. Охрана природы Туркестана.— Ташкент, 1923; Массон Е. М. Мавзолей Гур-Эмир; Биби-Ханым; Регистан и его медресе.— Ташкент, 1926; Боровков А. К. Дарвоз.— Ташкент, 1928; Семенов А. А. По Закаспийским развалинам.— Ташкент, 1928; Цвибак М. М. Социально-комплексный метод в краеведческом музее.— Ташкент, 1928; Умняков И. И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса за 1920—27 гг.— Ташкент, 1929.

ты «Улуғ Туркестан» (1917 г., 12 июня), где он пишет: «Мы хотим, чтобы мусульмане Туркестана (вспомним ленинский призыв к мусульманам России и Востока — Т. С.), чтобы население края — мусульмане, русские, евреи и другие поняли, что Туркестан как неразрывная часть великой России должен иметь свой государственный суверенитет, опирающийся на союз всех народов, населяющих край, и создать свое государственное устройство в лице парламента.

Мусульмане Туркестана должны жить по своим законам и традициям, по законам своей религии. Мы желаем принять законы, защищающие интересы всех народов края, по которым они хотят жить. Если это желание наше можно осуществить, мы... готовы служить нашей Родине и интересам всех народов... Мы готовы быть в составе Федерации с Россией на равных федеративных и союзных правах. Однако, нынешнее состояние (июль 1917 г.— Т.С.) нашего края свидетельствует, что мы остаемся под властью России.

Если мы хотим развития нашей федерации и равного союза с русскими, мы должны в конечном итоге твердо знать..., что нам необходимо иметь свою армию. Определить ее численность, форму одежды и т. д. Перед нами стоят большие задачи. Если мы будем едины, а организацию «Шуро-и исламия» признаем как политический и организационный центр, создадим ее комитеты во всех городах, и будем работать рука-об руку вместе и стар и млад, тогда сумеем обеспечить свой суверенитет.

Однако, нынешнее состояние Туркестана убеждает нас в том, что мы вновь остаемся в подчинении у России. Как и в колониальные времена они вновь будут управлять. Это и есть **главная причина нашего разногласия с ними** (примечание наше — С. Т.). Главное в том, чтобы молодежь воздерживалась поспешных решений и занималась бы научным и трезвым анализом обстановки, не поддаваясь сумасбродству. В свое время я также был сторонником быстрых решений. Но, что делать, сторонники этих идей малочисленны. Поэтому, следует продвигаться более медленно, другого пути нет. Мы также призываем наших лидеров и ученых, чтобы они не брезговали молодежью, не лишали ее возможности активно служить своей нации. Молодежь искренна в своих желаниях и только ее нетерпеливость является ее главной виной.

Перед нами большая задача. Еще раз повторяю. Другие народы очень быстро развиваются. Поэтому люди старого и нового поколения должны быть вместе. Иначе у нас не останется свободы и не будет и автономий. Эти привилегии являются законными для каждого народа, и каждая нация желает и имеет, нынешнее состояние разброда, в котором находится мой народ, вызывает у меня отчаяние. Другие нации прилагают все усилия к единению. Разве нам можно жить друг с другом во вражде, это же позор.

В то же время есть и щепетильные вопросы, о которых сейчас

не место полемизировать. В частности женский вопрос надо снять с повестки дня.

Когда речь идет о едином Туркестане, наши разногласия душат сердца братьев и друзей, зато это радует наших врагов. Кто является сторонником союза народов Туркестана, прошу сейчас не поднимать женский вопрос, а его решение отложить на будущее».[1]

В этой статье М. Бехбуди изложил основное содержание и суть программы демократической организации края —«Шуро- и ислямия». Эта организация объединяла всех представителей формирующейся демократической интеллигенции Средней Азии и являлась как бы своеобразным демократическим крылом центра джадидизма.

Историографическая проблема истории джадидизма и деятельности общественно-политических организаций Средней Азии в конце XIX в. и до 1929 гг. в советской исторической литературе 20-х годов вообще не освещалась. Проблема джадидизма была запретной зоной исторической науки.

Первые обобщающие работы о джадидизме стали появляться в конце 40-х годов. В 50-х годах предпринимаются первые попытки более объективного освещения основных вопросов джадидизма. Но эти единичные попытки в годы застоя не имели продолжения.

Отдельные авторы утверждают, что октябрьское восстание в Петербурге для джадидов в какой-то степени было неожиданностью, поэтому они, якобы, слабо участвовали в революции в Туркестане[2]. Вышеприведенные слова лидера джадидизма — Муфтия Махмудходжи Бекбуди опровергают это утверждение.

Один из непосредственных организаторов и участников революционных событий в Бухарском ханстве Файзулла Ходжаев тоже начинал с идей джадидизма. История подтвердила его правоту, когда он утверждал, что сентябрьская революция в Бухаре в 1920 г. является антифеодальной народной революцией, а не демократической и социалистической, как утверждалось в официальной советской литературе до сих пор.

Джадидизм — это политический и идеологический продукт определенного этапа общественно-политического и социального развития Средней Азии в целом, и Бухарского ханства в частности. Поэтому, Коммунистическую партию Бухары правильнее было бы, исходя из ее целей и задач называть демократической или же народной партией[3].

---

[1] Муфти Махмуд хужа Бехбудий Баёни хакикат. Улуг Туркистон (Самарканд) газетаси, 1917 йил 12 июнь. (Изложение действительности, газета Улуг Туркистон, 1917 г., 12 июнь).

[2] Шарафутдинов Озат. Распавшиеся цепи // Литературная газета.—1990.—28 февраля.

[3] См.: Ходжаев Ф. Избранные труды.— Т. 1.— С. 6; Сб. статей «Очерки революционного движения в Средней Азии.— М. 1926; О младобухарцах // Историк-марксист». 1926. № 1: К истории революции в Бухаре.— Ташкент, 1926; Исторический юбилей: Сб. статей к 10-летию Бухарской и Хорезмской

Газета «Правда Востока» опубликовала одну интересную архивную находку — письмо младобухарцев В. И. Ленину. Это письмо интересно прежде всего тем, что «отодвигает» на восемь лет общепризнанную дату образования партии младобухарцев, которая в 1918 г. раскололась на «левых» и «правых». Первые слились с РКП, вторые примкнули к басмачеству. Хотя мы не полностью разделяем мнение редакции, все-таки, считаем эту публикацию весьма нужной. Дело в том, что в июне 1920 г. Туркестанское центральное бюро младобухарцев, возглавляемое Ф. Ходжаевым, направило делегатом II конгресса Коминтерна Атаходжу Пулатходжаева (родственника Ф. Ходжаева), который 8 августа 1920 г. вручил Ленину письмо и программу организации. Это письмо гласит: «Товарищу Ленину. Делегата младобухарской партии Ата Ходжа Пулатходжаева.

Заявление.

Младобухарская революционная партия является в настоящее время одной из сильнейших и популярнейших революционных партий Бухары и **существует она с 1908 года** (подчеркнуто нами — *С. Т.*) и своими активными выступлениями пыталась два раза свергнуть существующий там режим. Нашей партией организованы боевые отряды. Сторонников и сочувствующих нам очень много и в войсках эмира. Но мы без помощи и поддержки РКП бессильны что-либо предпринять, и ходатайствую рассмотреть приложенную при сем нашу программу и принять нашу партию в одну из секций III Коммунистического интернационала. Для дачи дополнительных сведений и объявлений прошу принять меня для личного доклада.

А. Пулатходжаев».

На заявлении резолюция «Снять и послать две копии: 1) в Коминтерн; 2) в Оргбюро. 8.VIII. Ленин»[1].

В последние 50-60 лет у нас постоянно появлялись публикации, где слишком свободно толкуются эти вопросы, особенно условия, в которых произошла революция в Узбекистане, «стране преимущественно крестьянской», при общей культурной отсталости и неграмотности. Эти объективные условия любая революционная партия должна была учесть. И это не означало, как утверждал Акмаль Икрамов, проникновения мелкобуржуазной и буржуазной идеологии внутрь партии. История показала, что искаженное представление о реальной действительности послужило основанием для весьма сомнительных решений V Пленума ЦК КП(б) Уз в марте 1927 г. о необходимости узбекизации советского государственного аппарата. Лидерами партии были намечены схемы, за которые исследователям выходить было запрещено. «Попытка отождест-

---

революции.— Ташкент, 1930. Впоследствии автор включил эту работу в переработанном виде в свой другой труд под названием «К истории революции в Бухаре и национального размежевания».

[1] // Правда Востока, 1991 г. 2 февраля.

вления коммунизма с джадидизмом, выступление иногамовщины (яркий пример скатывания на рельсы буржуазного демократизма, национал-шовинизма[1], история отражения выступлений «восемнадцати», выступления отдельных представителей «восемнадцати», на III Пленуме ЦК[2], на деле недостаточно учитывающие вышеизложенные предпосылки — вот основные попытки стащить партию с ленинского пути, протащить в нее антипролетарскую идеологию»[3],— говорилось в решениях V Пленума.

Ф. Ходжаев в своем выступлении в печати и «Заявлении» на III съезде КП Уз признал справедливость критики[4] А. Икрамова, но этот факт нельзя рассматривать как «доказательство» правильности определения сущности джадидизма. Необходимо, наконец, отказаться от «черно — белой» характеристики исторических процессов, необходимо переходить к диалектико-материалистическому анализу событий, максимальной персонификации вместо однобокого, косного освещения прошлого. К ним, например, относятся «Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана», изданные в 1964 г. и переизданные в 1974 г.

Несмотря на полемику и дискуссию о месте, роли и значении джадидизма, начатую в 20-х годах, советская литература еще до конца 80-х годов не освободилась от однобокого освещения этого вопроса. Лишь с 1985 г. появляются отдельные статьи, касающиеся пересмотра былых взглядов по этой проблеме. Правда, их число растет. Сейчас на первый план выдвигается вопрос о состоянии историографии 20-х годов по проблематике, освещающей участие трудящихся коренных национальностей Средней Азии в революции и в борьбе за укрепление Советской власти.

Первая попытка обобщить эту проблему в исторической литературе Узбекистана была предпринята еще в 70-х годах историком А. И. Зевелевым[5].Но вместо объективного анализа действительных исторических событий автор излишне упрощает исследуемые факты. По его мнению, объективны свидетельства историков-коммунистов, еще не снявших солдатские шинели или находящихся на партийно-советской работе, и небольшой части представителей старой местной интеллигенции, пытавшихся с правильных позиций осмыслить ход исторических событий, происходивших на их глазах. А выразители интересов национальной и русской буржуазии, феодально-клерикальных кругов и бывшего колониального чиновничества, по его мнению, стремились исказить и фальсифицировать великие завоевания Октября, национальную политику Коммунистической партии и ход самой гражданской войны.

---

[1] Нельзя ставить знак равенства между буржуазным демократизмом и национал-шовинизмом.

[2] Объективные исследования еще предстоит провести.

[3] КП Уз в резолюциях... Т. I.— С. 274.

[4] Ходжаев Ф. Справка к ответу // Коммунистическая мысль.— Кн. 3, 1927; Заявление на III съезде КП (б) Уз. // Правда Востока.—1927.—25 ноября.

[5] Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана...— Ташкент, 1968.

Утверждения автора не соответствуют исторической действительности. И прав публицист Юрий Папоров, считая, что «венцом неправды о «басмачах» явилась книга А. И. Зевелева, Ю. А. Полякова и Л. В. Шишкиной «Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов». Сам этот труд и можно считать «фундаментальным вымыслом», т. к. утверждения его авторов не позволяют ответить на вопрос: какая же сила могла поднять десятки, а то и сотни тысяч дехкан против новой власти. Авторы как-будто не знают, что воплощение в жизнь прекрасных идей рабоче-дехканской власти в Туркестане осуществлялось большей частью людьми, не знавшими специфических условий края, не дававшими себе труда понять этот регион, его древние, веками создававшиеся обычаи и культуру. Все многообразие общественных отношений они сводили к классовой борьбе.

В Обращении Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г., написанном В. И. Лениным, обращают на себя внимание следующие слова:

«Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это»[1].

Сталинская трактовка феномена нации, жестко связанная с раз навсегда данными признаками, вызвала сильнейшее искажение ленинской концепции решения национального вопроса, а проблемы национального развития были сведены лишь к социально-экономическому росту. Не бралось в расчет, а то и намеренно игнорировалось, то обстоятельство, что национальные формы общественной жизни функционируют по своим собственным законам и должны по-своему трансформировать общесоюзную политику в сфере экономики, социального и культурного развития, национально-государственного строительства.

Так, например, 29 января 1920 г. Совнарком РСФСР принял постановление о порядке проведения всеобщей трудовой повинности. Эта мера позволила преодолеть в целом трудности, связанные с острой нехваткой рабочей силы. Однако, в Туркестане декрет о трудовой повинности вызвал недовольство широких масс населения края. Поэтому специальная комиссия, проверив положение дел, вынуждена была срочно отменить осуществление вышеуказанного декрета в Туркестане и признала, что «применение трудповинности в Туркестане в том виде, в каком она проведена Крайкомтрудом, совершенно недопустимо...»[2]. Это, по-существу, одна из социальных причин появления басмачества в крае.

Для современных историков представляет большой интерес и проблема «коренизации» партийного, государственного, профсоюзного аппарата. Например, вопрос о включении кустарей в со-

---

[1] В кн.: Декреты Советской власти.— М. 1957.— Т. 1.— С. 113-115, док. 80.
[2] ЦГА УзССР, ф. 35, оп. 4, д. 32, л. 109.

став профсоюза. В отличие от центральных районов в Туркестане все кустари были включены в состав профсоюзов. В Тезисах ЦК КПТ (июль 1922 г.) указывалось, «что общее решение съезда профсоюзов России о лишении права неработающих на государство состоять в профсоюзе не может быть применено в Туркестане, ибо мы тогда отстраним от пролетарского профессионального влияния тот основной элемент, на котором должно базироваться советское строительство»[1].

Наиболее болезненной оказалась проблема национально-государственного размежевания ТА ССР, БСНР и ХСНР в 1924 г. и, наконец, вопрос в историческом плане о датах образования УзССР, Туркменской ССР и других союзных и автономных республик Средней Азии. Эта белая страница истории народов Средней Азии является предметом дискуссий и споров на страницах современной прессы.

§ 2. ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ УЧАСТИЯ ТРУДЯЩИХСЯ КОРЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РЕВОЛЮЦИИ И В УКРЕПЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В историографии 20-х годов о Средней Азии важное место занимает проблема освещения процесса коренизации: участие трудящихся коренных национальностей Средней Азии в революции, в борьбе за установление и упрочение Советской власти. Первым из числа местных историков и общественных деятелей края, обратил внимание на данную проблему Т. Рыскулов (1894—1937) — виднейший общественно-политический деятель Средней Азии, один из первых советских историков[2]. Он работал председателем Мусбюро КПТ и ЦИК Туркреспублики, в 1921—1922 гг.— член Коллегии Наркомнаца РСФСР, в 1923 г.— член Средазбюро ЦК РКП(б) и председатель Совнаркома Туркреспублики, в 1924—1926 гг.— зав. отделом по Востоку (председатель Хо Ши Мин) Коминтерна, в 1926—1936 гг.— зам. председателя СНК РСФСР по науке, культуре, здравоохранению и образованию.

Т. Рыскулов в своих мемуарно-исторических трудах освещает процесс зарождения партийных организаций среди населения коренных национальностей, их роль в первых демократических преобразованиях, классовое расслоение и объективные и субъективные причины массового недовольства широких слоев трудящихся Советской властью. Сильная сторона книги Т. Рыскулова состоит прежде всего в том, что в ней приведен обширный материал об участии трудящихся коренных национальностей в борьбе за упрочение и сохранение Советской власти, в организации социалистической экономики.

---

[1] ПА УзССР, ф. 60, оп. 1, д. 223, л. 11.

[2] Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана: Сб. главнейших статей, докладов, речей и тезисов с предисловием автора.— Ч. I. 1917—1919 гг.— Ташкент: Узгосиздат. 1925.

Т. Рыскулов был прав, когда указывал на историческую традиционную общность экономики, быта и культуры среднеазиатских народов, а также на слабость классового самосознания трудового народа Туркестана. Именно эти объективные свидетельства историка послужили поводом для обвинения его в национал-уклонизме и в пропаганде идей алаш-ордынцев и джадидизма. Возможно автор несколько преувеличивал роль джадидизма и других течений в национально-освободительном движении народов Туркестана, но он правильно отмечал опасность искажения основных принципов государственной концепции решения национального вопроса в Средней Азии.

Определенную научно-историографическую ценность представляют некоторые работы, отражающие историю Октябрьской революции в других регионах Средней Азии, в частности в Туркмении, Бухаре и Хиве[1].

Широкие возможности культурного строительства в национальных республиках способствовали быстрому росту и развитию исторической науки. А центрами подготовки кадров становились вузы республики.

Для объединения научных сил историков, а также специалистов по другим общественным дисциплинам, работавших в республиках Средней Азии, в 1929 г. при Среднеазиатском экономическом Совете была создана Среднеазиатская ассоциация марксистских научно-исследовательских учреждений (САНИУ)[2].

Победа Октябрьской революции ознаменовалась активизацией научно-исследовательской работы в Узбекистане. Здесь начала работу Узбекская секция ГУС при СНК Туркестанской АССР, окончательное оформление которой завершилось после национального размежевания. В УзССР создается Государственный Ученый Совет и Академический Центр. Последний в 1927 г. был переименован в Главнауку, а потом — в Научный отдел НКП УзССР.

Революция, освободившая узбеков, таджиков, казахов, киргизов, каракалпаков и другие народы Средней Азии от векового господства самодержавия, вызвала к жизни интеллектуальное пробуждение этих народов. Народы, испытавшие тягость свергнутого строя, естественно возымели желание знать свою историю, развивать свой язык, литературу, изучать письменное и устное творчество и т. д.

В 1926 г. при Академическом Центре УзССР организуется Комитет Узбековедения, создание которого имело исключительное

---

[1] Мелькумов А. Материалы революционного движения в Туркмении (1904—1919 гг.).— Ташкент, 1924; Соловейчик Л. Революционная Бухара // Новый Восток.—1922.—№ 2; Скалов Г. Национальный вопрос в Хивинской революции // Новый Восток.—1922.—№ 6-7; Хивинская революция 1920 г. // Новый Восток.—1923.—№ 2; Айнис. Тарихи амирони мангитони-Бухоро.— Тошкент, 1923; Бухоро инкилоби тарихи учун материаллар.— М. 1926.

[2] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане.— Ташкент, 1967.— С. 19.

историческое значение, так как его деятельность тесно переплеталась с потребностями общественной жизни республики. Работа в Комитете шла по линии языка и терминологии, письменной литературы и истории, народного творчества, этнографии и антропологии. Здесь же была организована секция по изучению производительных сил, на первых порах обратившая свое внимание на изучение кустарных промыслов с точки зрения экономики, технологии, терминологии и исторической перспективы.

Именно в 20-е годы были заложены основы научно-исторического краеведения. Для объединения усилий краеведов республики было создано Центральное Бюро краеведения[1]. В Комитете узбековедения и ЦБК занимались преимущественно гуманитарными отраслями науки. Это объяснялось необходимостью изучения языка для создания новых учебников, установления параметров научной терминологии. С этой целью, например предпринималась специальная ботаническая экспедиция, позволившая собрать и определить термины по ботанике.

Ощущалась острая необходимость в изучении истории, литературы и исторических памятников, а также произведений народного творчества, дающих материалы для создания единого, литературного языка. Этнографическое изучение населения Узбекской республики помогло бы разобраться в конгломерате племен, уточнить их племенной и родовой состав, выявить особенности быта, убедиться в наличии остатков родового строя и вытекающих отсюда последствий[2].

В 1927—1928 гг. Комитет узбековедения продолжал собирание материалов по Средней Азии, и по Узбекистану в частности. Одновременно Комитет установил тесную связь с АН СССР (особенно с Бартольдом) и предпринял первые шаги для составления подробного описания памятников древности, хранящихся в фондах АН СССР и на местах; начал вести работу по переводу источников по истории Средней Азии на узбекский язык.

В частности, были запланированы переводы «Дневника» Гонзалеса де Клавихо, трудов акад. Бартольда: «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «История культурной жизни Туркестана», «Улугбек и его время» и др. переводы или факсимильные издания рукописей: «Бахрулул-асрор-фи-Махбубул Ахрор», «История Абдуллы-хана», «История Наршахи», «История Абдуллы Балхи, Джамаул-Таварих», «История Хусайна Байкары», «Шайбанинаме» Бинаи, «История Субхан-Кули-хана» (перевод с персидского), «История Абул-Файз-хана», «Тарихи Сами», «Тарихи Мангытия», «Исторический очерк Хивинского ханства с древнейших времен» Н. Веселовского. Кроме того, планировалось подробное изучение историко-культурных памятников Хорезма, Самарканда, Бухары, исторических городищ Ахон, Тура-Курган, Афрасиаб и др.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 1726, оп. 1, д. 38, л. 336-336б.
[2] Там же, л. 329б.

Кабинет узбековедения за короткий срок собрал материал по всем указанным разделам в объеме около 30 печатных листов, материал, на который можно было прочно опереться, а над выводами работали и будут работать все новые и новые поколения ученых.

В июне 1929 г. в Самарканде был создан научный центр под названием Узбекский научно-исследовательский институт. Институт стал заниматься обновлением и пополнением состава научных работников из среды коренного населения. УзНИИ активно содействовал вовлечению партийной и беспартийной молодежи в научную работу[1].

Правительство УзССР на заседании СНК от 5 июня 1929 г. утвердило Президиум Узбекского государственного научно-исследовательского института в следующем составе: А. Исламов, Козырев, Насырбаев, проф. Лясковский, проф. Завадский. Действительными членами совета института были утверждены Завадский, Бурнашев, Городецкий, Фролов, Фитрат, Юнусов, Мустафаев, Селиханович, Ниязов, Насырбаев, Афанасьев, Козырев, Степанов, Макеев, Красноусов, Шельд, Трухан, Салиев, Сорокин и Немович. Было также предложено СНК Таджикской АССР назначить 3-х действительных членов института из научных работников Таджикистана[2].

В развитии советской исторической науки в Узбекистане в 20-х годах значительную роль сыграли молодые кадры национальной интеллигенции Узбекистана. К их числу относятся Б. Салиев и А. Фитрат.

Булат Салиев (1882—1938 гг.)[3]— окончил Татарское высшее педагогическое училище в г. Уфе. После окончания восточного факультета МГУ был направлен на работу в САГУ, где специализировался по специальности «История народов Средней Азии» и являлся одним из основателей кафедры общественно-политической истории Средней Азии при факультете общественных наук САГУ (1925—1928 гг.), а в 1928—1929 уч. году был приглашен зав. кафедрой истории народов Средней Азии УзГПА в г. Самарканде, где работал заведующим этой кафедрой вплоть до ареста, т. е. до 1938 г. В 1930 г. Узбекским государственным Ученым Советом Б. Салиеву было присвоено звание профессора.

Помимо «Истории Средней Азии (XI—XV вв.)», перу Б. Салиева принадлежат следующие научные труды, изданные в конце 20-х— начале 30-х годов: «История Узбекистана», «История Бухары», «Узбекистан и Таджикистан», «Индия под игом Англии», «Распространение ислама в Средней Азии», «Бухара в эпоху мангытов», «Очерки истории Хорезма» и др. Как свидетельствуют архивные документы, в 1936 г. были готовы рукописи Салиева: «Земельно-водные отношения в Средней Азии накануне завоевания

[1] ЦГА УзССР, ф. 1726, оп. 1, ед. хр. 38, л. 330а.
[2] Там же. л. 15.
[3] ЦГА УзССР, ф. 94, оп. 5, д. 2347, л. 615.

Россией», «Сборник феодальных грамот и документов по истории Средней Азии» и др.

В период создания и деятельности УзГНИИ, Б. Салиев первый из советских историков Узбекистана выступил с идеей «обследования городов и кишлаков, расположенных на одном из трех древнейших торговых путей, ведущих в Восточный Туркестан, Монголию и Китай»[1]. 5 мая 1929 г. Б. Салиев пишет записку, где обосновывает свою идею следующим образом: «Одним из торговых путей, связывающих Туркестан с Китаем, Восточным Туркестаном и Монголией, был Семиреченский торговый путь. По этому пути двигались не только торговые караваны Туркестана, но и караваны западноевропейские, византийские и держав побережья Средиземного моря совершали свои торговые операции по этому пути. На этом пути образовались с древнейших времен города и большие кишлаки. Например, города: Чимкент, Сайрам, Мерке, Аулие-ата (древ. Талас) и кишлаки: Суткент, Кадр, Манкент, Тулки-бас и Карабулак с древнейших времен расположены на этом пути; эти города и кишлаки существуют с V в. до нашей эры. ...Эти местности служат объектом для этнографических, археологических, исторических и лингвистических обследований.

Исторические документы, как-то: рукописи по истории Средней Азии, ярлыки, выданные ханами и феодалами, и вакуфные документы, несомненно, имеют большое значение для истории узбекского народа. Вместе с тем, в названных местностях существует с древних времен кустарная промышленность, разные ее виды и цеховые организации, исследование которых дает богатый материал по изучению экономики средних веков»[2].

С июня 1929 г. под руководством Б. Салиева начинается и продолжается ежегодно экспедиционная научно-исследовательская работа коллектива УзГПА, а затем УзГУ по выполнению этой программы, где активное участие принимали также студенты и аспиранты кафедры истории народов Средней Азии. Первыми учениками проф. Б. Салиева были выпускники Узбекской государственной педакадемии И. М. Муминов, Я. Гулямов, Р. Набиев, М. Вахабов, О. Аминов и др., впоследствии ставшие известными учеными. Экспедицию 1929 г. возглавлял Б. Салиев, а его заместителем был ассистент кафедры Я. Гулямов[3].

В становлении исторической науки в УзССР значительные заслуги принадлежат профессору Узбекской Педагогической Академии Абдурауфу Фитрату (1886—1938 гг.). Он родился в г. Бухаре, учился в медресе Мир Араб г. Бухары, а затем успешно окончил Стамбульский университет в Турции. Возвратившись на родину, он стал одним из организаторов левого радикального крыла джадидского, а затем младобухарского движения.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 1726, оп. 1, д. 38, л. 185-186.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 187.

После победы сентябрьской революции 1920 г. в Бухаре работал Назиром просвещения, заместителем председателя Совета Народных вазиратов БСНР, был членом Политбюро Коммунистической партии Бухары, а после образования УзССР работал первым замом Комиссара Народного Просвещения УзССР, являлся первым председателем правительственной комиссии по реформе узбекского алфавита в 1927—28 гг., затем — профессором УзПА, старшим научным сотрудником Московского института Востоковедения, УзГНИИ и профессором Бухарского, а затем Ташкентского государственных педагогических институтов. Последним местом его работы до ареста был Научно-исследовательский институт языка и литературы при Комитете науки НКП УзССР.

До революции он издал историко-литературные и публицистические труды: «Дискуссия», «Путешественник», «Индийский путешественник», «История ислама», «Руководство к надежде», «Або Муслим», «Бегижон» и др. В 1922 г. выходят его стихи в сборнике «Молодые узбекские поэты». В 1924 г. в Москве издаются его историко-драматические книги «Абулфайзхан» и «Арслан». Особенно значительна драматическая, трагическая история последнего узбекского хана династии Шайбанидов Абулфайзхана, отличавшегося крайней жестокостью.

Звание профессора Фитрат получил еще в 1924 г. после окончания ГИЖВЯ. В числе первых ученых-тюркологов Узбекистана он учился у известного тюрколога страны А. Н. Самойловича (1880—1938), одним из первых пошел на службу молодой Советской Республике. В 1922 г. А. Н. Самойлович был избран ректором ГИЖВЯ (основан в 1920 г.), где одновременно состоял профессором тюркского и узбекского языков. Осенью 1924 г. по инициативе Самойловича при институте был организован Тюркологический семинар, сыгравший важную роль в подготовке научных кадров из представителей тюркоязычных народов.

Абдурауф Фитрат являлся одним из видных представителей формировавшейся в 20-х годах прогрессивной интеллигенции Средней Азии. В его творчестве переплетаются демократические и патриотические идеи, что особенно ясно просматривается в его пьесе «Гури-мир» (Темур саганаси). Его драматические труды «Або-Муслим» и «Огузхон» отличаются сложностью интерпретации исторических событий, чрезмерной идеализацией исторического прошлого народов Востока. Историкам и литературоведам еще предстоит глубоко изучить богатое творческое наследие А. Фитрата и показать его истинную роль в развитии демократической культуры народов Средней Азии.

В республике шла интенсивная работа по сбору и концентрации исторических документов. Так, например, только в САНИИР в 1930 г. поступило более 4 тыс. дел, 30 ящиков и более 100 неразобранных пачек. А к началу 1933 г. в партархиве имелось до 80 тыс. дел, а библиотечный фонд насчитывал 15 тыс. книг и около 4 тыс. журналов[1]. САНИИР продолжал расширять свою науч-

[1] Чеботарева В. Г., Раджапова Р. Я. Историко-партийная наука в Узбекистане.— Ташкент, 1982.— С. 39.

но-публикаторскую работу. В 1930 г. были им опубликованы две работы, а в 1932 г.— семь. Продолжали выходить очередные номера журналов «Революция в Средней Азии» и «Кызыл Шарк», а с 1934 г.— первый сборник нового печатного органа САНИИМЛ — «Революция и культура в Средней Азии»[1].

В рассматриваемый период по истории Октябрьской революции в Средней Азии были опубликованы работы и воспоминания участников революционного движения в крае. К их числу относятся работы Д. Закирова, В. Билика и др.[2]

Определенное значение в историографии среднеазиатского Октября имела брошюра Ф. М. Божко[3].

До настоящего времени сохраняют свою ценность труды ветерана революции и партии в Средней Азии Д. И. Манжары, участника революционных событий в Средней Азии с 1909 по 1917 гг.[4]. Д. И. Манжара оставил обстоятельное описание разгрома Осиповского мятежа в Ташкенте и расстрела 14 туркестанских комиссаров в январе 1919г. Он показал роль ташкентских рабочих, особенно рабочих-железнодорожников в борьбе за победу и упрочение Советской власти в Средней Азии.

20-е и начало 30-х годов характеризуется не только заметным ростом и развитием советской исторической науки, ее становлением и укреплением.

Нельзя сказать, что историческая наука и историография истории народов Средней Азии не пострадали от отрицательных последствий культа личности Сталина. Его губительное влияние остро ощущалось на всех аспектах этой проблемы. Особенно, когда в ход была пущена формула «Сталин — это Ленин сегодня».

Влияние культа личности Сталина особенно пагубно сказалось на методологии истории. Стали распространяться нематериалистические взгляды на исторический процесс. Прошлое, невзирая на всю его противоречивость стало идеализироваться. Это относится как к событиям, так и к историческим деталям. Нарушался объективный подход к истории.

Разумеется, было бы неправильно думать, что развитие исторической и историко-партийной науки в те годы полностью остановилось. Среди потока популяризаторских брошюр и статей встречались и действительно полезные научные исследования. Но, как правило, они были ограничены общепринятыми схемами и

---

[1] Об этом более подробно см.: Чеботарева В. Г., Раджапова Р. Я. Указ. работа — С. 5-41.

[2] Закиров Дж. Ходжент в революции // Коммунистическая мысль.— 1927. Кн. 5; Билик В. Октябрь в Самарканде // Коммунистическая мысль.— 1927, Кн. 6; 1917 год в Туркестане (Хроника событий) // Коммунистическая мысль.—1927. Кн. 3 и др.

[3] Божко Ф. М. Октябрьская революция в Средней Азии.— Ташкент, 1932.

[4] Воспоминания участников Октября и гражданской войны (1917—1921). Вып. 1 / Под ред. Д. И. Манжары.— М.— Ташкент, 1931; Революционное движение в Средней Азии, 1905—1920 гг. Воспоминания.— Ташкент, 1934.

были написаны без объективного использования архивных документов, так как Сталин в сущности ставил под сомнение значимость документов, как исторических источников, заявляя: «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партию и лидеров надо проверять по их делам прежде всего, а не только по их декларациям»[1]. Надо сказать, что этому «рецепту» пренебрежительного отношения к документам многие исследователи следуют до сих пор. Нужные документы находятся за «семью печатями» и выдаются лишь для служебного пользования. А без них, без тщательного их исследования невозможно объективно осветить советский период истории нашего народа и Родины.

[1] Сталин И. В. Соч.— Т. 13.— С. 96.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Очерк историографии древней истории народов Средней Азии 10

§ 1. Историография зороастризма: история и современность 10
§ 2. Из историографии борьбы Согда за свою независимость против агрессии Александра Македонского 12

Глава 2. Из историографии истории Средней Азии эпохи мусульманского Ренессанса 17

§ 1. Историография арабской колонизации и борьбы народов Средней Азии против завоеваний 17
§ 2. Историческая литература о мусульманском Ренессансе и ее влияние в Средней Азии (Историографический обзор) 27

Глава 3. Историография истории народов Средней Азии эпохи монгольского нашествия и их господства в XIII—XIV вв. 32

§ 1. Историография проблемы господства караханидов (XI—XIII вв.) в Средней Азии 32
§ 2. Культура в XI — начале XIII вв. 36
§ 3. Советская историография труда «История Масуди» («Тарихи Байхаки») 38
§ 4. Мавераннахр и Хорезм под монгольским игом в XIII в. 44
§ 5. Историография трудов Рашид-ад-Дина «Джами ат-таварих» и «Переписка» 48

Глава 4. Историография истории роста и развития феодализма в Мавераннахре в XIV—XV вв. 54

§ 1. Среднеазиатская историография о Тимуре и его времени . . . 54
§ 2. Труд Шараф ад-Дина Али Йязди «Зафарнаме»— замечательный памятник Среднеазиатской историографии 67

Глава 5. Среднеазиатская историография культурной жизни эпохи Улугбека 74

§ 1. Среднеазиатская историография о жизни и деятельности Улугбека 74
§ 2. Советская историография культурной жизни эпохи Улугбека . . 80

Глава 6. Среднеазиатская историография XVI первой половины — XIX вв. 89

§ 1. Историко-географические труды о Средней Азии XVI — конца XVIII вв. 89
§ 2. Историография истории народов Средней Азии конца XVIII — первой половины XIX вв. 100

Глава 7. Из истории Российского востоковедения 105

§ 1. Предыстория Российского востоковедения 105
§ 2. О состоянии и развитии востоковедения в России в XVIII — первой половине XIX вв. 114
§ 3. Изучение Востока и Средней Азии в России первой половины XIX в. 122
§ 4. Из историографии истории Средней Азии 30—60 годов XIX в. . 128

§ 5. Из историографии Бухарского ханства 30—60 гг. XIX века . . 133
§ 6. Среднеазиатская историография проблемы завоевания среднеазиатских ханств царской Россией 143

Глава 8. Из историографии истории народов Средней Азии во второй половине XIX — начале XX вв. 151

§ 1. Исследователи края 151
§ 2. Русская историческая наука о Средней Азии в дореволюционном Туркестане 160

Глава 9. Состояние и развитие исторической науки и историография истории народов Средней Азии в 20— начало 30-х гг. 172

§ 1. Начало формирования исторической науки и историографии в ТАССР и УзССР в 20-х годах XX в. 172
§ 2. Из историографии участия трудящихся коренных национальностей Средней Азии в революции и укреплении Советской власти . . . 180

Саидкулов Турабек Сабирович

ОЧЕРКИ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ташкент «Укитувчи» 1992

Редактор А. Тычина
Худож. редактор И. Митирев
Техн. редактор Э. Вильданова
Корректор Л. Калмуханбетова

ИБ 5729

Сдано в набор 12.11.91. Подписано в печать 15.03.92. Формат 60×90/16. Кегль 10 б/шп. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 11,5+3,0 вкл.+0,25 цв. форзац. Усл. кр- отт. 15,91. Изд.л. 11,55+3,84 вкл.+0,33 форзац. Тираж 3000. Зак 2444.

Издательство «Ўқитувчи». Ташкент, ул. Навои, 30. Договор 09-351—90.

Ташполиграфкомбинат Госкомпечати Республики Узбекистан. Ташкент, ул. Навои, 30. 1992.

63.3(2У)
С 14

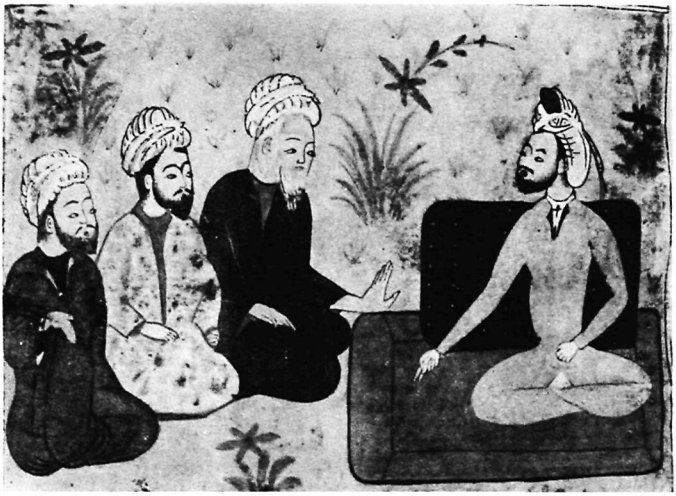
Саидкулов Т. С.
Очерки историографии истории народов Средней Азии: Учеб. пособие для студ. Ч. I.— Т.: Укитувчи, 1992.—192 с.

ББК 63.3(2У)я73

№ 76 — 92
Гос. б-ка Республики Узбекистан им. А. Навои.
Тираж 2000
Тираж карт. 4000

Фирдоуси. Шахнаме. Испытание Сиявуша огнем (10 в.)

Низами. Хамса. Битва Бахрама Гура с драконом.
Худ. Бехзад (1495 г.)

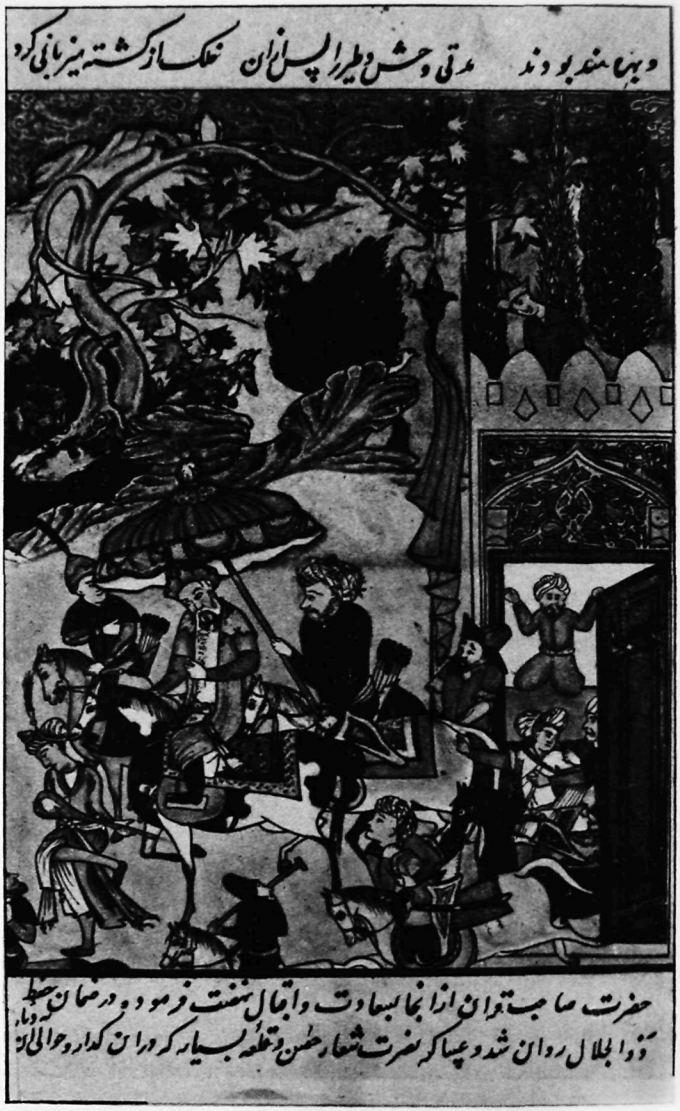


Амир Хисров Дехлави. Хамса. Искандер с мудрецами. 1362 г.

Амир Хисрав Дехлави. Хамса. Искандер принимает посла Тюркского каганата (миниатюра 14 в.)

Низами. Хамса. Беседа Искандера с семью мудрецами (15 в.)

Низами. Хамса. Беседа Искандера с пастухом (1491 г.)



Отправление Тимура на священную войну

آکادمی علوم اتحاد شوروی انستیتوی ملل آسیا
و
آکادمی علوم جمهوری شوروی سوسیالیستی آذربایجان
انستیتوی خاورشناسی

رشید الدین فضل الله

جامع التواریخ

جزء اول از جلد اول

متن علمی و انتقادی بسعی و اهتمام

آ. آ. رُوماسکویچ ، ل. آ. خانفوروف
و
ع. ع. علی‌زاده

ادارهٔ انتشارات دانش
منکو ۱۹۶۵

Фазлаллах Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих (12—13 в.)

فهرست

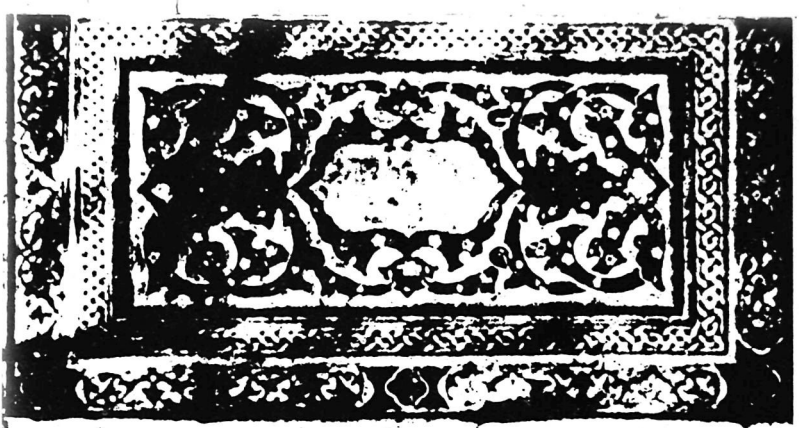
صفحه

بسم الله الرحمن الرحیم وبه ...	۱
فهرست	۲۸
مجلد اول جامع التواریخ	۴۰
باب اول از مجلد اول از کتاب جامع التواریخ	۷۱
دیباچه	۷۱
فهرست	۷۹
فصل اول در تاریخ و حکایات اقوام اوغوز	۸۹
اسامی	۱۱۸
اقوام	۱۲۰
قوم سونیت	۱۴۹
قوم تاتار	۱۵۹
قوم مرکیت	۲۰۴
قوم کورلاوت	۲۱۲
قوم ترقوت	۲۲۰
قوم اویرات	۲۲۱
اقوام برقوت و قوری و قولاس	۲۳۳
قوم تومات	۲۳۶
قوم بولغاجین و کرموجین	۲۳۸

قوم اوراسوت تلنکوت و کوشتی ۲۳۹
قوم اوریانکقت بیشه ۲۴۲
قوم قورقان ۲۴۷
قوم سقاییت ۲۴۸
فصل سوم در ذکر اقوامی از اتراک کی ایشان نیز هریک ... ۲۴۹
قوم کرایت ۲۵۱
قوم نایمان ۲۸۹
قوم اونکوت ۳۰۷
قوم تنکقوت ۳۲۰
قوم اویغور ۳۳۱
قوم بکرین ۳۴۲
قوم قیرقیز ۳۴۶
قوم قارلوق ۳۵۰
قوم قبجاق ۳۵۱
فصل چهارم در ذکر اقوامی از اتراک کی در زمان قدیم قبل ایشان مغول ۳۵۲
قوم اوریانکقت ۳۷۱
قوم قنقرات ۳۸۷
قوم اورناوت ۴۱۶
قوم هوشین
قوم سولدوس

قوم ایلدورکین ۴۵۶
قوم بایاوت ۴۵۷
قوم کینکیت ۴۶۸
قوم قنقتین ۴۷۲
قوم سالجیوت ۴۷۲
قوم تایجیوت ۴۷۹
قوم هرکتان و سیجیوت ۴۹۶
شعبهٔ اول قوم ارتکان ۴۹۷
شعبهٔ دوم قوم سجیوت ۴۹۸
قوم جینس ۴۹۹
قوم نویاقین و اوروت و منکقوت ۵۰۱
قوم دوربان ۵۱۷
قوم بارین ۵۱۹
قوم برولاس ۵۳۰
قوم هدرکین ۵۳۱
قوم جوریات ۵۳۲
قوم بودات ۵۴۸
قوم دوقلات ۵۴۹
قوم بیسوت ۵۵۰
قوم سوکان ۵۶۶
قوم قینکقیات ۵۷۷

Фахриддин Аттор (13 в.) Баязиз Бистами с учениками



Шараф ад-Дин Али Язди. Зафар-наме: первый лист и 1006

توجه فرمود جاماسب صاحب قران بصوب مملکت خراسان مسلم نیچران
قال الله تبارک و تعالی قاتلوهم یعذبهم الله بایدیکم هرچند نظام
اشیا بایست بانکه باری تعالی که قوام کار شریعت پیشه بفرمان اویست و نظام مصالح
ملکه متصل بربطه چمان اویست و ظفر برقامت شهریاری پوشاند که پیش نهاد همت
عالی تمشی تقویت دین متین باشد و افسر غلبه و نصرت برافرق فرقدپای ناهلادی
ماند که نصب العین ضمیر خیرش تمشیت احکام شرع پیشوای المرسلین صلوات الله و سلامه
علیه من رب العالمین منت آنی و ازل مقتضی آنست که سرکه لابرای اعلای لوای دین
اسلام شمشیر کین علم سازد و ازپرای نکونساری رایت شرک و بعدهٔ اصنام بازوی
دلاوری بخنجر غرور و جهاد برافرازد مرایه بر اخراب شیاطین غالب شود و پهلوان
لقب حرب الله کردد غرض از تمهید این حکایت و تشیید این روایت انکه چون همیوره
حضرت اعلی سوای جهان پیمایی درسر میداشت و لوای کشورکشایی پیوسته برمی
افراشت خصوصا دو مملکتی که غبار کفر و الحاد انجیخته بایشد و ظلمت ظلم و شرک تعلم فرو
گرفته بنابران خاطر اشرف ملتفت آن شد که بصوب خراسان که مهبط مدید و عهد عبدت
کاصناف کفار دران ولایت بر طریقه گمراهی و ضلالت و شیوه مناهی و جهالت
اصرار می نمایند جنبار حرکت برانگیزد و تا کرد و فشه بشاید بخنجر کینه برکشد تا تیغ ظلم و شرک
درنیام ماند القصه چون عزیمت بآن ناحیت تصمیم یافت بفرمان واجب الاذعان
نفاذ دریافت که توابجان بهرام صولت و دلاوران ضرغام صولت باطراف و
جوانب شتابند و دراستحضار رسپاکرکردون آثار کوشیده عنقریب خاکبوسی آستان
رفیع الشان دریابند بعد ازانکه از اطراف و جوانب متوالی و متعاقب سپاه کواکب
مواکب بدرکاه کیوان پناه شتافتند و غرتلاقی و شرف خاکبوسی دریافتند بتاریخ
اواخر شهر ربیع و سبعین و تسعمایه جهة اعلای لوای اسلام و نکونساری رایت
کفر و عهب طلهاسب بنام بجانب خراسان عزیمت نمود و کمر غزو و جهاد از غایت اعتقاد
بر میان جان بسته زود از الملک جبار اکه هرکز غزو جلال و مطلع خورشید دولت و اقبالست

جز این در حق زین ندانم صواب — دو پیکر کز تابد در و آفتاب — جهان و شتن فیض تو اراد و
در خیر و شر صلح و پیکار او — لطفش توان شد ناامید — بتابد رحمت دری بیشت
ولیکن نه فهرش چو گویم سخن — ز وان عزم رفتن کند جان تن — ز رزمش نیارم زدن سیخ بر
مرا اسم که عالم براید بهم — چو دریای در سیجی دیرا بشور — دلاور کند قصه زیب فور
زحفظ الهی بود جوشش — کند بکتری پر من در پرش — دعای خلایق ز کرتا به
زده حلقه گردش بجای زره — ز نصرت کلاه و زتاید خود — نگهبان فدای نشر و فرد
بجنگ اربود حاجت ساز — ولی خود بجنگ نیفتد نیاز — خلافش بود زیره کی خورد
نیاید زمان تا بروز نبرد — سعادت مان کی پ خصم را — کر روی آورد سوی تبت خط
وکر زنده ماند بعفو فیض محال — مجالست و را نیال جدال — کر نخمه کر باشد جهانی سپا
به تنها نهد رو بآورد کاه — کر انجا نواید مقابل شدن — وکر پا زیرته خود انجمن
کر افراسیابست و اسفندیار — چو خواند و را نزد این کارزار — کر از رو به شیر نر مشتعل
خرد بر دماغم نهد صد خلل — همان به کزین رزم جوید کریز — فرو ریزد آنکه کزد تیز
به پرسش کر آید که هنکام بار — جهانیست پر حشمت و افتدار — سلاطین نجدست کر دربان
در افکنده خود را فلک در میان — فضای هوا جمله تاج و کلاه — بسیط زمین پر ز خیل و سپاه
ز اشراف اطراف سر کرده — ز کردن کشان صحن کی بستند — ز حکام هر ز اندیک و دور
شده بسته ره بر صبا و بور — چو کردون بسی کرد عالم شتافت — بدین سان آیین محلی نیافت
روان چشم بدرا در آتش مکند — ثریا مهیا کنی از سپند — سپندی جهان مجلس دانور
دلال مل را راست و آتش نیاز — ملازم کمال فنون و هنر — در آیند و اقبال فرخنده فال
ندیمان محرم حیا و وقار — ز استادکان دولت پیدا — ز کستاخ رویان مراد و ناخ
سرود و فرح پای کوب نشاط — سعادت مغنی بشارت سرود — صدایش کد شنه ز چرخ کبود
کرم ساقی مجلس و شیره کام — عطا باده امید جوینده جام — ازین کونه بزم طرب ساخته
ز دولت بعشرت نپرداخته — چو دمساز عون الملک بود — کجا میل سوی ملاهی بود

Освящение боя.

Тимур одерживает победу в богословском споре.

Победа Тимура над Тохтамышем.

Штурм крепости Золотой Орды.

Битва на берегу реки.

Тимур на пиру в окрестностях Самарканда.

Картина боя.

Тимур в кругу ученых и музыкантов.

Временный надгробный камень Мухаммеду Султану — внуку Тимура.

فرهنگستان علوم جمهوری شوروی سوسیالیستی ازبکستان

دانشکدهٔ خاورشناسی

داستان سفر هندوستان و شرح غرائب اوبیان عجائب آن

تألیف

عبدالرزاق سمرقندی

نشریات فرهنگستان علوم ازبکستان

تاشکند سنه ۱۹۶۰

Путевые записи Абдураззака Самарканди (титульный лист и окончание).

او را برده و قماش و هر جا چیزی دادند، و همه مضبوط بهراة رسید، و فقیر حاجی یوسف را که از هر مورد بازآمده بود بحضرت اعلیٰ نمود و موافق خاطر خطیر آمد،

مأمول از ارباب الباب طولی لهم و حسن مآب

آنکه در دستان سفر هند و ستان هر چند ما طناب کشید و بدو رود دراز انجامید بچشم عیب نظر نفرمایند، و در تفصیل حکایات (ج ۱ ص ۱۵۱) و تطویل عبارات اشارات المأمور معذور اعتبار نمایند ع

من نمی گویم اگر چند که من می گویم

Алишер Навои. Сборный диван. Игра в поло (15 в.)

Альбом Дорна. Сцена в школе. Худ. Бехзад. (15 в.)

Низами. Хамса. Строительство Замка Хаварнак. Худ. Бехзад
(1495 г.)

اوزبیکستان س س ر فنلار اکادیمیه‌سی
ابو ریحان بیرونی
نامیدا‌گی شرقشناسلیك اینستیتوتی

تواریخ گزیده-نصرت نامه

عسمی تدقیقات، تنقیدی متن، شرحلی مندریجه‌لار
مجموعسی جدولی-فیلولوگیه فنلری کاندیداتی-
ا. م. اکرامووفنکی

اوزبیکستان س س ر «فـــن» نشریاتی
تشکیت-۱۹٦۷

Тарихи гузида — Нусрат-наме (титульный лист и повествование об Огуз-хане и его родовых ветвях).

حافظ تنیش بن میر محمد بخاری

شرفنامهٔ شاهی

بخش دوم

فرهنگستان علوم جمهوری سوسیالیستی ازبکستان
دانشکدهٔ خاورشناسی بنام
ابوالریحان بیرونی

عبدالله‌نامه

(شرفنامهٔ شاهی)

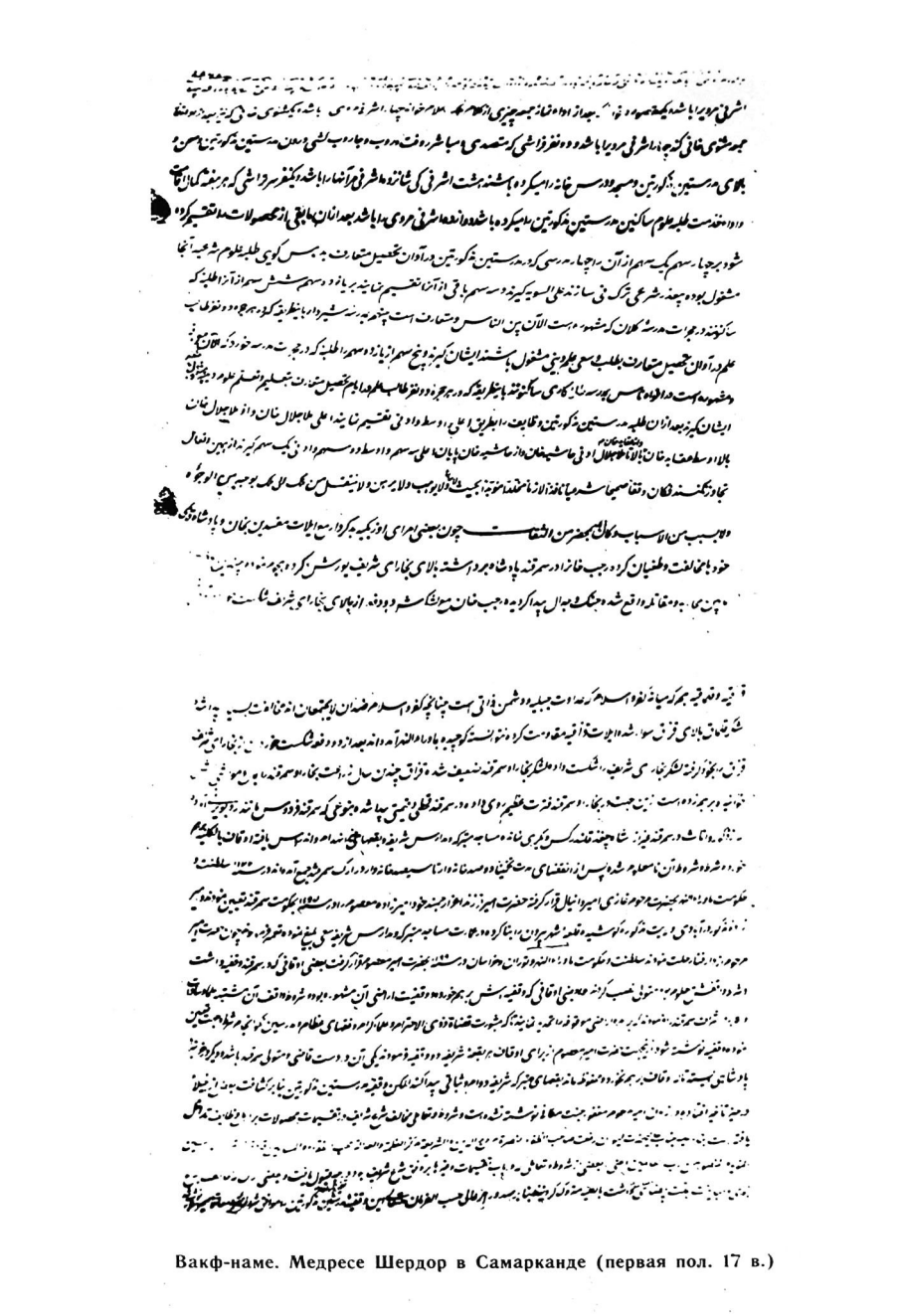
تألیف حافظ تنیش بن میر محمد البخاری

جلد ۲

نشریات «فن» ازبکستان
تاشکند ۱۹۶۹

Хафиз Таныш. Шараф-нама-йи-шахи. Книга шахской славы.
Посвящается Абдулла-хану II.

Карманный миниатюрный Коран.



Вакф-наме. Медресе Шердор в Самарканде (первая пол. 17 в.)

Бедиль и Даниш (17 в.)

انستیتوی خاورشناسی

نامهٔ عالم‌آرای نادری

تألیف

محمد کاظم

دفتر اوّل

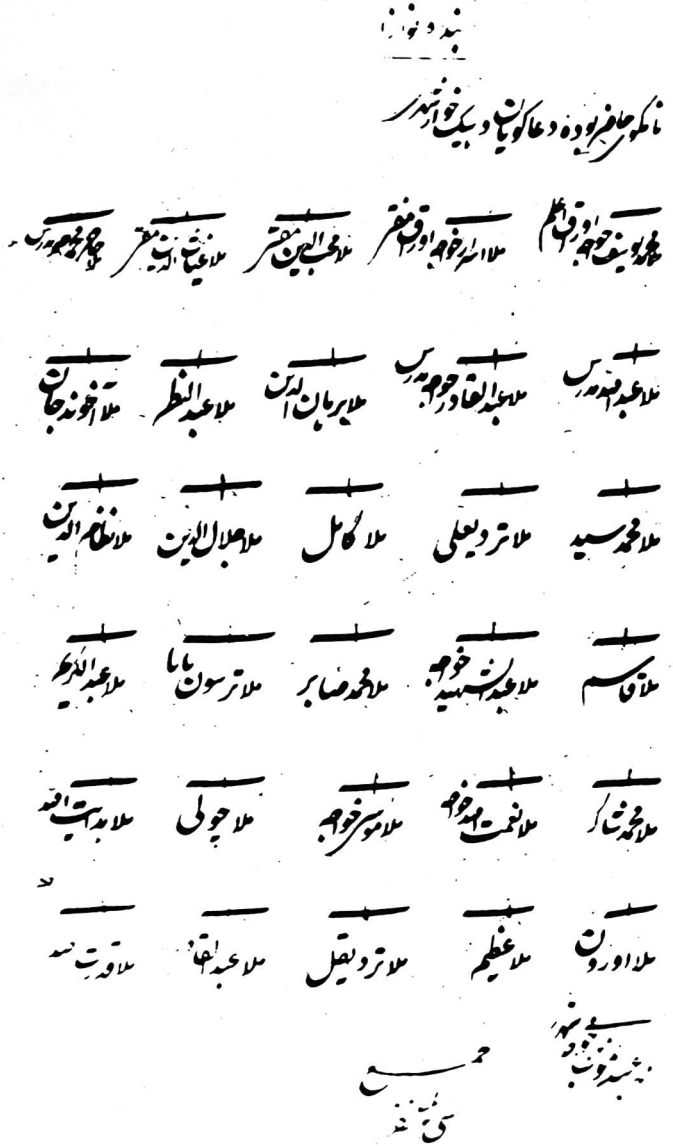
مشتمل بر عکس نسخه

با مقدمه بقلم میکلوخو ماکلای

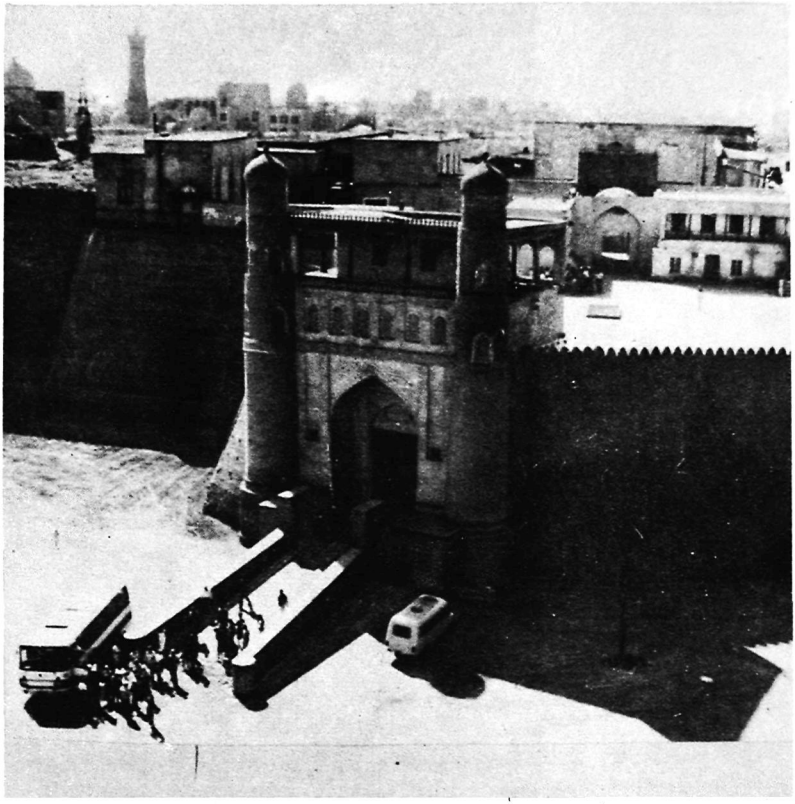
ترتیب دهندهٔ فهرستها شیتوف

مسکو ۱۹۶۰

Мухаммад Казим. Мироукрашающая надирова книга. 18 в.



Список видных ученых-муддарисов Бухарского ханства (середина 19 в.).



Арк — цитадель эмира бухарского.

ВАКФЪ-НАМЕ [1]).

Хазретъ. Эмиръ правовѣрныхъ. да будетъ надъ нимъ благословеніе Господне.

حضرت امیر المؤمنین سلمه الله تعالی

Хвала Богу Высочайшему въ небесахъ, Царю царей, подъ владычествомъ котораго все что находится на землѣ и на небѣ. Благословеніе и благодареніе пророку Его. во чью славу все создано, и близкимъ его и преподобнымъ собесѣдникамъ его. Затѣмъ да будетъ извѣстно всѣмъ умнымъ и свѣдущимъ людямъ. что земное жилище не есть прочное жилище: что настоящее обиталище есть обиталище смертное и тлѣнное — здѣшнее мѣсто, мѣсто человѣческое — что имѣніе на этомъ свѣтѣ не остается постоянно въ однихъ рукахъ, по той причинѣ что все на землѣ переходящее и конецъ всему, одаренному жизнью — смерть, а

الحمد لله رافع الافلاك ومالك الاملاك الذی تحت تصرفه من اسمك الی السماء والصلوة والسلام علی المبشر بتشریف اللولاك وعلی آله واصحابه المنزهین عن الشرک و الاشتراك اما بعد بر ضمایر اصحاب دانش وبر خواطر ارباب بینش مخفی ومستطر مباد که دار بی مدار دنیا واین آرام گاه مرك وفنا محل اقامت مردی وجای استقامت فردی نیست بحکم کل نفس ذائقة الموت حیات آن منتهی بممات است وروزگار آن منقضی از رحلت ووفات اذا جاء اجلهم لایتاخرون ساعة ولا یتقدمون نص صریح ودلیل صحیح

[1]) Перевелъ И. А. Александровъ.

Вакф-наме, документ, написанный в 1250 г.х. (1833 г.)
Самарканд.

удѣлъ всѣхъ живущихъ — могила; когда смерть пріидетъ никому не дадутъ отсрочки ни на одинъ часъ и ни кого ждать не будутъ.

انست بیت محمد که خورشید افلاك بودکه آخر مقامش ته خاك بود الدنیا مزرعة الآخرة این هستی مستعار مصروف طاعات وابن زنده‌کی پنج روزه باعث اکتساب حسنات از سیئآت باشد درین ایام خیریت سر انجام که بیمن عدل پروری وبیمامن معدلت کستری حامی المسلمین محمد شرع سید المرسلین امام المتقین فرمان فرمای ملك توران زمین مدینة العلم بخارای شریف از علم مملو وسمرقند فردوس مانند از آبیا ری شریعت صاحب نشا نمو مدارس از برکات علم انور وخوانق از انوار فیوض منوّر مساجد از شرف طاعات مزین ومعابد از کثرت عبادات احسن وشوق تعمیر بقاع خیر در ضمایر مضمر وذوق تصویر خوانق ومساجد درخواطر مصمّم ومقرر مهر ومحبت حتی که از میان پدران وپسران رخت اقامت بر اخته ودر طاق نسیان منزل ساخته بشرف این پادشاه نایب رسول الله معاودت نمود اجداد را بر اولاد و آبارا بر احفاد محبت تازه وشفقت بی

Въ доказательство неопровержимости сихъ словъ приведемъ слѣдующее изрѣченіе (двустишіе): „Мухамедъ былъ небеснымъ солнцемъ. — умеръ и могила сдѣлалась его жилищемъ. Настоящая жизнь посѣвъ для будущей и дана только для поклоненія Богу, пріобрѣтенія добрыхъ и для избѣжанія дурныхъ качествъ. „Цѣль твоего царствованія есть распространеніе правосудія и справедливости [1]). Ты защитникъ правовѣрныхъ, покровитель закона, правды, справедливости и вѣры, — возобновитель законовъ Имама благочестивыхъ, повелитель царей Туранской земли“.

„Ты, благородная Бухара (продолжаетъ вакфодатель), ты го-

родъ знаній и наукъ, и Ты Самаркандъ, подобный раю и освѣщенный шаріятомъ (шаригатъ), ростешь и ростешь; медресэ твои украшены благословеніемъ наукъ, ханыкэ (дома для странниковъ) — щедростью, мечети — достойнымъ Богослуженіемъ, мѣста молитвы — обильнымъ поклоненіемъ". „Сердце твое" (здѣсь авторъ снова обращается къ эмиру) „стремится къ добру, къ украшенію ханыкэ и храмовъ". Я, вакфодатель, считаю за благо свое имущество превратить въ вакфъ во славу эмира, намѣстника посланника Божія, а не оставить своимъ наслѣдникамъ, которые предадутъ это забвенію."

Доказательствомъ моихъ словъ да послужитъ слѣдующее:

„Вышеизложенное вакуфное завѣщаніе написано въ мѣсяцѣ Зульхиджэ 1250 года (въ Январѣ мѣсяцѣ 1833 года); вышепомянутыя благородныя слова составлены согласно съ шаріатомъ и печать приложена. Храбрый Мулла Азъ-Мухамедъ, Караулъ-Беги, родомъ Арабъ, сынъ Хасанъ — Бая, находится въ полномъ

اندازه بهم رسید چنانچه شاهد این حال ودلیل بر این مقال عنوان این تحریر وطغرای این تسطیر است در تاریخ شهر ذی الحجه سنه ۱۲۵۰ بود که اقرار صحیح معتبر شرعی نمود بنزد خاتمین فی هذه الوثیقه مبارزت پناه ملا عوض محمد قراول بیکی عرب ولد حسن بای حال جواز اقراره ونفاذ جمیع تصرفاته شرعا بر بنجمله که وقف صحیح شرعی نمودم وخارج گردانیدم از ملك خودم خالصا ومخلصا لله وطلبا لمرضائه تعالی وطمعا لشفاعة حضرت رسول اکرم صلی الله علیه وسلم بر مسجد مبنیه خودم که او واقع است درکنار خان شهید محمد شیبانی داخل شهر بیرون بلده دار السلطنة سمرقند فردوس مانند از محکومات بخارای شریف حفظها مع جناب حضرت سلطانها عن الافات والکزند محدود است مسجد مذکور مع صحنه بحدود اربعه معینه غر بابیوسته است براه عامی که بطرف دروازه قصم بن العباس رضی الله عنهما میروند شمالا نیز براه عام شرقا بحویلی خضر ولد شریف بای جنوبا براه عام فواصل فی الکل معلومه است واین مسجد مرتب از خشت

здоровьи (разсудкѣ) и вотъ его достойное похвалы завѣщаніе относительно доставшагося ему по закону имущества". „Все свое имѣніе превращаю въ вакфъ и отстраняю себя отъ владѣнія имъ, дабы быть достойнымъ милостей Божіихъ и ходатайства пророка его. Вакфъ этотъ идетъ: 1) въ пользу выстроенной мною мечети, находящейся въ Гюзари-Ханъ-Шаидъ внѣ крѣпости въ г. Самаркандѣ, владѣніи благородной Бухары, да сохранитъ ее Господь и царя ее отъ всякой напасти. Границы мечети вмѣстѣ съ дворомъ слѣдующія: съ запада лежитъ дорога ведущая къ воротамъ принца Кусамъ-Ибнъ-Абаса, да благословитъ его Господь; съ сѣвера къ той же дорогѣ; съ востока къ дому Хизра сына Шарифбаева; съ юга ко всѣмъ извѣстной дорогѣ. Мечеть выстроена изъ сженаго кирпича, столбы и подпоры балкона изъ бѣлаго мрамора.

پخته وقبه سقف ان نیز مکمل
از خشت پخته واستون پایهای ایوان
آن همه از سنك مرمر ثابت کردیده
است وبر اولاد ذکور خودم وبر اولاد
اولاد خودم ذکرا کان او انثی وعند فقده
برا ولاد اناث خودم ذکرا کان او انثی
ابدا ما تناسلوا وبر مقصوره خوان
روح خودم بعد وفاتی وبر مقصوره
خوان روح مادرم بران طریق که
تعین نموده میشود سهام هر واحدرا
و آخره الی فقراء المسلمین الی ان یرث
الله الارض وهو خیر الوارثین وممکی
وتمامی دو قطعهٔ زمن ملك دهیسکی
خودم را واقع است در موضع جوجوك
ابدال از تومان انهار بلده دار
السلطنة به سمرقند مذکور قطعه اولی
محدود است بحدود اربعه معینه غربا
پیوسته است بزمین ملك موضع
پنجشنبه وبعضی بحریم جوی عام و
بعضی بر زمین قوروق موضع سریغ
اولنك که مشهور است شمالا پیوسته
است براه عام که سابق از موضع
چرخین بسریغ اولنك مذکور میروند
وبعضی بقشلاق جای معین وبعضی
بحریم سای قم لیك که مشهور است
شرقا پیوسته است بعضی بحریم سای

2) Вакуфомъ пользуются: мои сыновья, внуки ихъ, правнуки ихъ и т. д. и т. д.; за прекращеніемъ же моихъ потомковъ въ мужскомъ колѣнѣ, право это переходитъ и на потомковъ моихъ дочерей; остальное затѣмъ должно быть роздано бѣднымъ мусульманамъ, ибо для нихъ Богъ создалъ землю. Вакфъ составляютъ два участка мильковой земли, которой 1/10 находится между землями принадлежащими деревнѣ Джуджакъ-Айдалъ тумана Энгарскаго, въ районѣ Самарканда. Границы перваго участка слѣдующія: съ запада лежитъ мѣсто Пенджшамбэ, затѣмъ канавы съ пустопорожней землею селенія подъ названіемъ Сарихъ-Оленгъ; съ сѣвера — бывшая дорога отъ Чархина до Сарихъ-Оленга, извѣстный кышлякъ и Сайкумлыкъ, канава проведенная отъ домовъ Бекъ-Калыда, сына Сырды, и Ташъ-Мухамеда-Акасы сына Джикера; наконецъ съ юга лежитъ земля Пенджшамбэ, и частью дорога всѣмъ извѣстная.

مذکور و بعضی بحریم جوی عام که از
پهلوی خانهای بیك کیشلدی ولد
بیردی وتاش محمد چهره اقاسی ولد
حکربی میگذرد جنوبا پیوسته است
بعضی بزمین ملك پنجشنبه مذکور
و بعضی براه عام فواصل فی الکل
معلومه است بجمیع الحقوق والمرافق
والشرب مع المجاری قطعه ثانیه از
روی چك قدیم محدود است بحدود
اربعه معینه غربا پیوسته است بحدود
مذکور شمالا وشرقا بحریم جوی
آسیای قدیم جنوبا بعضا پیوسته است
بحویلی تاش محمد چهره اقاسی مذکور
و بعضی بشاغ جوی معین فواصل
در کل علامات معلومه است ونیز
ممکی وتمامی یکقطعه زمین حق وملك
دهبسکی خود مرا که واقع است در
موضع مذکور حدود آن نیز از روی
صك قدیم غربا پیوسته است بحریم
جوی عام که بموضع بوسلاق میروند
وبعضی بزمین موضع بوسلاق مذکور
که در ایدی ورثهٔ محمد رحیم است
شمالا پیوسته است بحریم جوی عام
وبعضی بتل معین شرقا پیوسته است
براه عام که بموضع درخین میروند و
بعضی بزمین قوروق موضع سریغ

Весь описанный участокъ со всѣми принадлежностями, канавами и дорогами — весь онъ переходитъ въ вакфъ.

Второй участокъ, границы его, описанныя въ одномъ древнемъ документѣ, слѣдующія: сѣверныя обозначены въ упомянутомъ документѣ, восточныя и сѣверныя составляютъ канавы бывшей мельницы, южная частью домъ упомянутаго Ташмухамеда, частью арыкъ [1]).

Наконецъ, границы земли входящей въ составъ послѣдняго участка. Съ западной стороны, какъ описано въ старомъ документѣ, прилегаетъ канава идущая въ Буслакъ, отчасти земля Буслака, принадлежащая наслѣдникамъ Мухамедъ-Рахима; съ сѣверной земля эта граничитъ арыкомъ, и частью холмами; съ восточной дорогою,

اولنك مذكور جنوبا پيوسته است بزمين ملك پانچشنبه كه در ايدى ورثه بالته بيك ديوان بيكى است وبعضى بزمين بوسلاق مذكور فى الكل معلومه است بجميع الحقوق و المرافق والشرب مع المجارى آن ونيز همكى وتمامى يكباب آسيای حق وملك مر خالص خودم كه دابر است در جويبار سيه آب كلان پل ميرزا مشتمل است بر آلات حجريه وحديديه وخشبيه وناوق است در موضع پل ميرزا از تومان شاودار از بلدهٔ دار السلطنة مذكور محدود است بحدود اربعه معينه غربا پيوسته است بجوی مخرج بعضی بعرصه ملك متروكه مولانا مير ابو الخير خواجه اعلم كه در ايدى ورثه معلومين ايشان است شمالا پيوسته است بعرصهٔ مذكوره شرقا بعرصهٔ بلا مالك جنوبا پيوسته است بديوار جری معين فواصل فى الكل معلومه است بجميع الحقوق والمرافق والشرب مع المجارى آن شرط نمود واقف

ведущей въ Чирчикъ, частью пустошью упомянутаго Сарихъ-Оленга; съ юга землею селенія Пенджшамбэ находящеюся во владѣніи наслѣдниковъ Балты-Диванъ-беги, а частью землею вышеупомянутаго селенія, подъ названіемъ Буслака. Да будетъ всѣмъ извѣстно что всѣ эти земли со всѣми своими принадлежностями, дорогами и арыками переходятъ въ вакфъ.

Кромѣ того, въ составъ вакфа входитъ мельница, стоящая на рѣкѣ подъ названіемъ Сіе-Абъ (Черная вода), близь моста „Мирза“, со всѣми ея принадлежностями съ жерновами ея, желѣзомъ и жолобами. Границы моста слѣдующія: западную составляютъ русло текшей тутъ рѣчки, и частью заброшенное мѣсто Муллы Миръ-Абулъ-Хейра, которое принадлежитъ его наслѣдникамъ; сѣверную — тоже мѣсто; восточную — никому не принадлежащая земля; южную — стѣна Джуры.

مذکور بریںجمله که متولی این
وقف ما دام حیاته خود باشد وبعد
وفات وی متولی این وقف اصلح و
اکمی از اولاد ذکور وی ثم وثم
هکذا الی ما شا الله تعالی تعین
مصارف بریںوجه که مقرر خود که
متولی از محصولات ورساله موقوفات
فی الصدر اولا عشر گیرد وبعد از
ان بقیه محصولات ورساله آنرا دو
تقسیم برابر کرده یك قسم آنرا بر
اولاد ذکور من واقف صرف نماید ونزد
عدم طبقه اولی بر طبقة ثانی صرف
نماید وبعد از موت هر کدام از طبقه
اولی حصه اورا چون میراث باولاد
او بدهد هکذا ابد اما تناسلو بطنا
بعد بطن قرنا بعد قرن وظیفه اولاد
موقوفی علیهم آنکه عمارتیکه در پل
مغاك بنا کرده ام همه وقت آنرا
معمور دارند وبخرابی نگذارند و
قسم دیگر از محصولات هرساله را
متولی اولاد وی اولا بعبارت مهمه
مسجد مذکور صرف نماید وبعد از
استغنا وانچه زیاده می آید آنرا پنج
سهم برابر تقسیم کند دو سهم از آنرا
بر امام مسجد مذکور که در صلوة
خمسه بمسجد مذکور امامت کرده

Все вышеописанное со всѣми принадлежностями: орошеніемъ, дорогами — все это превращается въ вакфъ на слѣдующихъ основаніяхъ: До конца своей жизни вакфомъ этимъ завѣдываетъ самъ вакфодатель, послѣ-же смерти его достойнѣйшія изъ его дѣтей. Изъ собираемыхъ каждый годъ доходовъ Мутевели (завѣдывающій вакфомъ) беретъ $^1/_{10}$ себѣ; остальное дѣлится на двѣ части: одну изъ нихъ берутъ наслѣдники вакфодателя въ мужскомъ колѣнѣ, какъ пояснено выше; изъ этой же части слѣдуетъ чинить мостъ и не допускать его до разрушенія (мостъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Мугакъ); остальную затѣмъ часть Мутевели употребляетъ на починку мечети, остатокъ-же этой части дѣлится на 5 равныхъ частей: двѣ изъ нихъ, т. е. $^2/_5$ этого остатка, получаетъ имамъ вышеупомянутой мечети, за что онъ обязанъ совершать каждый день 5 молитвъ, а въ случаѣ своей отлучки поставить другаго за себя; $^1/_5$ дается Муазыну, призывающему 5-ть разъ ежедневно къ молитвѣ, и сторожу означенной мечети, а въ случаѣ ихъ отлучки или болѣзни, долею этой пользуются исполняющіе ихъ

بیعذر شرعی ترك ننموده وعند العذر
از جانب خود نایب نصب می نموده
باشد وی کیرد ویکسهم از پنج سهم را
موذن کیرد که بمسجد مذکور آن
پنج وقت نمازرا اذان بروفق سنت
میکفته باشد وباشد موذن مذکور
مرد ظاهر الصلاح که درون وبیرون
مسجد را از خاشاك وکرد وبرف و
باران میروفته بیعذر شرعی ترك
ناکرده اذان واقامت را کفته عند
العذر نایب از جانب خود تعین کرده
باشد وی کیرد ویکسهم دیکر از پنج
سهم را متولی مذکور صرف پلاس و
جای نماز مسجد مذکور نماید ونزد
استغنای مسجد مذکور از پلاس و
بوریا وجای نماز آنرا صرف شمع و
روغن مسجد مذکور نماید وانچه زیاده
از صرف روغن چراغ ماند درین
مسجد هر مسافریکه نزول کند صرف
اطعام آن نماید ویکسهم باقی مانده
از پنج سهم مذکور را مقصوره خوانی
که مجاز از مهره قن قراءت باشد وهر
پکاه جمعه دوشنبه بقدر یك جزو از
قرآن کریم خوانده ثواب انرا بروح
واقف مذکور بعد وفاته وبروح مادر
واقف که در مقابر پشته جناب نور

обязанности; четвертую затѣмъ часть Мутеволи употребляетъ на покупку постилокъ для мечети и на освѣщеніе, остатокъ-же отъ этой части употребляется на пищу для странниковъ; послѣднюю часть получаетъ тотъ, кто будетъ читать за душу вакфодателя и за душу матери его, могила которой находится на кладбищѣ царевича Кусамъ-Ибнъ-Абасъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе.

الاصحاب حضرت شهزاده قصم بن العباس رضی الله عنهما آسوده است می بخشیده باشد وی کیرد وبعدازین ایشان واعتراق واقف مذکور می خواست که بعلت عدم لزوم ازین وقف رجوع نماید لهذا قاضی القضاة خاتم فی الذیل که عالم بمحل خلاف واختلاف بودند حکم بلزوم این وقف در ضمن سرافعه شرعیه نموده مجددا حکم کردند که این حکم حکم برکافه ناس باشد فمن بدله بعد ما سمعه فانما اثمه علی الذین یبدلونه وکان هذا وقفا صحیحا مسجلا جامعا بجمیع شرایط بمحضرمز العدول والثقات و المسلمین

Послѣ сего вакфодатель отказался сдѣлать свою землю вакфомъ, я-же какъ судья приказываю, чтобы эта земля сдѣлалась вакфомъ и съ приложеніемъ своей печати удостовѣряю [1]).

На подлинникѣ находятся слѣдующія печати:

1) Старшій Судья Казы-Миръ-Абу-Саидъ-Ходжа, сынъ Миръ-Абдулъ-Хай-Ходжи, Старшаго изъ ученыхъ (эмир. должность).

قاضی القضاة قاضی میر ابو سعید خواجه بن میر عبد الحی خواجه شیخ الاسلام

2) Миръ Насыръ-Ходжа-Муфтій, сынъ Абдунасыръ-Ходжа-Мусави.

میر ناصر خواجه مفتی بن ابو النصر خواجه الموسوی

3) Муминъ-Ханъ, Шейхъ-Улъ-Исламъ.

مومن خان شیخ الاسلام

4) Судья Ишанъ-Ходжа, сынъ Старшаго Судьи Миръ-Абдулъ-Хай-Ходжи.

قاضی ایشانخواجه بن قاضی القضاه میر عبدالحی خواجه

5) Миръ Абу-Таиръ-Ходжа-Раисъ, сынъ Миръ-Абу-Сеидъ-Ходжи, главнаго судьи.

میر ابو طاهر خواجه رئیس بن میر ابو سعید خواجه قاضی کلان

6) Мулла Мухамедъ-Земанъ, Муфтій, сынъ ахунда Мулла-Мухамедъ Риза.

ملا محمد زمان مفتی بن آخوند ملا محمد رضا

7) Мулла ходжа Камиль-Аламъ.

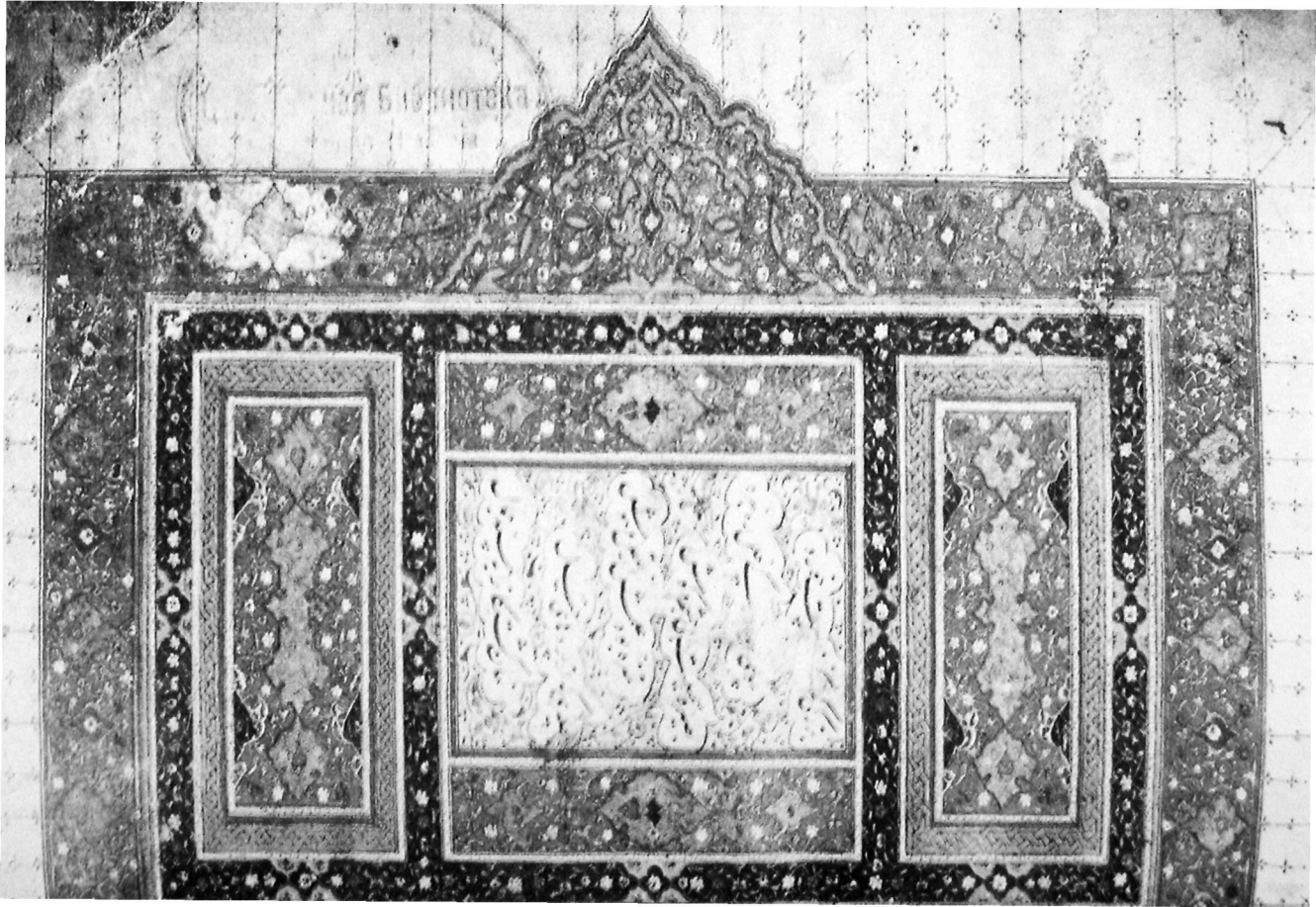
ملا خوج کامل اعلم

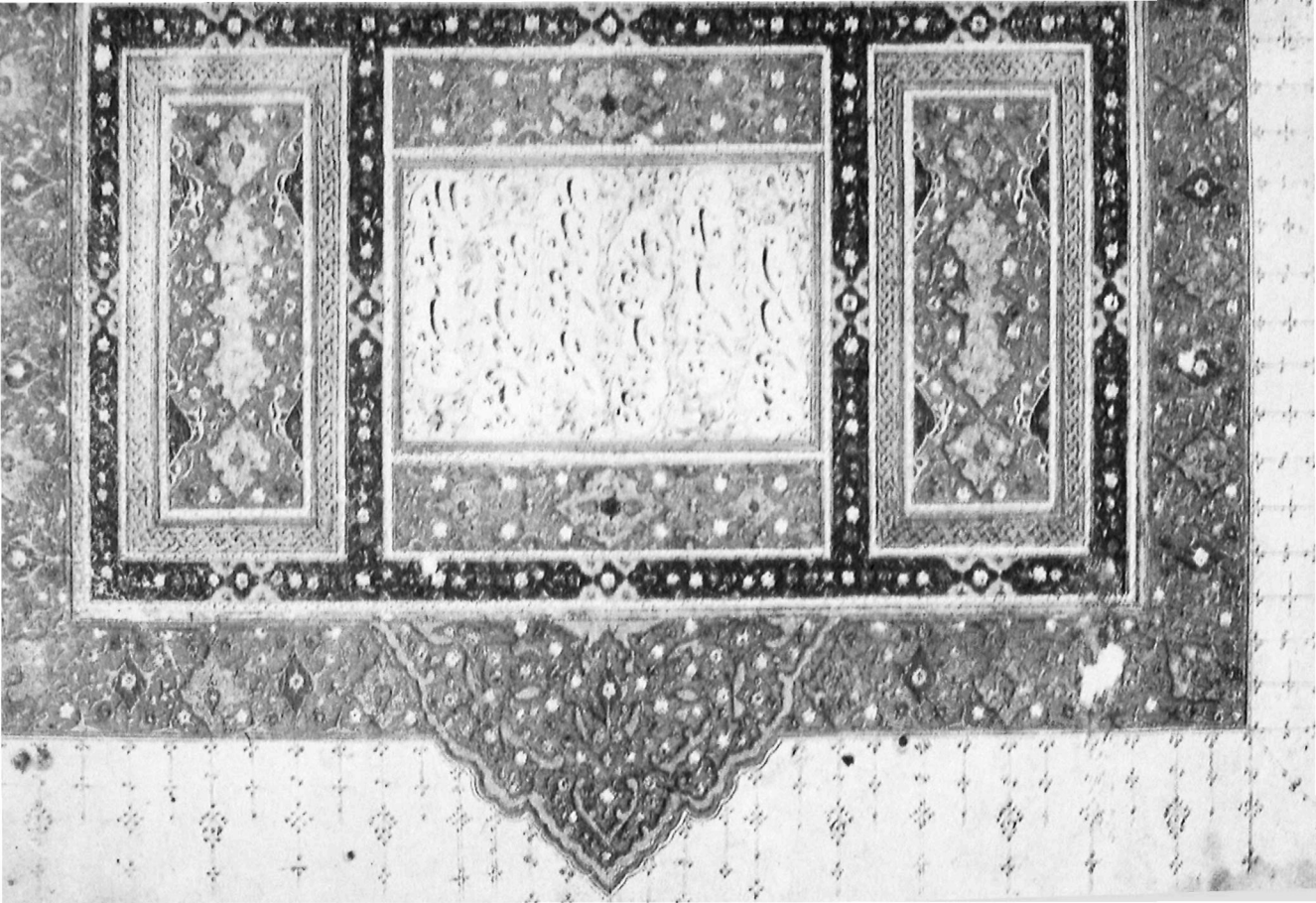
8) Нуръ-Мухамедъ-Муфтій, сынъ Хафиръ-Мухамеда.

نور محمد مفتی بن محمد فاخر

9) Отъ милостей Царя Царей и Его Величества Абизъ-Ходжа осчастливенъ Муфтитурою (должностью Муфтія).

زلطف شهنشاه والاکهر
بفتوی عوض خواجه شد کام ور





▪Умитувчи